

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

Q60
M868

www.libtool.com.cn

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STACKS
JUN 14 1918

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ,

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ.

МОСКВА.

Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, домъ. Мараевой.

1887.

Печатать разрѣшается по опредѣленію Историко-филологическаго факультета
Императорскаго Московскаго Университета. 21 іюня 1887 г.

Деканъ Г. Ивановъ.

59390

www.libtool.com.cn

Всеволода Миллера.

ОСЕТИНСКІЕ ЭТЮДЫ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

МОСКВА.

Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, домъ Мараевой.

1887.

www.libtool.com.cn

THIS ITEM HAS BEEN MICROFILMED BY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
REFORMATTING SECTION 1991. CONSULT
SUL CATALOG FOR LOCATION

Издание Императорскаго Московскаго Университета.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МАКСИМУ МАКСИМОВИЧУ

КОВАЛЕВСКОМУ,

моему товарищу по изслѣдованію

Осетинъ.

www.libtool.com.cn

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе стр. I.

Историческія свѣдѣнія объ осетинахъ и вопросъ о происхожденіи этого народа.

Введеніе стр. 1—3.

ГЛАВА I. Территорія, населенная осетинами стр. 4. Границы ея 5. Сосѣди осетинъ 6. Численность осетинъ и дѣленіе ихъ на общества 6. Названія даваемыхъ осетинами сосѣднимъ народамъ 7. Древняя территорія осетинъ, занятая въ настоящее время тюркскими горскими обществами Кабарды 7—11. Разборъ культурныхъ словъ, свидѣтельствующихъ о сѣверномъ происхожденіи осетинъ и ихъ раннемъ бытѣ 11—15. Источники нашихъ свѣдѣній о прошломъ осетинъ 15. Оцѣнка грузинскихъ анналовъ Вахтанга 16. Взглядъ на нихъ проф. Патканова 16—18. Свидѣтельства анналовъ Вахтанга объ осетинахъ (оссахъ) 18—39.

ГЛАВА II. Доказательства тому, что имя кавказскихъ алановъ распространялось и на предковъ осетинъ 39—42. Свидѣтельства о территоріи алановъ 42—47. Извѣстія средневѣковыхъ писателей объ аланахъ 47. Діонисій географъ 48. Плиній 48. Іосифъ Флавій 48. Светоній 49. Діонъ Кассій 49. Амміанъ Марцеллинъ 50—53. Прокопій 53. Менандръ 54—56. Теофанъ 56—58. Тюркскіе сосѣди осетинъ 59—66. Упомянутіе ясовъ въ русскихъ лѣтописяхъ 66—70.

ГЛАВА III. Вопросъ о времени поселенія предковъ осетинъ на сѣверѣ Кавказа стр. 70—74. Древность иранскаго элемента населенія на Дону и въ припонтійскихъ странахъ 74—75. Иранскія топографическія названія 76—78. Иранскія имена въ греческихъ надписяхъ изъ припонтійскихъ колоній 79—82. Доказательства тому, что иранскій языкъ, засвидѣтельствованный этими надписями, былъ предкомъ осетинскаго языка 82—84. Народность сарматовъ 84—96. Заключенія 96—101.

Экскурсъ о бомарахъ и аланахъ въ новомъ спискѣ географіи, притисываемой Моисею Хоренскому стр. 102—116.

Экскурсъ о скивахъ стр. 116—136.

Грамматическіе экскурсы въ области осетинскаго языка: фонетика стр. 137—162. Словообразование стр. 162. Склоненіе 162—164. Числительныя 164. Спряжение 164—167. Новыя словопроизводства 167—169.

Образы южно-осетинскаго нарѣчія: 1. О безыменномъ сынѣ Урызмэга стр. 170—174. 2. О Тамарѣ стр. 174—176. 3. Человѣкъ и лиса стр. 176—177. Примѣчанія стр. 178.

Осетинскія загадки стр. 180—182.

Дигорскія пословицы стр. 183—189.

Иронскія пословицы стр. 189—190.

Примѣчанія стр. 190—191.

Указатель именъ и предметовъ стр. 193—204.

Указатель осетинскихъ словъ стр. 205—215.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вслѣдствіе разныхъ занятій, отвлекавшихъ меня отъ обработки III-й части Осетинскихъ этюдовъ, она появляется слишкомъ черезъ 4 года послѣ II-ой, несмотря на то, что въ рукописи главы по исторіи осетинъ были готовы уже года два тому назадъ и ими уже пользовался М. М. Ковалевскій для своего труда „Современный обычай и древній законъ“. Входящія далѣе въ составъ этой части „Грамматическіе экскурсы въ области осетинскаго языка“ были написаны уже въ концѣ 1883 года, и въ рукописи сообщены профессору Гюбшманну, который воспользовался ими для своей книги: *Etymologie und Lautlehre der Ossetischen Sprache*, вышедшей въ Страсбургѣ въ началѣ текущаго года. Осетинскіе тексты, издаваемые въ приложеніи, были собраны мною во время путешествія по Кавказу въ 1883 году. Такимъ образомъ, къ послѣднимъ по времени работамъ принадлежать въ этой части: Экскурсъ о болгарахъ и аланахъ въ новомъ спискѣ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, и экскурсъ о скинахъ.

Въ дополненіе библіографіи по осетинамъ, помѣщенной во 2-ой части „Этюдовъ“ (стр. III—VII), считаю нужнымъ упомянуть нѣсколько *значительныхъ* трудовъ, появившихся въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, оставляя въ сторонѣ нѣсколько мелкихъ этнографическихъ статей, напечатанныхъ въ кавказскихъ повременныхъ изданіяхъ. Къ такимъ трудамъ, кромѣ вышеназванныхъ работъ М. М. Ковалевскаго и Гюбшманна, должно отнести: Іосифа Епископа Владикавказскаго „Русско-осетинскій словарь съ краткою грамматикою“, (Владикавказъ 1884); Д. Лазрова — „Замѣтки объ Осетіи и Осетинахъ“, помѣщенные въ III выпускѣ „Сборника мате-

ріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, (Тифлисъ 1883) и книжку v. *Stackelberg'a* „Beiträge zur Syntax des Ossetischen“ (Strassburg 1886).

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить глубокую признательность профессору Залеманну, посвятившему „Осетинскимъ Этюдамъ“ критическую статью (помѣщ. въ *Literaturblatt für orientalische Philologie* (1883), и моимъ товарищамъ профессорамъ Ф. Θ. Фортунатову и Θ. Е. Коршу, сдѣлавшимъ мнѣ немало цѣнныхъ лингвистическихъ замѣчаній.

ВВЕДЕНІЕ.

Кавказскій хребетъ—эта „гора языковъ“—представляетъ капитальный интересъ для этнографіи. Нѣтъ другой мѣстности на земномъ шарѣ, гдѣ-бы, на сравнительно небольшомъ пространствѣ, скучивалась такая масса разноплеменныхъ и разноразичныхъ народовъ. Если когда-нибудь предвидится возможность рѣшить хоть небольшое число запутанныхъ вопросовъ о національности разныхъ народовъ, нѣкогда смѣнявшихъ другъ друга въ древніе и средніе вѣка въ необозримыхъ равнинахъ южной Россіи, то только подъ условіемъ изученія этнографіи Кавказа. Да и не мудрено, что Кавказскій перешеекъ является ключомъ для разрѣшенія этнографическихъ вопросовъ: достаточно бросить взглядъ на географическую карту, чтобы понять значеніе Кавказа какъ азіатско-европейскаго азулуса. Южно-русская равнина со стороны востока, на пространствѣ между сѣверной окраиной Каспія и послѣдними отрогами Уральскаго хребта, не представляла естественныхъ преградъ для народовъ, двигавшихся въ Европу изъ степей центральной Азіи. Переходя рѣки—Ураль, Волгу, Донъ,—эти народы безконечной вереницей двигались въ южно-русскія степи и стремились далѣе на западъ въ среднія и южныя страны Европы. При взаимномъ столкновеніи, побѣжденные племена, тѣснимыя новыми „населенниками“ изъ Азіи, должны были искать убѣжища въ сторонѣ отъ обычнаго пути народовъ,—на сѣверѣ или на югѣ отъ него. Тѣ изъ нихъ, которые искали такого убѣжища на югѣ, неминуемо были оттѣсняемы къ берегамъ Чернаго и Азовскаго моря или къ Кавказскимъ горамъ. Попавъ однажды на сѣверъ Кавказа, тѣснимыя народы были, такъ сказать, припираемы къ стѣнѣ и не имѣли выхода, будучи заперты со всѣхъ сторонъ. Съ

сѣвера тѣснили ихъ побѣдители, съ запада имъ пресѣкало путь побережье Азовскаго и Чернаго моря, съ востока берега—Каспія, съ юга—сплошной высокій хребетъ, перерѣзывающій весь перешеекъ длинной стѣною въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Тѣснимый отовсюду, народъ искалъ убѣжища въ горныхъ ущельяхъ, причемъ и здѣсь боролся съ другими народами раньше его загнанными изъ степи въ горы. Не трудно представить себѣ, какъ могли вліять новыя условія жизни на народы, загнанные изъ плоскости въ горы. Если народъ былъ способенъ выдержать борьбу съ природой и туземцами, онъ завоевывалъ себѣ новую родину; но во всякомъ случаѣ измѣнившіяся условія жизни и постоянная борьба, съ теченіемъ времени, сокращали его численность. Степнякъ-номадъ нелегко привыкаетъ къ горамъ: только необходимость заставляетъ его освоиться съ ними, и только чрезъ нѣсколько поколѣній вырабатывается изъ него типъ горца. То, что происходило на сѣверномъ Кавказѣ, происходило и на южномъ склонѣ. И съ юга, со стороны Колхиды, Иверіи, Арменіи, загонялись въ горы побѣжденные народы, не имѣя выхода ни на востокъ, ни на западъ. Понятно, что такимъ образомъ Кавказскій хребетъ становился „*юрою языковъ*“ и что если въ настоящее время языки и нарѣчія считаются въ немъ десятками, то въ глубокой древности ихъ было еще болѣе, ибо многіе народы, истощаясь въ постоянной борьбѣ, гибли, и отъ языковъ ихъ не осталось и слѣда.

Кавказское языковѣдѣніе пришло къ заключенію, что между главными и древними группами языковъ сѣвернаго и южнаго склона Кавказа нѣтъ родства. Это указываетъ на то, что Кавказъ былъ дѣйствительно стѣною, раздѣлявшею народы и что естественныя бреши въ этой стѣнѣ рѣдко были открыты для передвиженія племенъ. Перевалы черезъ гигантскій хребетъ и въ настоящее время, при существованіи военно-грузинской и военно-осетинской дорогъ, трудны, а въ нѣкоторыя поры года почти невозможны. Въ глубокой же древности перевалы представляли еще болѣе естественныхъ трудностей, которыя усложнялись еще тѣмъ, что искони народы, сидѣвшіе у воротъ, (у Дарьяльскаго, Мамисонскаго ущелья, у Дербента и т. д.) чутко оберегали ихъ, видя въ этомъ для себя спасеніе. Только сильнымъ, многочисленнымъ и

единственнымъ народамъ удавалось вторгаться съ сѣвернаго Кавказа въ южный и время отъ времени производить набѣги на плодородныя страны, прилегающія съ юга къ хребту.

Можно думать, что всѣ современные мелкіе народцы, доживающіе свой вѣкъ въ ущельяхъ Кавказскаго хребта, представляютъ скудные остатки болѣе крупныхъ народовъ, нѣкогда бродившихъ въ степяхъ и, быть можетъ, извѣстныхъ древнимъ и средневѣковымъ историкамъ и географамъ подъ иными именами. Горы и ущелья привлекательны своими романтическими красотою для культурныхъ людей: народъ же, ищущій себѣ выгодныхъ условій для существованія, поселяется въ нихъ только за неимѣніемъ лучшихъ, болѣе привольныхъ мѣстъ, только подъ давленіемъ необходимости. Въ силу естественныхъ условій цивилизація не могла развиться въ кавказскихъ ущельяхъ; напротивъ, даже заносимая туда съ плоскости, она вырождалась и гибла въ борьбѣ съ природою. Суровость зимы, трудность сообщеній по горнымъ тропинкамъ, которымъ зимою вѣчно угрожаютъ снѣжные завалы, а лѣтомъ осыпи, разобщенность поселеній, недостатокъ земли для хлѣбопашества, закоренѣлое разбойничество, облегчаемое самой природою—всѣ эти неблагоприятныя условія сгубили не мало мелкихъ народностей, забившихся въ горы, и повели къ ослабленію и измелчанію тѣхъ, которыхъ не могли сгубить окончательно. Къ такимъ остаткамъ болѣе сильныхъ и многочисленныхъ народовъ принадлежатъ и осетины, которые составляютъ предметъ нашего изслѣдованія. Какого племени этотъ народъ? Подъ какими именами былъ онъ извѣстенъ прежде? Откуда пришелъ? Какія существуютъ о немъ историческія свидѣтельства?—вотъ вопросы, которые мы постараемся разсмотрѣть въ слѣдующихъ главахъ.

Г л а в а I.

Территорія, населенная осетинами. Границы ея. Сосѣди осетинъ. Численность осетинъ и дѣленіе ихъ на общества. Названія, даваемые осетинами сосѣднимъ народамъ. Древняя территорія осетинъ, занятая въ настоящее время татарскими горскими обществами Кабарды. Разборъ культурныхъ словъ, свидѣтельствующихъ о сѣверномъ происхожденіи осетинъ и ихъ раннемъ бытѣ. Источники нашихъ свѣдѣній о прошломъ осетинъ. Оцѣнка грузинскихъ annals Вахтанга. Взглядъ на нихъ проф. Павлова. Свидѣтельства annals Вахтанга объ осетинахъ (оссахъ).

Число осетинъ, по статистическимъ даннымъ 1881 года, приводимымъ г. Лавровымъ ¹⁾, простирается до 111,000 душъ обоюго пола. Они населяютъ главнымъ образомъ склоны и долины Кавказскаго хребта между 42° 5', 43° 20' с. шир. и 61° 10', 62° 20' восточ. долготы, т. е. почти середину Кавказскаго перешейка. Это пространство, на которомъ слышится осетинская рѣчь, включаетъ въ себѣ около 205—210 квадр. миль. Но кромѣ этого главнаго района, осетинскія поселенія распространены въ сторонѣ отъ хребта—по среднему теченію Терека, близъ города Моздока. Разбросанныя здѣсь частью отдѣльно, частью совмѣстно съ поселеніями русскими, они обособляются отъ главнаго района 50-ти верстной полосой поселеній чеченскихъ и русскихъ и представляютъ какъ бы колонію около 4 тысячъ душъ населенія.

По общему рельефу своей поверхности осетинскій округъ представляетъ страну весьма гористую; низменныя мѣста встрѣчаются въ немъ, лишь на сѣверной и южной окраинахъ, въ видѣ небольшихъ полосъ или точнѣе предгорныхъ равнинъ. Вообще же, весь районъ осетинскаго племени, какъ въ самомъ массивѣ хребта, такъ и въ окрестностяхъ г. Моздока (по среднему теченію Терека), представляетъ по высотѣ своей поверхности надъ уровнемъ моря *дѣя* полосы: горную и равнинную. *Первая* начинается съ сѣверныхъ и южныхъ окраинъ хребта, съ высоты приблизительно 3,000 футовъ, и

¹⁾ См. его изслѣдованіе „Замѣтки объ Осетіи и осетинахъ“, помѣщенное въ III Вып. Сборника Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изъ этого добросовѣстнаго изслѣдованія мы заимствуемъ нижеприводимыя географическія указанія.

восходитъ въ серединѣ хребта до средней высоты сѣжныхъ гребней—въ 11 тысячъ футовъ и отдѣльныхъ вершинъ въ 14, 15 и 16 тысячъ футовъ; она составляетъ около 0,75 всей поверхности осетинскаго района. Вторая полоса—равнинная, съ высотой ниже 3,000 футовъ—составляетъ не болѣе 0,25 всей поверхности округа или 50—52 кв. миль. Одна половина этого пространства составляетъ Владикавказской равниной, а другая распределяется на двѣ неровныя части: болѣе высокую—на южномъ склонѣ хребта, и меньшую—по среднему теченію Терека, въ окрестностяхъ Моздока. Главныя горныя вершины, выступающія на Кавказскомъ хребтѣ на пространствѣ Осетинскаго округа, слѣдующія: на самомъ востокѣ округа—Казбекъ (16,546 ф.); къ западу отъ него въ послѣдовательномъ порядкѣ выдѣляются: Джимара-хохъ (15,673 фт.), Сырхубарзандъ (13,634 фт.), Тепли-хохъ (14,510 фт.), Адай-хохъ (15,244 фт.) и нѣсколько другихъ менѣе высокихъ пиковъ и конусовъ.

На сѣверной окраинѣ осетинскія поселенія граничатъ съ Кабардинскими на 75 верстовомъ протяженіи, и далѣе перемежаются со станицами казаковъ и аулами ингушей. Восточная граница Осетии начинается въ сѣверо-восточномъ углу Владикавказской равнины и направляется по ея восточной окраинѣ въ ущелье Военно-грузинской дороги. На сѣверномъ склонѣ хребта осетинскіе аулы отдѣляются отъ ауловъ ингушей и чистовъ теченіемъ Терека; близъ перевала—они отклоняются отъ полотна дороги на 5—6 верстъ; на южномъ склонѣ восточной границей осетинскихъ поселеній служить р. Арагва. По ширинѣ перевала къ землѣ осетинъ примыкаютъ земли хевсуровъ и пшаховъ, въ бассейнѣ Арагвы аулы осетинъ перемежаются съ поселками грузинъ. Юго-восточной границей осетинъ можетъ быть названо восточное колѣно р. Арагвы, гдѣ она отходитъ отъ Военно-грузинской дороги, и городъ Душеть. На южномъ склонѣ хребта поселенія осетинъ вообще значительно смѣшаны съ селами грузинскими; вслѣдствіе этого южная граница осетинъ представляетъ какъ бы широкую полосу, проходящую по предѣльнымъ осетинскимъ поселеніямъ и постепенно сливающуюся съ Грузіей. Начинаясь близъ города Душета, эта полоса-граница проходитъ сначала у подошвы хребта, а потомъ направляется по правымъ притокамъ рѣки Лиахвы къ верховьямъ Ріона.

Западная граница Осетинъ тянется отъ истоковъ Ріона чрезъ Кавказскій хребетъ по горнымъ вершинамъ, окаймляющимъ съ лѣвой стороны теченіе р. Уруха и его верхнихъ притоковъ, до выхода Уруха изъ хребта на предгорную равнину.

На 85—90 верстномъ протяженіи своей западной границы осетинскій округъ примыкаетъ: въ верховьяхъ р. Ріона—къ землѣ имеретинъ и по теченію р. Уруха—къ землямъ горскихъ татаръ—балкарцевъ.—Такимъ образомъ осетины окружены со всѣхъ сторонъ племенами, съ которыми не имѣютъ ничего общаго по языку и происхожденію, а именно: кабардинцами, казаками, нигушами и кистами, пшавами и хевсурами, грузинами, имеретинами и горскими татарами (балкарцами).

Осетины по сую сторону хребта распадаются на нѣсколько обществъ по ущельямъ притоковъ Терека, которыя они занимаютъ. Такъ,—иди съ запада на востокъ,—ущелье р. Уруха и его притоковъ населено *диюрцами*, сосѣдящими съ балкарскимъ обществомъ горскихъ татаръ. По долинѣ Ардона и его притоковъ сидятъ *алаири* (уѣлаг-ір—верхніе Осетины); по ущельямъ Саудона и Фиагдона—*куртатинцы*, по Гизельдону и его притокамъ и по лѣвому берегу Терека сидятъ *тагаурцы*. Осетины, частью огрузинившіеся, на южномъ склонѣ хребта, сосѣдятъ съ Душетскимъ уѣздомъ Тифлисской и Рачинскимъ уѣздомъ Кутаисской губерніи и занимаютъ область извѣстную въ грузинской географіи подъ названіемъ *Двалети*. Сѣверные осетины называютъ ихъ общимъ именемъ Тѣалтѣ.

До покоренія Кабарды русскими, осетины жили исключительно въ горахъ. Кабардинцы, народъ гораздо болѣе сильный, чѣмъ они, не пускали ихъ съ горъ на плоскость, и въ этомъ бѣдственномъ положеніи, значительно сократившемъ численность осетинъ сохранились до сихъ поръ воспоминанія въ народѣ. Оттѣснивъ Кабардинцевъ отъ горъ, русское правительство дозволило осетинамъ селиться на плоскости и съ тѣхъ поръ являются ихъ поселенія по Тереку, по лѣвому и правому его берегу, и даже выше, на западъ отъ Моздока (станціи Черноярская и Новоосетинская).

Для этнографіи важно иногда знать, какъ называется какой нибудь народъ своихъ сосѣдей. Часто бываетъ, напримѣръ,

что извѣстное разѣ установившееся названіе прикрѣпляется къ самому мѣсту и сохраняется за нимъ не смотря на то, что на томъ мѣстѣ уже сидитъ народъ другого происхожденія. Осетины называютъ кабардинцевъ касагами (касăг) и ихъ равнину касажскимъ полемъ (касăгі будур по дигорски, касăці будур—по иронски), очевидно сохранивъ за черкесами то названіе, подъ которымъ ихъ знаетъ наша лѣтопись (касоги); ближайшихъ сосѣдей Дигоріи балкарцевъ, племя пришлое, вытѣснившее изъ этихъ мѣстъ осетинъ, они называютъ асами (Асиаг—балкарецъ, Аси — страна ими занятая), древнимъ именемъ, сохранившимся въ лѣтописи въ формѣ *ясы*. Нѣтъ сомнѣнія однако, что не балкарцы, пришедшіе въ свои тепершнія мѣста весьма поздно, а осетины были ясами нашихъ лѣтописей; но имя прикрѣпились къ мѣстности и осталось за нею, не смотря на смѣну народности. Чеченецъ называется по осетински цѣцѣнаг, ингушъ—мăқал, ногоецъ—ногајаг.

Въ настоящее время, какъ мы видѣли, осетинскія поселенія на сѣверо-западѣ оканчиваются верхнимъ теченіемъ Уруха, а далѣе на западѣ по верховьямъ Черема, Чегема и Баксана вплоть до Эльбруса расположены аулы горскихъ татаръ Балкарскаго, Хуламскаго, Бизенгійскаго, Чегемскаго и Урусбиевскаго обществъ. Однако личныя наши наблюденія типа горскихъ татаръ, изученіе ихъ преданій и обычаевъ а также топографическихъ названій—рѣкъ, переваловъ, ущелій, горъ и т. п.—вполнѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что татары не составляютъ въ этихъ мѣстахъ кореннаго населенія, но что они явились сюда съ сѣвера, съ плоскости, и смѣшались съ кореннымъ осетинскимъ населеніемъ, оказавшимъ вліяніе на ихъ типъ, обычаи и даже отчасти на ихъ языкъ.

Вотъ нѣкоторыя данныя, подтверждающія наше наблюденіе.

На всемъ пространствѣ отъ р. Уруха до Эльбруса, по всѣмъ горнымъ ущеліямъ, до сихъ поръ слышатся топографическія названія, представляющія нѣсколько измѣненныя осетинскія слова. Такъ въ названіяхъ рѣкъ и ручьевъ мы встрѣчаемъ осетинское слово *дон*—вода, рѣка—въ видѣ *донъ*, а иногда *данъ*, т. е. въ формѣ болѣе древней, изъ которой, по фонетическому закону осетинскаго языка, вышло современное *дон*; напримѣръ, *шау донъ* (черная рѣка) въ Балкаріи, *куракъ-данъ* осет. *курон дон* (мельничная рѣка) въ балкарскомъ

ущельѣ, при соединеніи хуламскаго Череха съ балкарскимъ, *Гаръ-донъ* (теплая вода) въ Чегемскомъ ущельѣ, *Шакъ-дамъ* (огонь рѣка) = осет. *сагъ дон* тамъ-же, *Хуасъ-донъ* (травяная или лѣкарственная вода), *Домъ-атъ* — изъ донгъ *ѳатъ* — водное мѣсто, ложе (тамъ-же).

Перевалы во всѣхъ этихъ мѣстахъ носятъ искаженное осетинское названіе *ѳоцѣгъ* — шея, перевалъ — въ формѣ — *ѳчикъ*, на примѣръ: *Шау-ѳчикъ* (сау *ѳоцѣгъ*) — черный перевалъ, *Джуаръ-ѳчикъ* (дѳар *ѳоцѣгъ*) — Крестовый перевалъ, *Зинки ѳчикъ* (зунгъ *ѳоцѣгъ*) трудный перевалъ, *Шари-ѳоцѣкъ* (*Шари* сванетск. аулъ). Отдѣльные камни носятъ осетинское (дигорское) названіе *доръ* — камень; на примѣръ: *Гаги-доръ*, (Чегемск. ущелье), *Сагъ-доръ* — Олений камень — (тамъ-же), *Гиль-доръ* (репизъ *ларизъ*), *Стуръ-доръ*, *Арви-доръ* — *ныхишъ* = *Арви дорі* *ніхасъ* — площадка небеснаго камня (выше а. *Бизенги*). Ущелья въ своихъ названіяхъ содержатъ осет. слово *комъ* въ формѣ *камъ*; на примѣръ: *Шау камъ* = сау *комъ* — черное ущелье (Чегемск.), *Асиакамъ* (осетинск. ущелье) въ ущельѣ *Ликарги*, *Фаза-камъ* — перевалъ въ Сванетію, *Мысты-камъ* — мышинное ущелье, *Даргамъ* т. е. *дарі* *комъ* — длинное ущелье и друг.

Нерѣдко въ топографическихъ названіяхъ слышатся осетинскія слова: *суръ* — красный, *боръ* — желтый, *оръ* — бѣлый, *стуръ* — большой, *хумъ* — пашня, *баѳатъ* — мѣсто, *ѳатъ* — ложе, мѣсто, *сѣръ* — голова, *мѣсугъ* — башня, *кѣзгъ* — дѣвушка, *бѣхъ* — конь, и друг. На примѣръ: гора *Суръ* (красная) на верховьяхъ *Нальчика* и *Малки* близъ *Эльбруса*, *Борсаина* — желтая скала въ Чегемскомъ обществѣ, *Ор-ѳанда* — бѣлая дорога, *Джель-баѳатъ*, *Гештану-хумъ*, *Ком-саръ*, (голова, начало ущелья), *Шашъ-баѳатъ* въ (Балкарскомъ ущельи), *Кизганъ-саръ* (*Кизганъ сѣръ* — дѣвичья голова), *Доѳѳатъ* (мѣсто скачки), *Стуръ-доръ* (въ Чегемск. ущел.), *Бахъ-малга* (конскій надежъ) и друг.

О нѣкогда существовавшемъ въ этихъ мѣстахъ христіанствѣ свидѣлствуютъ топографическія названія, представляющія имена святыхъ, на примѣръ: *Тотуръ-ташъ* (камень *Тотура*, т. е. св. *Теодора*), *Аштотуръ* (св. *Теодоръ*), названіе каменной часовни въ Чечемск. ущельѣ — *Аш-Эліа* (св. *Иліа*) срав. осет. *ѳацѣла*, *Баірамъ* (св. *Марія*), *Тотуръ* (въ *Баксанск. ущельѣ*), *Башилъ* (св. *Василій*), *Жеорги* (св. *Георгій*) и др. Сюда же относятся такія названія какъ: *Хчаугенъ*,

Джуаръ (крестъ), Джуаргенъ, Хычау (Богъ) въ Баксанск. ущельѣ и друг.

Намъ лично не привелось записать топографическія названія на западѣ отъ Эльбруса въ Карачаѣ, гдѣ въ настоящее время, на верхней Кубани и ея притокахъ, живетъ татарское населеніе. Но, судя по картѣ, и здѣсь можно встрѣтить въ топографическихъ названіяхъ осетинскія слова: *камъ* (осет. *ком*—ущелье), *данъ* (осет. *дон*), напримѣръ: Улу-камъ, Загданъ (долина на верховьяхъ б. Лабы).

Вліяніе туземцевъ—осетинъ на пришельцевъ татаръ сказывается и въ нѣкоторыхъ фактахъ языка послѣднихъ. Такъ, на ряду со своими числительными, горскіе татары ведутъ счетъ *парами*, причемъ употребляютъ осетинскія слова: *дууа*—пара, *чуппаръ* (Осет. *цуппар*)—четверка, *ахсаз*—шестерка, *аст*—восмерка, *дас*—десятокъ, *дуадас*—дюжина, *исаі*—двадцать, *сәдә*—сотня.

Названія нѣкоторыхъ мѣсяцевъ у горскихъ татаръ доселѣ осетинскія и христіанскаго происхожденія; таковы, напримѣръ: *хучау ман т. е. хуцау бон* ¹⁾ (Божій день)—мѣсяцъ Пасхи, *Ніколай*—весенній мѣсяцъ (май), *Тотуръ* (св. Θεодора Тирона), *Вій Ашкерги* (св. Георгія), *Эліа* (св. Іліи) и друг.

Осетины внесли въ татарскій языкъ и нѣкоторыя культурныя слова, относящіяся къ земледѣлію, которому, можетъ быть, татары научились у нихъ, и скотоводству. Такъ для *конны*, *стола* татары заимствовали осетинское названіе *калас*, отъ *гал*—волъ и *лас-ун*—тащить; *закудалая* скотина, кормящаяся сѣномъ, а не травой, называется *хуасхәргә*—отъ *хуас*—сѣно и *хәргә*—подлый; *хлѣбъ* или *чуреки* называются у горскихъ татаръ *ыржинъ*, по осет. *кәр-дун*. Можетъ быть, что степняки татары только по приходѣ въ горы научились каменнымъ постройкамъ: на это, кажется, намекаетъ татарское названіе для спеціального снаряда, посредствомъ котораго тащатъ камни для строен — *дорласынъ*, отъ осет. *дор*—камень и *ласун*—тащить. Здѣсь можно кстати замѣтить, что вышеприведенныя осетинскія слова, вошедшія въ языкъ горскихъ татаръ, а также топографическія названія указы-

¹⁾ Звукъ б перешолъ въ м, какъ въ имени *байрамъ*—*майрамъ*; ср. также *мурдор*—основной камень, осет. *бун-дор*.

ваютъ въ туземцахъ именно дигорцевъ, которые и до сихъ поръ—ближайшіе сосѣди Балкарскихъ татаръ; такъ дигорскую форму имѣютъ, на примѣръ, слова: орс (иронск. ўрс.)—бѣлый, стур (ирон. стѹр)—большой, дор (ирон. дѹр)—камень, дорбун (ирон. дѹрбун)—пещера, сурх (ир. сѹрх)—красный, сѣдѣ—сто; Тотур (ир. Тѹтѹр)—Ѳеодоръ, баѹат (ирон. бѹат)—мѣсто, и др. Нѣкоторыя осетинскія слова, интересныя въ культурномъ отношеніи, находимъ и у карачаевцевъ, на примѣръ: ѱаныг, ос. ѱѧнуг—*бычекъ*, кырдыгъ—ос. кѧрдѧг—*травѧ*, чарх, ос. цалх—*колесо*, багуш—ос. фагус—*навозъ*, гебдеш, ос. кѧвдѧс—*ясли*, дорбун, осет. дорбун—пещера и друг.

Такимъ образомъ рядъ топографическихъ названій, какъ мы видѣли, доводитъ предковъ нынѣшнихъ осетинъ, именно дигорской вѣтви осетинской народности, до подножія Эльбруса и даже далѣе на западъ къ верховьямъ Кубани и б. Лабы. Во всѣхъ долинахъ между Кубанью и Урухомъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ нынѣ живутъ горскіе татары—урусбиевы, чегемцы, хуламцы, бизенгійцы, балкарцы, — повидимому, осетинъ помнятъ еще ихъ ближайшіе древніе сосѣди черкесы—кабардинцы, если придавать значеніе кабардинскимъ адатамъ, приложеннымъ Шора-Бекмурзинъ-Ногмовымъ къ его исторіи адыгейскаго народа. Здѣсь, въ перечисленіи горскихъ народностей, находящихся въ зависимости отъ кабардинцевъ, упоминаются горскіе татары разныхъ обществъ, причемъ они называются осетинами. Такъ мы читаемъ въ § 27: Чегемцы и урусбиевскіе *осетины* съ давняго времени принадлежатъ Атажукиной фамиліи (кабардинскихъ князей) и никто въ нихъ не вмѣшивается, а князь Атажукиной фамиліи требуетъ съ нихъ дань сколько назначитъ, отъ чего они отнюдь отказать не могутъ; хуламцы, безенги-*осетины* по очереди въ годъ даютъ князьямъ по барану съ дома; карачаевцы-*осетины*, между князьями нераздѣльные въ подданствѣ съ самыхъ давнихъ временъ; у кабардинцевъ они платятъ князю, старшему лѣтами въ Кабардѣ, ежегодно 300 барановъ отъ всѣхъ, а отъ cadaго дома особенно по сапеткѣ пшеницы и по большому кувшину коровьяго масла и т. д.¹⁾

Нужно думать, что общее названіе осетинъ было сохранено кабардинцами за новымъ смѣшавшимся съ осетинами при-

¹⁾ Ист. Адыгейскаго народа стр. 161.

шлымъ татарскимъ населеніемъ, не смотря на то, что языкъ осетинскій въ этихъ мѣстахъ заглохъ уже давно. Такой-же фактъ сохраненія древняго названія за новымъ населеніемъ представляетъ, какъ мы видѣли, и самое названіе балкарцевъ *Аси*, подъ которымъ ихъ знаютъ дигорцы. Другіе, южные, сосѣди горскихъ татаръ сванеты еще до сихъ поръ называютъ Осетіей страну отъ Эльбруса на востокъ, нѣкогда населенную осетинами.

Историческія свидѣтельства, которыми мы можемъ располагать относительно осетинъ, указываютъ ихъ мѣстожителство на сѣверно-кавказской плоскости и въ горахъ. Но у насъ нѣтъ ни одного прямого историческаго указанія на путь, по которому предки осетинъ пришли въ занятія ими мѣста. Конечно, можно предполагать, что предки осетинъ входили въ составъ того народа, который у Геродота называется массагетами и живетъ на громадной равнинѣ (I, 202) по ту сторону рѣки Аракса, напротивъ исседоновъ (I 201). Но такому предположенію едва-ли суждено когда-нибудь достигнуть степени достовѣрности. За отсутствіемъ данныхъ исторіи, остается прибѣгнуть къ даннымъ языка, къ разсмотрѣнію культурныхъ словъ и спросить себя, не сохранилось ли въ нихъ какихъ нибудь слѣдовъ пути, которымъ шли предки осетинъ, прежде чѣмъ водворились на сѣверномъ Кавказѣ. Къ такимъ словамъ мы относимъ, во первыхъ, названія металловъ, во 2-хъ—названія животныхъ и въ 3-хъ—названія растеній.

Изъ металловъ два—*золото* и *жельзо*—носятъ чисто иранскія имена и потому были извѣстны предкамъ осетинъ еще въ тѣ отдаленныя времена, когда они жили въ непосредственномъ общеніи и сосѣдствѣ съ другими народами иранской группы. Золото называется по дигорски *сугъаіріна* изъ *сугъд*—*зъріна*, по иронски *сугъаірін*; первая часть этого сложнаго имени *сугъд*—значитъ свѣтлый, чистый, срав. авест. *suṇda*, др. пер. *Suguda*, вторая же—*зъріна*—сближается съ авест. *zagaiia*—золото, сскр. *higayua*; жельзо называется *аѳсаінаг*, ср. также *аѳсан*—жельзо плуга,—и это слово сближается съ афганск. *бэрапаһ*, памирск. *спіп* и м. б. авест. *haosafna* (?), въ которомъ традиція видитъ *мидь*.

Съ *олотомъ* предки осетинъ познакомились уже по выходѣ изъ первоначальной родины, хотя трудно сказать у какого

народа они заимствовали название этого металла *кала*. Сравни. груз. *kala*, ново перс. *kalau*, арабск. *qālau*, турец. *qālaī*, черкесск. *galai*, абхаз. *kalei*, удинск. *qalai*, тушск. *kal* и друг.

Название серебра—*авзист*, диг. *āvzestā* (срав. русс. *жесть*) также не иранского, а, повидимому, угро-финского происхождения; срав. вотяцкое *avześ*, зырянск. *ez iś*, венгер. *ezüst*. Такого-же происхождения осетинское название для стали *андон*, которое сближается съ вотяцкимъ *andan*, зырянск. *jendon*. Впрочемъ, въ осетинской языкъ это слово могло войти уже на Кавказъ, такъ какъ то-же угрофинское название *стали* мы находимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ кавказскихъ языкахъ, напримѣръ ингушск. *andun*.—Название для свинца диг. *изди*, иронск. *здv*, также не находитъ аналогій въ иранскихъ языкахъ и, повидимому, заимствовано отъ урало-алтайцевъ; сравн. чагатайск. *žev*, алтайск. *jes*, монгольск. *čžev*. Кажется осет. *изди* перестановка изъ *идзи*, причемъ *i* въ дигорскомъ можетъ быть протетическимъ гласнымъ.

Название *мѣди* *архū*, *архūoi*, *архі* (диг.) не сближается ни съ иранскими, ни съ другими кавказскими названиями этого металла ¹⁾; но, кажется, въ родствѣ съ восточно-финскимъ, вотяцк. *irgon*, сосва-вогульскимъ *ärgin*, черемисск. *vörgēne*, зырян. *urgön*.

Если выше приведенныя аналогіи для осетинскихъ названий *серебра*, *мѣди* и *свинца* убѣдительны, если дѣйствительно названія этихъ металловъ урало-алтайскаго происхожденія, то для опредѣленія пути, по которому пришли предки осетинъ на сѣверный Кавказъ, получается довольно вѣское указаніе. Они должны были двигаться не съ юга, откуда не могли бы принести съ собою урало-алтайскихъ названій для трехъ металловъ, а съ сѣвера, близъ обильныхъ металлами отроговъ Урала, т. е. пройти въ Европу тѣмъ путемъ,—между Уральскимъ хребтомъ и Каспіемъ,—по которому шли угро-финскія и урало-алтайскія племена, частью даже въ историческія времена.

Въ то время, когда совершалось это движеніе, предки осетинъ были еще несомнѣнно *кочевымъ* народомъ, жившимъ

¹⁾ Удинск. *mis* (ср. н. перс. *mis*), армян. *plindz*, н. перс. *biring*, аварск. *bach*.

вѣроятно въ томъ быту, въ которомъ исторія застаётъ сарматовъ и Царскихъ скифовъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что культурныя слова, относящіяся къ *скотоводству*, въ осетинскомъ языкѣ чисто иранскаго происхожденія. Таковы названія для *коровы* (д. *ḡog*, ирон. *qūg*, авест. *gāo*, санскр. *go*, н. пер. *gāv*), *овцы* (д. *фус.*, ир. *фус*, ав. *pasu*—скотъ), *козы* (*сйг*, сскр. *chāgā*), *кобылы* (*йосй*, ав. *asrā*), *осла* (*хйрйг*, авест. *хага*, н. пер. *хаг*, сскр. *khaṅa*), *свины* (*хуі*, *ху*, авест. *hū*, н. пер. *хūk*), *молока* (д. *āxšir*—ав. *хšīga*, н. пер. *šīr*), *сына* (д. *хўасй*, авест. *hāsa*—пища), *доенія* (*дўцун*, ср. сскр. *duh*) и друг. На кочевой бытъ, указываетъ и названіе для *поселка* *qāu*, диг. *ḡāu*, которое фонетически сближается съ сскр. *gavyam*—стадо, становище скота. Что касается названій другихъ животныхъ, то нѣкоторыя изъ нихъ заимствованы осетинами изъ урало-алтайскихъ языковъ, что опять указываетъ на сѣверный путь предковъ осетинъ. Таковы:

тева, тйа—верблюды — турец. татар. *deve*, венгер. *teve*, ю вост. турк. *tiva*; бога, буг—бугай, тюрск. *buga*, *buka*; берйг, бйрйг—волкъ, чагат. *būḡi*, уйгурск. *būḡū*; гйди—кошка, осман. *kedi*; игйр, жегйр—борзая собака, тат. *igāḡ*; куд д. *куі*—собака—тат. *küçük*; домбай—зубръ, карачаев. *домбай*; кйлау—осленокъ, ср. карачаев. *гылау*.

Изъ названій для птицъ заимствованы изъ урало-алтайскаго: *qaz*—гусь, т. тат. *qaz*, дудақ—дрохва—т. тат. *tudak*, *qārtḡuḡa*—ястребъ—алт. *qatḡuḡa*, бабвз—утка, ногойск. карачаев. *бабуш*.

Слова, относящіяся къ земледѣлію, не даютъ возможности судить о томъ, занимались-ли имъ предки осетинъ въ прародинѣ. Можно думать, что до нѣкоторой степени оно было имъ извѣстно и что нѣкоторыя культурныя растенія уже рано употреблялись ими въ пищу. Указаніе на послѣднее мы видимъ въ томъ, что слово дигор. *хўар*—*просо* и *хлѣбъ* сближается съ авест. *hārepa*—пища ¹⁾. Слово *хор* прилагается, какъ вторая часть сложенія, къ обозначенію *ячменя* (*qābār-хор*—собст. *врѣпкій хлѣбъ*) и *кукурузы* (*нарт-хор*—*нартскій хлѣбъ*): такой составъ этихъ названій указываетъ на ихъ сравнительно позднее происхожденіе, а слѣдовательно и на

¹⁾ У ироновъ *просо* обозначается словомъ *jāu*, сближающимся съ авест. *yaṇa*, н. пер. *ḡav*.

позднее знакомство осетинъ съ ячменемъ и кукурузой. Названіе *овса* (сусцѣ, д. зѣтхѣ) несомнѣнно заимствованное, хотя источникъ намъ неизвѣстенъ; названіе *пшеницы* (мѣнѣу, д. мѣнѣуѣ) неясно по происхожденію. Съ огородными овощами и фруктами осетины познакомились сравнительно поздно и большей частью чрезъ посредство Грузинъ; срав. названія: цѣтрі—*огурецъ*, груз. kitri; южно осет. зазантро *арбузъ*, груз. sazamtro ¹⁾, бал, балі (д) — *вишня*, груз. balı, южно-осет. какалі—*иртцкій орехъ*, съ груз. kakalı, несі—*дыня*, м. б. груз. nesvi; южно осет. комбосто—*капуста*. съ груз. kombosto ²⁾, гурдіаг тѣрс—*каштанъ*, (соб. грузинскій букъ); южно осет. прѣса — *лукъ порей*, съ груз. prasa ³⁾, южно-осет. стапіа—*морковь*, еъ груз. ⁴⁾, бітѣна, д. бетіна, ю. о. пітна—*мята*, груз. pítna; цѣбѣу, цѣбѣу, д. цѣвѣ—*перецъ стручковый*, булк, д. болгѣ—*рыбка*, груз. boloki; чѣлауі, чѣлауі, д. чѣлау—*слива*, срав. груз. kliavi; леѣві-бѣлас — *смоковница*, ср. груз. legvi; гурдіаг бал — *черешня* (собств. грузинская вишня); нурѣ—*чеснокъ*, груз. piogi ⁵⁾.

Заимствованными представляются также названія: кѣрдо, кѣрдту — *груша* срав. казакумыцк. qort, венгер. körtve), фѣтку—*яблоко*, нас,—д. насѣ—*тыква* (южно осет. кѣахі съ имерет. kvaχi), кумбѣл, д. кумбул—*свекла*, бурц, д. бурцѣ—*перецъ изодичный*, қѣцѣ—*крессъ-салатъ*, гѣн, д. гѣнѣ—*конопля*, қѣдѣр, д. қѣдорѣ — *фасоль*, балгодѣ — *медвѣжья груша*, хотя ближайшій источникъ заимствованія не для всѣхъ этихъ словъ намъ извѣстенъ. Для *ржи* осетины имѣютъ названіе *сѣ* неизвѣстнаго намъ происхожденія, и хлѣба — передѣланное изъ русс. *хлѣбъ*; для *иречихи* взято ими русс. слово *крупа* въ формѣ кѣрупа.

Такимъ образомъ обиліе заимствованныхъ названій изъ области садоводства и огородничества указываетъ на то, что эти отрасли земледѣлія были совершенно неизвѣстны предкамъ осетинъ.

¹⁾ У ироновъ харбѣз, у дигорц. харбуз.

²⁾ У ироновъ и дигорцевъ кѣбуска—съ русскаго.

³⁾ У ироновъ қѣдѣд, у дигорцевъ гѣдѣдѣ — названія неизвѣстнаго происхожденія.

⁴⁾ Несомнѣнно заимствованы и иронск и дигор. названія этого растения: ир. урѣдѣ, д. урѣдѣ и ѣихѣ.

⁵⁾ Въ дигорск. бодѣн—неизв. происхожденія.

Названія для земледѣльческихъ орудій также не свидѣтельствуютъ объ исконности земледѣлія: имя *плуа*—гѣтон—вошло въ осетинскій языкъ, повидимому, уже на Кавказѣ, срав. груз. *guṭani*, удинск. *koṭan*, чеченск. *gotan*, аварск. *kutan*, абхазск. *kotan*, армянск. *kuthan* и друг.; названіе *лемеха* *афсан*—значить собственно *железо*; названіе *отрѣза*—*дирѣг* (д.) произведено отъ *цирг*—острый; грабли носятъ заимствованное названіе *пахсѣ* (д.) ¹⁾; названіе бороны—*адѣг*—для насъ не ясно.

Переходя къ обзору свѣдѣній, сообщаемыхъ о предкахъ осетинъ древними писателями, мы должны поставить на первомъ планѣ то, что сообщается о нихъ ихъ ближайшими южными сосѣдями грузинами. На страницахъ грузинской лѣтописи, предки осетинъ подъ именемъ *оссовъ* (*Ossi*) являются уже съ древнѣйшихъ временъ. Вторымъ источникомъ слѣдуетъ поставить русскія лѣтописи, сохранившія нѣсколько случайныхъ и отрывочныхъ извѣстій объ ясахъ.

Этимъ, собственно говоря, исчерпываются тѣ историческія извѣстія, въ которыхъ осетины являются подъ именемъ, которое они сохранили у грузинъ (а чрезъ нихъ и у русскихъ). Но есть основаніе думать, что предки осетинъ входили въ составъ *кавказскихъ* алановъ, о которыхъ можно найти нѣкоторыя извѣстія у средневѣковыхъ европейскихъ лѣтописцевъ. Поэтому нельзя не воспользоваться и этимъ источникомъ, предпославъ средневѣковымъ европейскимъ извѣстіямъ объ аланахъ доказательство тому, что имя алановъ распространялось и на предковъ осетинъ.

Прежде, чѣмъ изложить въ хронологической послѣдовательности всѣ извѣстія объ оссахъ грузинской хроники, нужно остановиться на вопросѣ, на сколько вообще эта хроника заслуживаетъ нашего довѣрія.

Если прежніе изслѣдователи, какъ Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ и Броссе, съ довѣріемъ относились къ извѣстіямъ грузинской хроники, то въ настоящее время довѣріе къ ней или, по крайней мѣрѣ, къ ея древнѣйшимъ частямъ, значительно подорвано недавнимъ изслѣдованіемъ проф. К. П. Патканова, Ванскія над-

¹⁾ Также *халамѣрзѣн*.

писи и значеніе ихъ для исторіи передней Азіи“ (о древней грузинской хроникѣ) ¹⁾. Посредствомъ строгой критики лѣтописныхъ извѣстій, этотъ ученый приходитъ къ заключенію, что въ древней хроникѣ Грузіи слѣдуетъ видѣть не болѣе, какъ „относительно *малую*, неудачную компіляцію, составленную неопытной рукой по извѣстному шаблону,“ и что первая часть исторіи Грузіи составлена не по преданію, ... а вымышлена однимъ лицомъ съ предвзятою цѣлью ²⁾. Главнымъ источникомъ для пространной исторіи Грузіи царевича Вахтанга, какъ оказывается, служила краткая грузинская лѣтопись, извѣстная въ армянскомъ переводѣ, восходящемъ къ XII вѣку. „Изъ сравненія этого стараго армянскаго перевода съ Вахтанговой редакціей, не смотря на то, что послѣдняя по объему нѣсколько разъ превосходитъ первую, оказывается, что въ сущности содержаніе обѣихъ редакцій тождественно. Только многіе факты, кратко сообщаемые въ *армянскомъ переводѣ*, въ Вахтанговой редакціи переданы бѣльшимъ количествомъ словъ, не сдѣлавшись отъ этого яснѣе ³⁾. Оригиналъ этого армянскаго перевода до сихъ поръ не разысканъ, но имъ главнымъ образомъ, по мнѣнію г. Патканова, пользовался Вахтангъ при составленіи своей исторіи. Какое довѣріе можетъ внушить эта извѣстная намъ въ армянскомъ переводѣ грузинская хроника, видно изъ слѣдующей характеристики, которую дѣлаетъ ей тотъ же ученый: „Наивность и малая начитанность автора изумительны. Онъ не только не знаетъ того, что говорятъ о Грузіи классическіе писатели, но и того, что о болѣе позднихъ эпохахъ грузинской исторіи повѣствуется у византійскихъ и армянскихъ историковъ, говорившихъ о многихъ событіяхъ, какъ современники. Онъ не сообщаетъ никакихъ народныхъ преданій, которыя несомнѣнно существовали въ его время. Напротивъ, по примѣру Хоренскаго, онъ даже избѣгаетъ ихъ, прибѣгая къ заимствованіямъ изъ книгъ (пересказъ Хоренскаго и Шахъ-намѣ) и сочиняя генеалогіи, ни съ чѣмъ не сообразныя. На каждомъ шагу чудовищные анахронизмы слѣдуютъ за не менѣе чудовищными противорѣчіями до такой степени, что въ *первомъ*

¹⁾ См. Ж. М. Н. Пр. часть ССXXX отд. 2.

²⁾ Ib. стр. 205.

³⁾ Ib. стр. 210.

отдѣлъ Хроники едва ли можно встрѣтить хоть одинъ фактъ, имѣющій дѣйствительно историческое значеніе. Отсутствіе элементарныхъ понятій объ исторіи высказывается у автора—особенно въ томъ, что въ его изложеніи не принимаются въ соображеніе ни міровыя историческія событія, ни хронологія. Оттого всѣ его извѣстія висятъ въ воздухѣ, не имѣя подъ собою почвы ¹⁾).

Дѣйствительно, представленный авторомъ разборъ первой части грузинской хроники, отъ древнѣйшихъ временъ до Р. Х., показываетъ, что вышеприведенная характеристика этого произведенія не отличается чрезмѣрной строгостью. Но и въ изложеніе событій болѣе поздняго времени внесено составителемъ грузинской лѣтописи, а за нимъ царевичемъ Вахтангомъ, много несообразнаго. Таково, напримѣръ, совершенно противорѣчащее исторической достовѣрности описаніе якобы блестящаго царствованія царя Вахтанга I Гургаслана (V вѣка по Р. Х.). Современный ему армянскій писатель (Лазарь Парпеци), говоритъ г. Паткановъ, видѣлъ въ Вахтангѣ не могущественнаго царя (каковымъ онъ и не могъ быть), а простого *предводителя*, князя или владѣтеля грузинскаго, который не только не былъ великимъ завоевателемъ, но самъ даже нуждался въ помощи армянскихъ инсургентовъ. Таковъ былъ Вахтангъ историческій. Въ лѣтописи мы видимъ совсѣмъ другое лицо. Въ ней онъ представляется непобѣдимымъ героемъ, великимъ завоевателемъ и благочестивѣйшимъ христианиномъ, говорившимъ съ 15-ти лѣтнаго возраста безконечныя назидательныя рѣчи. Жилъ онъ въ эпоху намъ достаточно извѣстную. Изъ другихъ источниковъ мы не имѣемъ свѣдѣній о какомъ-либо завоевателѣ въ Передней Азіи въ V вѣкѣ. А между тѣмъ, если послушать хронику или анналы Вахтанга V, Вахтангъ I не только совершаетъ изумительные подвиги въ Грузіи противъ Грековъ и Персовъ, но вмѣстѣ съ царемъ Хосровомъ (какого въ это время не было, а былъ Перозъ), за котораго выдаетъ сестру свою Михрандухтъ, онъ предпринимаетъ завоевательныя походы въ отдаленныя страны Азіи (въ Гирканію, Индію,) и Африки (въ Абиссинію) ²⁾).

¹⁾ Ib. стр. 215.

²⁾ Ibid. стр. 216.

Казалось бы, что послѣ такого приговора специалиста достоинству грузинской хроники, послѣднюю можно было-бы совершенно оставить въ сторонѣ въ вопросѣ о древней исторіи осетинъ. Отъ автора, имѣющаго самое хаотическое представленіе о событіяхъ древней исторіи родной страны, трудно ожидать сколько нибудь точныхъ свѣдѣній о сосѣднихъ странахъ. Но все же мы считаемъ нелишнимъ извлечь изъ этого весьма мутнаго источника всѣ сообщаемыя имъ извѣстія объ осетинахъ, во первыхъ, потому, что нѣкоторые изъ этихъ извѣстій подтверждаются другими источниками и не возбуждаютъ сомнѣнія, во вторыхъ потому, что даже мало-достоверныя свѣдѣнія, не заключая исторически-точныхъ данныхъ, характеризуютъ однако взглядъ грузинъ на осетинскій народъ и съ этой стороны несомнѣнно представляютъ для насъ нѣкоторый интересъ.

Изложивъ послѣдовательное разселеніе предковъ грузинъ, потомковъ Таргамоса, Вахтангъ на первыхъ страницахъ своей исторіи сообщаетъ извѣстіе о вторженіи Хазаръ съ сѣвера въ Закавказье.

Въ эти времена ¹⁾ говоритъ онъ, Хазары, усилившись, начали воевать съ племенемъ Лэка (лезгинами) и Кавкаса, которыми правилъ Дурдцукъ ²⁾, сынъ Тирэта. Эти оба племени просили помощи противъ хазаръ у шести колѣнъ Таргамосидовъ и въ союзѣ съ ними перешли чрезъ Кавказскій хребетъ, взяли плѣнниковъ на всемъ протяженіи Хазаріи, построили тамъ города и возвратились домой. Послѣ этого хазары, избравъ себѣ царя, прошли чрезъ приморскія врата, нынѣшній Дарубандъ (Дербендъ), и безчисленными массами вторгнулись въ предѣлы Таргамосидовъ взяли всѣ города Арарата, Масиса и Сѣвера.

Не встрѣчая сопротивленія со стороны Таргамосидовъ, они наложили на нихъ дань и увели много плѣнниковъ.

Во время перваго похода и завоеваній царя Хазаръ, онъ имѣлъ при себѣ Уобоса (по географіи Вахушты Урбаноса, своего сына), которому далъ плѣнниковъ изъ Сомхета (Арменіи) и Картли (Грузіи) и сверхъ того часть удѣла Кав-

¹⁾ Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu' au XIX siècle traduite du géorgien par M. Brosset, 1-ère Partie (St. Petersburg. 1849) p. 24 и слѣд.

²⁾ Въ такъ называемой „Армянской хроникѣ“ это имя читается Дудцукъ.

ласа, лежащую между Ломекомъ (Терекомъ) и западной окраинной горъ. Здѣсь Уобось и поселился. Его потомки суть оссы (или овси), населяющіе Осетъ, принадлежавшій прежде Кавкасу. Между тѣмъ Дурдзукъ, самый славный между сыновьями Кавкаса, поселился на горныхъ крутизнахъ, которыя по своему имени называлъ Дурдзукетъ и сталъ платить дань хазарамъ ¹⁾.

Нѣсколько далѣе ²⁾ у Вахтанга снова упоминаются оссы, дѣйствующіе въ союзъ съ Картлосидами (грузинами) противъ персовъ, завоевавшихъ Грузію подъ предводительствомъ великана Афридуна (Феридуна въ Шахъ-намѣ). Грузія досталась въ удѣлъ сыну Афридунову Іареду, который управлялъ ею чрезъ эристава. Воспользовавшись междоусобной войной между сыновьями Афридуна и смертью Іареда въ (Шахъ-намѣ—Иреджъ), убитаго братьями, Картлосиды, призвавъ оссовъ, убили персидскаго эристава и всѣхъ персовъ и завоевали такимъ образомъ себѣ независимость.

Дальнѣйшія извѣстія объ осетинахъ переносятъ насъ уже ко временамъ Александра Македонскаго. Мы узнаемъ ³⁾, что патрицій (sic) Азонъ, оставленный Александромъ Македонскимъ намѣстникомъ въ Грузіи, завоевалъ также Эгрисъ (часть Имеретин, Мингрелин, Одиши и Абхазіи) и наложилъ дань на оссовъ, леновъ и хазаръ.

Нѣсколько времени спустя, основатель грузинской царской династіи Картлосидовъ Фарнавазъ возсталъ противъ Азона въ союзъ съ *оссами* и *леками* и освободилъ Грузію отъ власти грековъ ⁴⁾. Фарнавазъ отдаетъ одну изъ своихъ двухъ сестеръ за мужъ за царя оссовъ, и это родство съ царскимъ домомъ оссовъ послужило впоследствии на пользу Фарнавазову сыну Саурмагу. Именно, вслѣдствіе народнаго возстанія, ему пришлось искать помощи у дурдзуковъ и оссовъ, и царь послѣднихъ приходившійся ему двоюроднымъ братомъ, помогъ ему справиться съ бунтовщиками и снова водвориться на престолѣ ⁵⁾.

¹⁾ Дуцукъ или Дурцукъ, названіе народности, жившей вѣроятно, въ Чечнѣ (замѣч. г. Патканова).

²⁾ Ib. p. 27.

³⁾ Ib. p. 34.

⁴⁾ Ib. p. 39 и 40.

⁵⁾ Ib. p. 44.

Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшія выдержки изъ Грузинскихъ анналовъ Вахтанга, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о только что приведенныхъ грузинскихъ извѣстіяхъ, въ которыхъ упоминаются осетины (оссы).

Нечего и говорить, что рассказъ о вторженіи Хазаръ въ-ковъ за 20 до Р. Х. въ Закавказье не имѣетъ ни какой исторической подкладки. Это не описаніе какого нибудь опредѣленнаго вторженія сѣверо-кавказскихъ народовъ въ Закавказье,—а глухое воспоминаніе о такихъ вторженіяхъ вообще, которыхъ было не мало отъ древнѣйшихъ временъ до времени составителя армянской хроники, жившаго, какъ доказываетъ проф. Паткановъ, въ XI—XII вѣкѣ. Наибольшій слѣдъ въ народной памяти могли оставить вторженія Хазаръ, боровшихся съ персами въ Дагестанѣ и у Дербендскихъ вратъ за обладаніе этимъ проходомъ. Въ эту борьбу, какъ извѣстно, были вовлекаемы грузины, армяне и другія народности Кавказа; поэтому не мудрено, что авторъ вышеприведеннаго извѣстія, имѣвшій самыя смутныя понятія о хронологіи, приписываетъ хазарамъ вторженіе въ Закавказье во времена доисторическія и связываетъ съ однимъ изъ походовъ хазаръ происхождение оссовъ. Проф. Паткановъ, въ разборъ этого извѣстія, говоритъ: люди, привыкшіе относиться съ довѣріемъ къ памятникамъ народной старины, но не вникшіе въ процессъ образованія этой хроники, могутъ предполагать въ повѣствованіи грузинскаго хронографа историческую основу, извиняя самый анахронизмъ объясненіемъ, что въ народныхъ преданіяхъ имя древнихъ набѣжниковъ на Грузію съ теченіемъ времени пришло въ забвеніе, и что оно было замѣнено позднѣйшимъ, но болѣе извѣстнымъ именемъ хазаръ. Такое объясненіе можно бы было допустить, если бы колоритъ факта былъ яснѣе, характернѣе намѣченъ, если бы въ сообщеніи лѣтописца можно было съ достаточнымъ вѣроятіемъ угадать, напримѣръ, походы киммеріанъ, саковъ, или даже гунновъ, хотя бы съ измѣненіемъ ихъ именъ и съ нѣкоторыми хронологическими уклоненіями. На дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ не то: рассказывается что то весьма туманное, но что совершалось въ Грузіи нѣсколько десятковъ разъ съ незапамятныхъ временъ и до XV столѣтія, т. е. о вторженіяхъ сѣверныхъ племенъ черезъ ущелія Дербендское и Даріальское. То, что говорится въ хроникѣ о-

хазарахъ перваго до-историческаго періода, равноѣрно можетъ относиться и къ гуннамъ, и къ дѣйствительнымъ хазарамъ, и къ аланамъ, и къ массагетамъ, и къ кипчакамъ, и потому нѣтъ никакого основанія считать разсказъ лѣтописца за древнее преданіе, обыкновенно болѣе опредѣленное и рельефное. И наконецъ, откуда авторъ XI—XII вѣка могъ добыть эти извѣстія? Если изъ древнихъ мѣстныхъ письменныхъ памятниковъ, то ихъ не было (?); а еслибы они были, то факты имѣли бы большую опредѣленность, и въ нихъ не упоминалось бы имя хазарь. Если же извѣстія добыты изъ народныхъ преданій, въ которыхъ имя древняго народа было замѣнено именемъ позднѣйшихъ хазарь, то такимъ преданіямъ едва ли можно придавать значеніе на томъ основаніи, что ни въ какомъ народѣ не могутъ сохраниться устные преданія въ теченіе 2000—3000 лѣтъ.... Какъ бы то ни было, мнѣ кажется, *столь ранній походъ хазарь на Грузію изобретенъ авторомъ, чтобы пополнить пробѣлъ, оставшійся за недостаткомъ фактовъ.*

Отрицая вмѣстѣ съ проф. Паткановымъ, что въ основѣ разсказа о хазарахъ лежитъ опредѣленный историческій фактъ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ согласиться съ послѣднимъ предположеніемъ почтеннаго ученаго. Намъ не кажется вѣроятнымъ, чтобы составитель хроники просто сочинилъ весь разсказъ, чтобы пополнить какой то пробѣлъ, котораго въ данномъ случаѣ мы вовсе не усматриваемъ. Средневѣковые лѣтописцы сообщаютъ не мало фактовъ для насъ совершенно невѣроятныхъ и не выдерживающихъ самого легкаго прикосновенія исторической критики, но едва-ли можно найти много примѣровъ тому, что они сочиняли факты ради восполненія пустого пространства. Много народныхъ сказокъ попало въ древнія лѣтописи, но только потому, что лѣтописецъ не смотрѣлъ на нихъ какъ на заведомый вымыселъ, а какъ на историческій фактъ. Еслибы разсказъ о хазарахъ былъ просто сочиненъ, то, конечно, не отличался бы той сказостью, сухостью и тѣмъ дѣловитымъ тономъ, которымъ онъ отиѣченъ. Едва-ли мы встрѣтили бы въ немъ сухой перечень ряда неприступныхъ крѣпостей, которыя остались не тронуты хазарами. Далѣе, — зачѣмъ имя родоначальника осетинъ (*Уобосъ*) является съ греческимъ окончаніемъ? Почему осетины признаются отъ потомковъ *Уобоса*, смѣшав-

шихся съ армянами и грузинами, уведенными хазарами въ плѣнъ, между тѣмъ какъ родоначальникъ дурдзуковъ является потомкомъ Кавкаса, а во главѣ народностей Дагестана — двоюродный братъ хазарскаго царя? На всѣ эти вопросы мы не найдемъ никакого отвѣта, если допустимъ, что извѣстіе о хазарскомъ походѣ не восходитъ далѣе составителя хроники т. е. было имъ просто измышлено для восполненія пустого пространства. Намъ кажется напротивъ, что самая несообразность и туманность разсказа служить доказательствомъ тому, что это извѣстіе было откуда-то почерпнуто составителемъ хроники и помѣщено безъ всякой критики, на которую, конечно, онъ и не былъ способенъ. Проф. Паткановъ категорически отрицаетъ, какъ мы видѣли выше, существованіе у грузинъ письменныхъ памятниковъ, которыми могъ бы пользоваться составитель хроники жившій въ XI или XII в. Намъ кажется, что такое утвержденіе можетъ быть сдѣлано только послѣ весьма вѣскихъ доказательствъ, которыхъ мы не нашли въ его изслѣдованіи. Поэтому мы скорѣе склонны предположить, что составитель хроники почерпнулъ весь разсказъ изъ какого-то источника либо книжнаго, либо народнаго, но восходящаго къ книжному. Въ пользу перваго говоритъ часто встрѣчающееся у древнихъ лѣтописцевъ желаніе производить извѣстные народы отъ эпонимовъ и приводить послѣднихъ въ генеалогическую связь; въ пользу втораго — говоритъ ужасный анахронизмъ въ извѣстіи о хазарахъ, которыхъ ранніе походы народное преданіе XI вѣка могло относить уже къ отдаленнѣйшимъ временамъ. Всякому, записывавшему изъ устъ народа преданія о старинѣ, приходилось наблюдать, что нерѣдко событіе, завѣдомо происшедшее лѣтъ 150 тому назадъ, народъ относитъ къ самой сѣдой старинѣ, чуть не за тысячелѣтіе назадъ.

Какъ бы то ни было, не рѣшая вопроса, изъ какого источника попало въ хронику извѣстіе о походѣ хазаръ, мы думаемъ, что это извѣстіе не сочинено составителемъ, и что, не взирая на вопіющій анахронизмъ и невозможныя генеалогіи народовъ, мы можемъ извлечь изъ разсказа нѣкоторый смыслъ. Для насъ любопытно то, что въ этомъ извѣстіи происхождение осетинъ связывается съ какимъ то до-историческимъ вторженіемъ хазаръ и что окончаніе разсказа

сводится къ историческому факту вполне достовѣрному: *Въ теченіе долгаго времени жители сѣвера были данниками Хазаръ.*

Если первое упоминаніе объ оссахъ является въ связи съ хазарскими походами, то едва ли мы ошибемся, объясняя это тѣмъ, что Грузины стали лучше знать оссовъ именно съ тѣхъ поръ какъ появились хазары. Последнимъ, владѣвшимъ въ средніе вѣка (въ VI, VII вв.) всѣмъ сѣвернымъ Кавказомъ, подчинялись и предки осетинъ, которые, по приказанію кагана, принимали дѣятельное участіе въ хазарскихъ походахъ на Закавказье. Этимъ объясняется замѣтка лѣтописца (или его источника), что оссы потомки сына хазарскаго царя, который поселился съ родомъ своимъ въ странѣ, называемой нынѣ Осетъ. Страна-же эта, какъ видно изъ предшествующаго извѣстія опростиралась „отъ рѣки Ломека (Терека) до конца горъ на западъ“.... Что же можно вывести изъ этихъ замѣтокъ? Во 1-хъ, то, что Грузины узнали оссовъ вслѣдствіе ихъ вторженій съ сѣвера вмѣстѣ съ хазарами, которымъ оссы подчинялись; во 2-хъ, что территорія осетинъ простиралась на востокъ до Терека а на западъ до предѣловъ горъ т. е. заходила далеко въ нынѣшнюю Кубанскую область, въ 3-хъ,—что въ той же мѣстности подъ властью потомковъ Уобоса (эпонима осетинъ) жили многочисленные плѣнные грузины и армяне.... Сочинять последнее извѣстіе едва-ли было въ интересахъ лица, которому принадлежитъ рассказъ о походѣ хазаръ, было-ли это лицо грузиномъ или армяниномъ.

Дальнѣйшее извѣстіе упоминаетъ оссовъ, какъ союзниковъ грузинъ, въ борьбѣ послѣднихъ за независимость съ персами, причемъ предводителемъ персовъ, при предшествующемъ покореніи Грузіи, является національный герой Ирана Феридунъ въ искаженной формѣ Абридунъ (или въ армянской хроникѣ Абридонъ). На этомъ и послѣдующемъ рассказѣ очень ярко отразилось вліяніе Шахъ-Намэ, и прое. Паткановъ, сравнивая имена и факты, заключаетъ ¹⁾, что рассказъ хроники явно заимствованъ изъ Фирдуси. Конечно, съ этимъ можно согласиться, но съ той оговоркой, что рассказъ составителя хроники почерпнутъ не прямо изъ книжнаго источника, а изъ этого источника уже ставшаго народнымъ достояніемъ.

¹⁾ Ib. стр. 247.

На это указывает сильное искажение персидских собственных имен¹⁾. Видно, что эти имена уже походили по народу и подверглись обычной участи постепенного „перевирания“. Доказательством тому, что отдельные эпизоды изъ Шахъ-Намэ распространились устнымъ путемъ на Кавказъ, будучи занесены туда персами, можетъ служить, напримѣръ, то, что у осетинъ встрѣчается рассказъ о Ростомѣ (Рустемѣ), его борьбѣ съ сыномъ и что противникъ Ростомъ называется Туранты эльдаръ т. е. туранскій старѣйшина²⁾. По отношенію къ оссамъ для насъ въ разбираемомъ извѣстїи имѣетъ нѣкоторое значеніе только тотъ фактъ, что въ преданіе о борьбѣ грузинъ съ персами внесены оссы, какъ союзники первыхъ. Мы знаемъ, что въ этой роли нерѣдко являются оссы уже въ историческія времена, при династїи Сасанидовъ на персидскомъ престолѣ.

Любопытно далѣе, что оссы называются союзниками грузинъ въ дальнѣйшей борьбѣ послѣднихъ противъ грековъ (Азона=Язона) и что освободитель грузинъ Фарнавазъ, по мнѣнію г. Патканова „самое раннее историческое лицо въ хроникѣ“³⁾, закрѣпляетъ свой союзъ съ оссами родственными связями. „Хотя все, что рассказывается о Фарнавазѣ, говоритъ проф. Паткановъ⁴⁾, не заключаетъ въ себѣ ничего чисто историческаго *относительно вѣрности изложенныхъ фактовъ*, однако въ Фарнавазѣ выступаетъ предъ нами несомнѣнно личность народнаго героя. Можно даже съ вѣроятностью предположить, что онъ—самое древнее лицо, сохранившееся въ народной памяти, въ которой Фарнавазъ, а не Картлосъ занималъ первое мѣсто.“ Вполнѣ соглашаясь съ этимъ взглядомъ на Фарнаваза, мы по отношенію къ оссамъ можемъ сдѣлать заключеніе, что грузины помнили о своихъ сосѣдяхъ оссахъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начали помнить самихъ себя, такъ какъ оссы въ преданїи о Фарнавазѣ тѣсно связаны съ началомъ національнаго сознанія грузинъ. Конечно, мы не можемъ дать точной хронологической даты

¹⁾ Срав. Абридонъ—Феридунъ, Рансъ—Рей, Іаредъ—Ирахъ—Іареджъ, Кекапосъ—Кей-Каусъ и друг.

²⁾ См. Осет. Этюды I стр. 12.

³⁾ О. с. стр. 273.

⁴⁾ О. с. стр. 270.

борьбѣ Фарнаваза съ греками ¹⁾, но во всякомъ случаѣ можемъ предполагать, что начало исторической жизни грузинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ сношеній съ оссами, восходитъ еще ко времени предшествовавшему христіанской эрѣ, хотя конечно объ этомъ не дошло до насъ историческихъ извѣстій.

На дальнѣйшихъ страницахъ апналъ Вахтанга вплоть до Рождества Христова не встрѣчается упоминанія объ оссахъ. Лишь въ разсказѣ о проповѣди христіанства на Кавказѣ апостоломъ Андреемъ ²⁾ сообщается, что апостолъ прошелъ изъ Грузіи въ Сванетію, гдѣ правила женщина, принявшая христіанство, а затѣмъ вмѣстѣ съ св. Симеономъ провикъ въ Осетію и отсюда дошелъ до Боспора. Никакихъ подробностей объ этомъ первомъ знакомствѣ осетинъ съ христіанствомъ не сообщаетъ грузинская хроника и, конечно, во всемъ разсказѣ объ апостолѣ Андрѣ слѣдуетъ видѣть лишь церковное преданіе.

Изъ II вѣка по Р. Х. дошли извѣстія какъ грузинскія, такъ и армянскія объ участіи осетинъ въ войнѣ обоихъ этихъ народовъ между 87 и 103 годомъ. Грузинскіе цари Азоргъ и Армазель (въ *армянской* хроникѣ Азургъ и Азмайеръ) призвали противъ армянъ на помощь осетинъ и лековъ. Осетины явились съ значительнымъ войскомъ подъ начальствомъ своихъ двухъ великановъ Базука и Абазука (иначе Анбазука) ³⁾ и вторгнулись въ Арменію. Армянскій полководецъ Сумбатъ (Смбатъ) Бивритіанъ пошелъ имъ на встрѣчу. По Моисею Хоренскому, осетины (или какъ они называются у него аланы) отступили до рѣки Куры и армяне взяли въ плѣнъ сына аланскаго царя. Стоя на рѣкѣ Курѣ, аланы вступили съ армянами въ переговоры и требовали выдачи сына своего царя; но армянскій царь Арташесъ отказалъ имъ въ этомъ. Затѣмъ прекрасная дочь аланскаго царя, сестра взятаго въ плѣнъ юноши, приходитъ на берегъ рѣки и обращается съ слѣдующею рѣчью къ Арташесу: „къ тебѣ рѣчь моя, храбрый мужъ Арташесъ, къ тебѣ, побѣдителю

¹⁾ Броссъ помѣщаетъ Фарнаваза въ предѣлы отъ 302—237 г. до Р. Х., но эта дата весьма подозрительна.

²⁾ Hist. etc. p. 61.

³⁾ Замѣтимъ, что имена царей оссовъ содержатъ осетинскія слова: Базугъ—плечевая часть руки до локтя, амбазугъ—равноплечій.

храбраго народа алановъ: согласиись отдать юношу мнѣ, прекрасноокой дочери алановъ; не слѣдъ героямъ отнимать жизнь у племени другихъ героевъ за какую нибудь месть или поработить ихъ и держать, какъ рабовъ, и тѣмъ укоренять вѣчную вражду между двумя храбрыми народами.“ Арташесъ, услышавъ такія мудрыя рѣчи, отправился на берегъ рѣки и, увидѣвъ прекрасную дѣву, полюбилъ ее. Позвавъ воспитателя своего Смбата, онъ объявилъ ему, что желаетъ имѣть ее женою, заключить договоръ и условіе съ аланами и отпустить юношу съ миромъ. Смбатъ поступаетъ согласно рѣшенію Арташеса, заключаетъ миръ, и Сатиникъ становится первою между женами армянскаго царя ¹⁾. Иначе сообщается это въ грузинской лѣтописи. По ея свидѣтельству, войска оссовъ, лековъ и грузинъ, нагруженные добычей, награбленной въ Арменіи, отступили за рѣку Мткуаръ (Куру) и расположилось лагеремъ на р. Іоръ для дѣлежа добычи и плѣнниковъ. Сумбатъ Бивритіанъ послалъ имъ гонца съ слѣдующимъ предложеніемъ: „Всю добычу, взятую вами въ Арменіи, скотъ, золото, серебро, ткани, — я отдаю вамъ; кровь армянская, вами пролитая, не будетъ отомщена на васъ; но отпустите только плѣнниковъ и возвратитесь домой, нагруженные всякаго рода богатствами.“ — „Мы вошли въ Арменію, отвѣчали они, чтобы отыскать тебя, но тебя не нашли. Приходи къ намъ и бери свою долю или же мы пойдемъ къ тебѣ, гдѣ бы ты ни былъ, и ты живьемъ не избѣгнешь нашихъ рукъ.“ Тогда Сумбатъ перешолъ р. Куру, и Базукъ, царь оссовъ, вызвалъ его на поединокъ. Сумбатъ убиваетъ сначала Базука а за нимъ его брата, Абазука, поспѣшавшаго ему на помощь. Тогда все войско оссовъ, лековъ и грузинъ, вида смерть обоихъ великановъ, съ ожесточеніемъ, подъ предводительствомъ Азорка и Армазеля, устремилось на Сумбата. Кровавая битва кончилась пораженіемъ сѣвернаго войска. Оссы и леки спаслись лишь въ незначительномъ числѣ. Грузины, знавшіе дороги удобныя для бѣгства, потерпѣли менѣе. Сумбатъ опустошилъ часть Грузіи, но не сломилъ окончательно сопротивленія царей Азорка и Армазеля, которымъ помогали осетины, мстившіе смерть своихъ родственниковъ.

¹⁾ См. Исторію Арменіи Моисея Хоренскаго, въ переводѣ Н. Эмина, Москва 1858 стр. 121.

Послѣ пятимѣсячной осады Мцхета армянами, грузины, доведенные до крайности, просили мира и вмѣстѣ съ оссами подчинились армянамъ. Это подчиненіе, впрочемъ, продолжалось недолго. Воспользовавшись войною персовъ съ греками, въ которую были увлечены и армяне, грузины съ оссами возмутились. Арташанъ (Арташесъ) послалъ въ Грузію войско подъ предводительствомъ своего сына Зарена. Но его войско было разбито, а самъ Заренъ взятъ въ плѣнъ. Оссы настаивали, чтобы грузины убили армянскаго царевича, въ отмщеніе за смерть Базука и Абазука. Но грузины не соглашались на это и охраняли его въ замкѣ Даріаланъ (Даріалъ). Занятые войною съ персами, армяне только черезъ три года предприняли новый походъ въ Грузію, который при самомъ началѣ кончился мирнымъ договоромъ. Грузія выдала царевича, была восстановлена въ прежнихъ предѣлахъ и обязалась быть вѣрной союзницей Арменіи. Съ этихъ поръ грузины, армяне и оссы воевали сообща противъ своихъ враговъ ¹⁾.

При всемъ несходствѣ въ частностяхъ армянскаго и грузинскаго разсказа, нельзя сомнѣваться въ томъ, что оба относятся къ однимъ и тѣмъ-же событіямъ. Оба занесли имя Сибата Бивритіана и Арташеса (Арташана), армянскаго царя, правившаго именно въ это время, т. е. въ концѣ I-го и началѣ II-го в., такъ какъ Моисей Хоренскій называетъ его современникомъ императоровъ Домиціана, Нерона и Траяна; оба сообщаютъ о вторженіи сѣверо-кавказскихъ народовъ въ Арменію, о столкновеніи на берегу Куры, о побѣдѣ армянъ. Оба упоминаютъ далѣе о взятіи грузинами въ плѣнъ сына Арташесова Зарена (по Моисею Хоренскому Зарека ²⁾), его заключеніи въ темницѣ и освобожденіи. Такія совпаденія не могутъ быть случайны. Различіе между армянскимъ и грузинскимъ разсказомъ зависитъ отъ того, что первый основанъ главнымъ образомъ на народныхъ пѣсняхъ гохтенскихъ пѣвцовъ, причемъ послѣдніе вплели въ него эпическое преданіе о прекрасной Сатиникъ и ея бракѣ съ Арташесомъ. Моисей Хоренскій приводитъ даже нѣсколько стиховъ изъ пѣсни въ метрическомъ складѣ ³⁾. Что же касается

¹⁾ Hist. de la Géorgie etc. p. 66—71.

²⁾ Исторія М. Хор. стр. 125.

³⁾ См. Ib. стр. 122.

достоверности того и другого рассказа, то, конечно, грузинскій заслуживаетъ большаго вѣроятія. Онъ наполненъ топографическими подробностями, не старается умалить успѣховъ армянскаго оружія и значенія помощи, оказанной грузинамъ ихъ сѣверными союзниками, особенно оссами. Въ рассказѣ замѣтно, что оссы, съ ихъ двумя царями великанами, играли важную роль, отодвигая на задній планъ грузинскихъ царей. Для насъ особенно важно, что, въ свидѣтельствѣ армянскомъ, народъ сѣверный, дѣйствовавшій въ союзѣ съ грузинами, называется не оссами, а аланами; Сатиникъ называетъ себя дѣвой алановъ и ея племя иногда называется *дѣтми Алановъ* (манкуи Аланац.) Это можетъ служить однимъ изъ доказательствъ мнѣнію, на которомъ мы остановимся далѣе, о тождественности оссовъ и алановъ.

Къ концу втораго вѣка по Р. Х. относится вторженіе оссовъ въ Грузію при царѣ Амзаспѣ II (182—186). Цѣлю ихъ было взять г. Мцхетъ. Грузины были застигнуты врасплохъ, но скоро со всѣхъ сторонъ стаялись къ царю ихъ подкрѣпленія и имъ удалось отбить натискъ многочисленнаго войска оссовъ. Въ одиночной битвѣ Амзаспъ убилъ осетинскаго богатыря Хуанху ¹⁾ (по Вахушту Хуху, по армянской хроникѣ Хонахва). Разбивъ оссовъ, онъ вторгнулся въ ихъ землю и покорилъ ее въ союзѣ съ армянами. Но впоследствии армяне обратились противъ самого Амзаспа, призвали грековъ (римлянъ) и оссовъ и разбили грузинскаго царя, не смотря на помощь, которую ему оказали персы ²⁾.

Во время войны армянскаго царя Хосрова съ сасанидомъ Арташиромъ сыномъ Сасана, союзникъ армянъ, грузинскій царь *Асфатуръ* (262—265 по Р. Х.) открылъ ворота Кавказа и пропустилъ оссовъ, лековъ и хазаръ, чтобы выѣсть съ ними воевать противъ персовъ. По грузинскимъ анналамъ, союзники вторгнулись въ страну персовъ и сильно ее опустошили. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ, по смерти армянскаго царя Хосрова, персы овладѣли Арменіей, то союзникъ его Асфатуръ грузинскій бросился въ Осетію, чтобы собрать

¹⁾ Это имя напоминаетъ осетинскія имена, содержащія пожеланія: по дигорски Хонхуа значитъ: будь горою, т. е. высокъ какъ гора; или можетъ быть хуанхуа искажено изъ слова хъанхаг—горный.

²⁾ Histoire de la Géorgie p. 76.

тамъ войско и умеръ въ этой странѣ ¹⁾). Съ Асфагуромъ кончается династія Фарнавазидовъ и грузины, не желая подвергнуться участи армянъ, покоренныхъ персами, просятъ ихъ цари дать имъ въ правители своего сына Мириана и женить его на дочери Асфагуровой Абешурѣ. Царь персовъ, говоритъ грузинская лѣтопись ²⁾, спрашивалъ грузинскаго посла о городѣ Мцхетѣ, о сосѣднихъ съ грузинами хазарахъ и *оссахъ* и согласился на ихъ просьбу. Армянская хроника прибавляетъ, будто послы грузинскіе сказали персидскому царю, что грузины сосѣдятъ съ оссами, аланами, леками, сонами, хазирами и всѣми народами сѣвера ³⁾. Изъ этого извѣстія, конечно, нельзя выводить заключенія, что аланы, упоминаемые рядомъ съ оссами, были другой народъ. Вѣроятно, что имя *аланы* ничто иное, какъ глосса, добавленная при имени оссовъ и вошедшая въ текстъ по невѣдѣнію какого нибудь переписчика.

Отъ времени Мириана дошло и другое извѣстіе объ оссахъ. Когда Мирианъ, по смерти отца своего, спорилъ за персидскій престолъ съ своимъ братомъ Бартамомъ, осетины воспользовались его отсутствіемъ и вторгнулись подъ предводительствомъ Фероха ⁴⁾ и Кавція въ Грузію и опустошили ее. Въ отмщеніе за набѣгъ, Мирианъ въ свою очередь проникъ въ Осетію, овладѣлъ ею, разорилъ ее вплоть до Хазаріи и путемъ Двалетскимъ (долиной Лиахвы) возвратился въ свою страну ⁵⁾.

Послѣ этого похода Мириана въ Осетію въ грузинской исторіи не упоминается въ теченіе болѣе 100 лѣтъ о какихъ нибудь вторженіяхъ оссовъ. Можно думать, что южная часть ихъ была подчинена грузинамъ и послѣдніе бдительно охраняли доступъ въ свою страну. Новое вторженіе съ сѣвера послѣдовало во время малолѣтства извѣстнаго грузинскаго героя, царя Вахтанга Гургаслана (446—499). Анналы рассказываютъ ⁶⁾, что когда Вахтангу было 10 лѣтъ, значитель-

¹⁾ Ib. p. 78, Addit. et Eclaircissements, p. 17.

²⁾ Ib. p. 83.

³⁾ Ib. Additions etc. p. 18.

⁴⁾ По осетински Ферох—значитъ *забитый*.

⁵⁾ Histoire de la Géorgie etc. I p. 86.

⁶⁾ Ib. p. 150 слѣд.

ное войско оссовъ устремилось на Грузію, распространяя грабежи и убійства и увозя плѣнниковъ на пространства отъ источниковъ Куры (Мтквары) и до Хунана ¹⁾. Оссы захватили съ собою сестру Вахтанга Михрандухтъ и возвратились обратно вратами Дербенда. Лѣтопись не говоритъ, какимъ путемъ пришли оссы, но изъ указаній на опустошенныя ими мѣстности, отъ источниковъ Куры на юго-западѣ до Дербендскихъ вратъ, можно думать, что, по мнѣнію лѣтописца, они вторгнулись долиной Лиахвы и, пройдя Грузію съ запада наюго-востокъ, подошли къ дербендскимъ вратамъ, которыя, какъ говоритъ лѣтопись, имъ открыли мѣстные жители. Въ отомщеніе за набѣгъ, Вахтангъ, достигнувъ 16 лѣтъ, сталъ готовиться къ походу въ Осетію. Не надѣясь на свои силы, такъ какъ осетины были опаснымъ врагомъ, онъ отправилъ гонца къ брату своей матери Варазъ-Бакуру и эриставу страны Ранъ (Карабага), чтобы извѣстить ихъ о своемъ предпріятіи и просить помощи. Войско грузинское состояло изъ 100 тысячъ всадниковъ, 60,000 пѣхотинцевъ и 12000 вспомогательнаго отряда, присланнаго Варазъ-бакуромъ. Передъ выступленіемъ въ походъ, царь пишетъ свое завѣщаніе, постится и усердно молится Богу. Войско грузинъ проникло въ Осетію Даріальскими вратами, не встрѣчая сопротивленія. Слѣдуетъ думать, что эта тѣснина была во власти грузинъ и охранялась ихъ гарнизономъ. Страна же, которую грузинская лѣтопись называетъ *Осетъ*, соотвѣтствовала нынѣшнимъ Большой и Малой Кабардѣ. Съ своей стороны оссы призывали на помощь хазаровъ и пошли грузинамъ на встрѣчу къ рѣкѣ, *протекающей по Даріелу и орошающей плоскость Осета*. Указывая въ этихъ словахъ очевидно на р. Терекъ, грузинская лѣтопись говоритъ, что рѣка эта называлась Арагвой, какъ и соименная ей въ Грузіи, такъ какъ обѣ вытекаютъ изъ одной и той-же горы. Оба войска остановились на противоположныхъ берегахъ Терека, и начались по обыкновенію одиночныя поединки богатырей: Вахтангъ убиваетъ хазарскаго богатыря Тархана и осетинскаго Оси-бакатара. Затѣмъ начинается общая битва, въ которой оссы съ ихъ союзниками потерпѣли полное пораженіе. Множество ихъ было изрублено, но еще большее

¹⁾ Провинція на правомъ берегу Куры ниже Тифлиса.

число взято въ плѣнъ. Три дня грузины отдыхали отъ битвы въ своемъ лагерѣ, и затѣмъ пустились опустошать Осетию. *Города* были взяты и множество людей уведено въ плѣнъ. Подчинивъ оссовъ и кипчаковъ (sic), грузинскій царь, чтобъ вѣрнѣе обезопасить свою страну отъ неожиданныхъ набѣговъ оссовъ, построилъ *ворота Осетъ*, которыя мы называемъ Даріанъ (объясняетъ лѣтопись); возлѣ нихъ онъ построилъ замокъ съ высокими башнями, съ которыхъ удобно было наблюдать за движеніями горцевъ. *Великіе* народы оссы и кипчаки не могутъ проходить воротъ безъ разрѣшенія царя Картли. Затѣмъ царь идетъ въ сторону Паджаниговъ (Печенѣговъ), отдѣленную пограничною рѣкой (Кубанью) отъ Осета, и въ Джикетъ (страну Джиковъ, Зиховъ), сосѣднюю съ первой. Значительно позже, когда Турки прогнали Печенѣговъ и Джиковъ, первые выселились на западъ, а вторые поселились у окраинъ Апхазета (Абхазіи). Опустошивъ и эти страны, Вахтангъ вернулся въ Осетию, цари которой убѣждали въ горныя трущобы. Начались переговоры, окончившіеся съ миромъ. Оссы потребовали 30,000 своихъ плѣнниковъ въ обмѣнъ за сестру Вахтангову Михрандухтъ и царь согласился на это. Остальные плѣнники съ обѣихъ сторонъ вымѣнены человекъ на человека. Въ грузинской хроникѣ цифры плѣнниковъ принимаютъ громадныя размѣры: Оссы освободили 350,000 'грузинъ, получивъ за нихъ столько же своихъ соотечественниковъ, и тѣмъ не менѣе въ плѣну у грузинъ осталось еще 650,000 оссовъ, не считая печенѣговъ, и джиковъ. Обмѣнъ длился 4 мѣсяца ¹⁾.

Имѣя въ виду собрать изъ анналовъ Вахтанга всѣ извѣстія объ осетинахъ, мы сочли нелишнимъ привести и разсказъ о походѣ Вахтанга въ Осетию, хотя въ этомъ пространномъ повѣствованіи на долю исторической истины придется лишь нѣсколько ничтожныхъ крупицъ.

Историческій Вахтангъ почти ничего общаго, кромѣ имени, не имѣетъ съ эпическимъ Вахтангомъ, изображеннымъ въ грузинской лѣтописи. Очевидно, въ силу еще не разъясненныхъ обстоятельствъ, личностью Вахтанга историческаго овладѣла народная фантазія, и, какъ бываетъ обыкновенно, приурочила къ этому имени множество чудесныхъ

¹⁾ Histoire de la Géorgie etc. 153—160.

подвиговъ сказочнаго характера, взятыхъ на прокатъ изъ разныхъ книжно-народныхъ источниковъ. Вахтангъ сдѣлался типомъ великаго царя-завоевателя, въ родѣ Александра Македонскаго и подвиги, приписываемые ему, имѣютъ такую же историческую достовѣрность, какъ подвиги Македонскаго героя въ восточныхъ сказаніяхъ. Народныя сказанія, наслонившіяся на имя Вахтанга, являются въ литературномъ видѣ съ нѣкоторой исторической окраской въ такъ называемой армянской хроникѣ (XI или XII в.), а затѣмъ въ еще болѣе разукрашенномъ и распространенномъ видѣ въ анналахъ Вахтанга V-го. Какъ всѣ quasi историческія народныя сказанія, рассказъ преисполненъ географическихъ, историческихъ и хронологическихъ несообразностей. Такъ, въ числѣ народовъ, пришедшихъ въ столкновение съ царемъ героемъ V-го в., упоминаются позднѣйшіе народы — печенѣги на западѣ, какъ сосѣди осетинъ. Эпическій Вахтангъ побѣждаетъ въ единоборствѣ длинный рядъ богатырей разныхъ народовъ и, подобно Александру Македонскому, простираетъ свои походы до отдаленной Индіи, о которой ни грузинскій народъ, ни составители хроникъ, конечно, не имѣли никакихъ точныхъ представлений. Для нашей ближайшей цѣли личность историческаго Вахтанга довольно безразлична: мы не можемъ предпринять труда уясненія, что въ рассказѣ о его походахъ принадлежитъ исторіи и что представляетъ лишь чистый вымыселъ. Мы пользуемся рассказомъ лѣтописи лишь какъ эпическимъ сказаніемъ, въ которое попали нѣкоторыя историческія черты, которыя могутъ пригодиться для характеристики отношеній предковъ осетинъ къ ихъ южнымъ сосѣдямъ, грузинамъ. Изъ тона повѣствованія, изъ обширныхъ приготовленій къ походу видно, что осетины представлялись автору рассказа крайне опасными для Грузіи, видно далѣе, что они жили на плоскости въ нынѣшней Кабардѣ, въ сосѣдствѣ съ хазарами, съ печенѣгами и джиками, но часть ихъ, болѣе извѣстная грузинамъ, уже населяла горы. Ключемъ къ Грузіи съ этой стороны служило Даріальское ущелье, и потому грузины заняли его прочнымъ образомъ. Осетины были многочисленны, могли предпринимать набѣги въ значительныхъ силахъ и опустошать Закавказье изъ конца въ конецъ. Конечно, въ этихъ экспедиціяхъ участвовали и другіе народы сѣвернаго Кавказа. Но всетаки въ этихъ предпріятіяхъ преобладали

осетины, на которыхъ авторъ разсказа о Вахтангѣ сосредоточиваетъ все вниманіе.

При послѣдующихъ царяхъ, Грузія, терпѣвшая опустошенія со стороны Персін, сама доведенная до крайности, не могла предпринимать походовъ въ Осетію. „Армянская хроника“ ¹⁾ приводитъ извѣстіе, не сообщаемое грузинской, о томъ, что при грузинскомъ царѣ Фарсманѣ V (528—542) оссы сдѣлали набѣгъ на Грузію и опустошили ее. Фарсманъ призвалъ на помощь персовъ, призналъ ихъ власть и обязался платить дань подъ условіемъ, чтобъ персы не преслѣдовали христіанской вѣры.

Въ слѣдующіе вѣка извѣстія объ осетинахъ становятся еще скуднѣе. Арабы вторгнулись въ Грузію въ царствованіе Арчила и Мира. Халифы въ началѣ VIII-го вѣка безпрестанно отправляютъ войска на Кавказъ, гдѣ происходитъ ожесточенная борьба между арабами и хазарами. По арабскимъ свидѣтельствамъ объ этомъ времени, замокъ Аланскихъ вратъ былъ занятъ арабскимъ гарнизономъ, получавшимъ изъ Тифлиса жизненные припасы и амуницію ²⁾. Главнокомандующій арабскими войсками на Кавказѣ при халифѣ Гишамѣ Мерванъ-бень-Магомедъ побѣдилъ алановъ въ 735, вошелъ въ Хазарію въ 737, побѣдилъ лезгинъ въ 739. Съ своей стороны и хазары въ теченіе этихъ войнъ съ арабами нерѣдко проникали на Кавказъ и опустошали Грузію, находившуюся такимъ образомъ между двухъ огней. Въ борьбѣ, какъ извѣстно, одержали верхъ арабы. Изъ побѣжденной Хазаріи населеніе искало спасенія отъ завоевателей. Въ разсказѣ о походѣ на Кавказъ арабскаго военачальника Буга (851) упоминается, что онъ открылъ Дербендскія ворота и вывелъ изъ Хазаріи 300 семействъ, которыхъ поселилъ въ Шамкорѣ. Тотъ же полководецъ думалъ проникнуть въ Осетію, но вслѣдствіе снѣжныхъ заваловъ не исполнилъ своего намѣренія ³⁾. Однако, вѣроятно съ цѣлью предупредить возстанія въ Осетіи, онъ, чрезъ Даріальское ущелье, вывелъ 3000 осскихъ семействъ и поселилъ ихъ въ Дманисѣ ⁴⁾. Буга былъ

¹⁾ Brosset—Eclaircis. etc. p. 45.

²⁾ Hist. etc. p. 245.

³⁾ Hist. p. 267. Add. etc. p. 52.

⁴⁾ По армянской хроникѣ только 200 человѣкъ осетинъ были поселены въ Дманисѣ.

намѣренъ въ слѣдующее лѣто предпринять походъ въ Осетию, но былъ отозванъ Эмиромъ-аль-Мумениномъ, будучи заподозрѣнъ въ какихъ то сношеніяхъ съ хазарами.

Положеніе Грузіи въ правленіе династіи Багратидовъ въ X, XI и XII вв. начинаетъ значительно улучшаться. Багратъ III соединяетъ въ своемъ лицѣ престолы Грузіи и Абхазіи (1008—1014), Багратъ IV (1027—1072) еще долженъ платить дань туркамъ Сельджукидамъ, опустошившимъ Арменію и Грузію при Тогруль-бегѣ (1047) и Альпъ-Арсланѣ (1064); но Давидъ III Возстановитель освобождаетъ Грузію отъ иноземныхъ притѣснителей, разбиваетъ турковъ, беретъ Тифлисъ послѣ продолжительной осады (1122) и овладѣваетъ частью Арменіи. Всюду возстановляются церкви и монастыри, строятся укрѣпленія, государство получаетъ прочное устройство. При Гіорги III (1156—1184) предѣлы Грузіи значительно расширяются и государство получаетъ небывалый блескъ. Наконецъ время Тамары, его дочери, (1184—1211 или 1212) есть золотой вѣкъ грузинской исторіи. Въ ея правленіе Грузія занимаетъ первое мѣсто среди царствъ западной Азіи. Ей подчинены Арменія на сѣверъ отъ Аракса и многіе народы Кавказа, среди которыхъ ведется ревностная проповѣдь христіанства. Многочисленныя развалины церквей до сихъ поръ существующія не только въ закавказскихъ частяхъ Осетіи, но и на сѣверѣ, въ Дигоріи, въ Куртатахъ и Закахъ и т. д., приписываются народными преданіями этой великой грузинской царицѣ. За періодъ правленія Багратидовъ уже не упоминается о набѣгахъ оссовъ на Грузію. Видно, что грузинское вліяніе проникло въ эту страну, что въ ней водворилось христіанство и что часть ея находится въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Грузіи. У осетинъ упоминаются цари, находящіеся въ родствѣ съ грузинскимъ царскимъ домомъ. Царь Багратъ IV (1027—1072) женатъ на Боренѣ, дочери осскаго царя, сестрѣ Доргулея. Братъ Баграта IV, Деметръ, имѣлъ матерью осетинку изъ царскаго дома. Византійскіе историки называютъ ее Альдою аланкой. Осетины въ количествѣ 40,000, подъ предводительствомъ своего царя Доргулея (по Вахушту, Дурдулея ¹⁾), являются по зову Баграта IV ему на помощь въ его войнѣ съ Карабахскимъ

¹⁾ Histoire de la Géorgie 335.

эмиромъ Падлономъ и бьются подъ командой сына Баградова Гіорги Куропалата въ области Гандзы. По окончаніи экспедиціи, Дургулемъ вернулся въ свою страну и вскорѣ пожелалъ видѣть своего родственника (шуринъ) Баграта, и между ними происходитъ дружественное свиданіе въ г. Зкезуні. „Это былъ настоящій праздникъ, говоритъ лѣтописецъ, трубы и барабаны производили чрезвычайный шумъ. Двѣнадцать дней цари провели вмѣстѣ, при чемъ исчерпаны были все роды удовольствій и развлеченій. Наступленіе зимы принудило ихъ разстаться, и Баграть осыпалъ дарами цари и всехъ вельможъ осетинскихъ и отпустилъ ихъ исполненныхъ радости ¹⁾“. Второй мужъ Тамары — Давидъ Сосланъ — родомъ осетинъ, былъ Багратидъ, и на этомъ основаніи молодой человекъ былъ предпочтенъ другимъ женихамъ Тамары. Грузинская лѣтопись говоритъ, что онъ въ 6-мъ поколѣніи происходилъ отъ Деметра, сына цари Гіорги III ²⁾. Да и сама царица Тамара, по матери, происходила изъ осетинской царской семьи. Отецъ ея Гіорги III былъ женатъ на Бурдуханъ, дочери осетинскаго цари Худдана ³⁾. Лѣтопись упоминаетъ и о двухъ другихъ осетинскихъ царевичахъ, искавшихъ руки Тамары; одинъ изъ нихъ умеръ отъ несчастной любви ⁴⁾. Отсюда можно заключить, что осетинскій царскій домъ уже распадался на вѣтви.

Въ виду этихъ указаній на существованіе въ періодъ грузинскихъ Багратидовъ царскаго престола въ Осетіи, г. Пфафъ, много ѣздившій по Осетіи, ставитъ вопросъ, гдѣ слѣдуетъ искать столицу осетинскаго царства, и указы-

¹⁾ Пфафъ (См. Матеріалы для исторіи осетинъ, въ Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ, Вып. V, отд. I, стр. 87) справедливо полагаетъ, что путь Дургулеми къ мѣсту свиданія черезъ Абхазію и Кутаисъ указываетъ на то, что въ это время, т. е. до татарскаго погрома и переселенія въ Кабарду адигейскаго племени, границы Осетіи распространялись далеко на сѣверъ и западъ до Эльборуса. Доказательствомъ можетъ служить то, что вся эта страна еще гораздо позже называлась Осетіей. Вахуштъ (р. 429) говоритъ, что послѣ опустошенія Овсета (татарами) и бѣгства оссовъ на Кавказъ, Овсетъ была названа Черкесъ и Кабарда.

²⁾ Histoire etc. p. 420.

³⁾ Hist. de la Géorgie I, 383.

⁴⁾ Ib. p. 478.

на Куртатию, ущелье рѣки Фіагъ-Дона, и преимущественно на древніе аулы Далагнау, Ладзъ и Цимити. „Въ аулѣ Ладзъ, пишетъ г. Поафъ ¹⁾, на площади, гдѣ ежедневно собирается народъ, намъ показали громадную, тщательно обтесанную каменную толстую доску стола или чего то подобнаго; на другомъ мѣстѣ въ томъ-же аулѣ, — обтесанные камни другихъ формъ, какъ то: принадлежности восточныхъ бань и т. п. Объ этихъ камняхъ народное сказаніе повѣствуетъ, что они находились когда то въ замкѣ нартовъ, мѣстоположеніе котораго нѣкоторые даже опредѣляютъ. Мы изъ этого заключаемъ, что здѣсь когда то жили цивилизованные люди. Это предположеніе подтверждается еще присутствіемъ въ этихъ мѣстахъ многочисленныхъ кладбищъ съ древними роскошными надгробными памятниками и катакомбами.... Въ этомъ мѣстѣ находится и много развалинъ древнихъ церквей. Въ Дзигисѣ стоятъ развалины древняго монастыря, высѣченнаго въ скалѣ. Кругомъ, на окрестныхъ горахъ, виднѣются древнія башни. Большая часть названныхъ строений и остатковъ древности принадлежитъ феодалному вѣку отъ XI до XIV и XV столѣтій.—Въ стратегическомъ отношеніи ущелье рѣки Фіагъ-дона чрезвычайно удобно расположено. Оно находится въ серединѣ между обоими проходными путями чрезъ средній Кавказъ, по Дарьяльскому и Мамисонскому ущельямъ; оно просторно и почти со всѣхъ сторонъ защищено величайшими горами и отвѣсными скалами. На всѣхъ слабыхъ пунктахъ сооружены башни; на югозападѣ оно закрыто громадною стѣною. Въ одной изъ высокихъ стѣнъ-скалъ, отдѣляющихъ ущелье р. Фіагъ-дона отъ Касарскаго, природа оставила неширокій проходъ; это мѣсто искусственно заграждено громадными кучами камней“. Вскорѣ послѣ царствованія Тамары проблескъ осетинскаго царства скрывается грозною тучею, которая налегла въ видѣ монголовъ на большую часть азіатскаго и часть европейскаго міра. Въ 1218 г. полчища Чингисъ-хана вторгаются въ Грузію. Тихолисъ взятъ въ 1221. Татары идутъ къ Дербенду, но, небудучи въ состояніи взять его, двигаются далѣе на сѣверъ, гдѣ встрѣчаютъ сопротивленіе со стороны кипчаковъ и

¹⁾ Сб. Св. etc. V p. 43.

ачановъ (осетинъ). Татарамъ удается разъединить союзниковъ и покорить ихъ порознь ¹⁾.

Незадолго до покоренія татарами, Грузіи пришлось еще сильно пострадать отъ султана Джелаль-эддина, сына хорассанскаго султана Махмуда, съ которымъ Чингисъ-ханъ велъ войну, кончившуюся паденіемъ обширнаго хорассанскаго царства. Тѣснимый татарами Джелаль-Эддинъ, почти лишенный своего царства (Азербейджана), думалъ утвердиться на престолѣ Грузіи, женившись на царицѣ Русуданъ. Тифлисъ былъ имъ два раза взятъ и вся страна страшно опустошена (1226 и 1229). При вторичномъ приближеніи султана къ Тифлису, по словамъ грузинской лѣтописи, царица Русуданъ собрала всѣ силы грузинъ, призвала абхацевъ, джиговъ, отперла Даріальскія врата и пропустила оссовъ, дурдзуковъ и другихъ горцевъ ²⁾. Но это не спасло города отъ непріятеля. Вскорѣ, впрочемъ, Джелаль-эддинъ при приближеніи татаръ, не имѣя силъ сопротивляться, долженъ былъ бѣжать въ Грецію и погибъ. Въ свою очередь татары ужасно опустошили всѣ прикавказскія страны и включили ихъ въ свою необъятную монархію. Осетія въ числѣ другихъ должна была платить дань и время отъ времени обѣзжалась татарскими баскаками. Конечно, ослабленная Грузія уже не могла удержать свою власть надъ оссами, и если было еще замѣтно вліяніе Грузіи на Осетию, то вѣроятно болѣе нравственное, чѣмъ политическое. Въ грузинскихъ лѣтописяхъ упоминается въ этомъ вѣкѣ война грузинъ съ оссами изъ-за города Гори, которымъ послѣдніе овладѣли при покровительствѣ татаръ ³⁾ и владѣли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Эриставъ арагвскій и лахвскій Виршелъ три года осаждалъ ихъ въ этомъ городѣ (1296) ⁴⁾. Упоминается также участіе оссовъ, подъ начальствомъ Бакатара, въ походѣ татарскаго полководца Хутлу-шаха противъ царя Гіюрги V (въ 1299 г.) ⁵⁾. Нѣсколько далѣе ⁶⁾ предводителю оссовъ — Бакатаръ — являет-

¹⁾ Brosset, — Eclaircissements etc. p. 330.

²⁾ Hist. de la Géorgie p. 510.

³⁾ Hist. I 611.

⁴⁾ Addit. et Eclaircissements etc. p. 377.

⁵⁾ Hist. p. 623.

⁶⁾ Ib. p. 633.

ся, повидимому, уже грознымъ непріятелемъ для Карталини. Онъ опустошаетъ ее и Триалетъ и изгоняетъ азнауровъ изъ ихъ областей; царь, занятый другими дѣлами, не въ состояніи его остановить. Только послѣ продолжительной борьбы, Бакатаръ смирился и долженъ былъ просить пощады. Впрочемъ осетины въ г. Гори упоминаются еще въ 1307—1308 г., по случаю похода на Гилянъ татарскаго хана Харбанды, похода, въ которомъ долженъ былъ принять участіе, въ качествѣ вассала татаръ, грузинскій царь Вахтангъ и осетины, жившіе въ Гори ¹⁾. Грузинская лѣтопись, передавая въ преувеличенномъ видѣ событія царствованія Гіоргіи V Блистательнаго (1318—1346), утверждаетъ, что ему подчинились весь Кавказъ отъ Никопсіи до Дербенда и что онъ въ своихъ походахъ покорилъ всѣ горные народы ²⁾; но есть нѣкоторые данныя, указывающія на то, что Гіоргію подчинялись осетины только до Даріальскихъ воротъ. Это видно изъ предисловія къ уставу, составленному имъ для горскихъ народовъ, (вошедшему впоследствии въ уложеніе Вахтанга VI-го ³⁾) и имѣвшему цѣлью ограничить кровную месть и нѣкоторые вредные обычаи.

Нашествіе Тимура (1386), по свидѣтельству біографіи Тимура Шерифъ-едъ-дина, коснулось и Осетии. Тимуръ взялъ Тифлисъ и оттуда пошелъ въ горы въ страны пшавовъ, хевсуровъ, гудамакаровъ до Даріала и въ Двалетію. Въ походѣ противъ Тохтамыша (1395) въ числѣ странъ, пройденныхъ и опустошенныхъ Тимуромъ, упоминается въ Черкесіи страна Асъ, въ которой, конечно, слѣдуетъ видѣть Осетію ⁴⁾.

Оставляя въ сторонѣ дальнѣйшія извѣстія объ осетинахъ, замѣтимъ, что грузинскія свидѣтельства о нихъ становятся все болѣе и болѣе скудны. Они уже ничего не знаютъ о судьбѣ сѣверныхъ осетинъ и говорятъ, да и то крайне рѣдко, о закавказскихъ, на которыхъ Грузія сохранила еще вліяніе. Есть свидѣтельства о возстаніяхъ въ этой области, подавленныхъ мѣстными арагвскими и ксанскими эриставами;

¹⁾ Hist. I 636.

²⁾ Ib. p. 648.

³⁾ Ib. p. 645 примѣч.

⁴⁾ Ecl. p. 389.

изрѣдка упоминаются набѣги осетинъ; иногда осетины упоминаются, какъ отрядъ въ грузинскихъ войскахъ и т. п. Но всѣ эти факты представляютъ лишь незначительный интересъ, и единственный выводъ, къ которому они ведутъ, состоитъ въ томъ, что осетины, запертые въ своихъ горахъ и ущельяхъ, вырождаются все болѣе и болѣе, вымираютъ и становятся изъ нѣкогда грозныхъ непріятелей Закавказья мелкимъ разбойничьимъ народцемъ, раздробленнымъ на отдѣльные общества, вѣчно враждующія между собою и истребляющія другъ друга. Ближайшіе сосѣди съ грузинами мало по малу огрузиниваются и, пріобрѣтая нѣкоторую культуру, принимаютъ чужой языкъ и утрачиваютъ національныя черты. Горныя же общества продолжаютъ косить въ прежней жизни и почти нетронутыя культурою переходить подъ власть Россіи ¹⁾).

Глава II.

Доказательства тому, что имя кавказскихъ алановъ распространялось и на предковъ осетинъ. Свидѣтельства о территоріи алановъ. Извѣстія средневѣковыхъ писателей объ аланахъ. Діонисій географъ, Плиній, Юсепъ Флавій, Светоній, Діонъ Кассій, Амміанъ Марцеллинъ, Проперій, Феодосій, Менаандръ. Туркскіе сосѣди осетинъ. Упомянутіе именъ въ русскихъ летописяхъ.

Со времени извѣстнаго изслѣдованія Клапрота ²⁾ (1822 г.) въ научной литературѣ почти установилось убѣжденіе въ томъ, что осетины представляютъ непосредственныхъ потомковъ кочевого народа алановъ, упоминаемаго средневѣковыми историками и географами на сѣверномъ Кавказѣ. Прежде, чѣмъ воспользоваться историческими извѣстіями о кавказскихъ аланахъ, считаемъ нужнымъ еще разъ пересмотрѣть вопросъ объ отношеніи алановъ къ оссамъ, для того, чтобы

¹⁾ О первыхъ сношеніяхъ русскаго правительства съ осетинами, о заботѣ по восстановленію среди нихъ христіанства, о правительственныхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ съ конца прошлаго столѣтія до настоящаго времени, можно прочесть въ трудѣ Д. Лаврова—Замѣтки объ Осетинъ и Осетинахъ (стр. 222 — 314),— помѣщенномъ въ III выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“.

²⁾ Mémoire dans le quel on prouve l'identité des Ossètes, peuplade du Caucase, avec les Alains du moyen-Age 1822.

уяснить, слѣдуетъ-ли прямо отождествлять оссовъ съ аланами или же только допустить возможность того, что названіе алановъ, какъ географическое имя, обнимало, въ числѣ другихъ народовъ, и предковъ нынѣшнихъ осетинъ.

Разсмотримъ сначала нѣкоторые извѣстія, въ которыхъ имя алановъ отождествляется съ именемъ оссовъ или ясовъ.

Въ обзорѣ извѣстій объ оссахъ, сообщаемыхъ грузинскими анналами, мы видѣли (на стр. 25), что послѣдніе упоминаютъ объ участіи оссовъ въ I в. по Р. Х. въ борьбѣ грузинъ съ армянами при армянскомъ царѣ Арташесѣ и его полководцѣ Смбатѣ Бивритіанѣ. О той же войнѣ рассказываетъ въ своей Исторіи Арменіи Моисей Хоренскій (гл. 50), при чемъ союзники грузинъ называются у него *аланами*. Моисей Хоренскій, какъ онъ самъ заявляетъ (въ главѣ 49), почерпнулъ сообщаемыя имъ извѣстія о борьбѣ съ аланами и о бракѣ Арташеса съ сестрой аланскаго царевича изъ эпическихъ пѣсенъ гохтенскихъ пѣвцовъ; откуда почерпнулъ свои свѣдѣнія о тѣхъ же событіяхъ грузинскій анналистъ, — намъ неизвѣстно: быть можетъ, изъ источника еще болѣе мутнаго. Но въ данномъ случаѣ для насъ не столько важны историческія подробности событій, сколько тотъ фактъ, что въ рассказѣ объ одной и той же войнѣ, народъ, называемый грузинами оссами, является у армянъ подъ названіемъ алановъ.

Убѣжденіе, что названіе алановъ соответствуетъ тому народу, который наши лѣтописи называли ясами, существовало и у древне-русскихъ книжниковъ. Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующее. У Іосифа Флавія (I в. по Р. Х.) въ „Иудейской войнѣ“ объ аланахъ говорится, что „народъ аланы есть скиѣское племя, живущее у Танаиса и Меотійскаго озера“¹⁾.

Въ рукописномъ русскомъ переводѣ XII или начала XIII в., принадлежащемъ Е. В. Барсову, это мѣсто читается такъ: „языкъ же яскій (τῶν Ἀλανῶν) вѣдомъ есть, яко отъ печенежскаго рода родися, живуща подлѣ Тани и Меотыскаго моря“. По стремленію, свойственному вообще средневѣковымъ писателямъ, отождествлять современныя имъ названія наро-

¹⁾ Τὸ τῶν Ἀλανῶν ἔθνος εἰσὶ Σκύθαι περὶ τὸν Τάναϊν καὶ τὴν Μαϊώτιν λίμνην κατοικοῦντες, De bello jud. 7. 7.

довъ съ древними, скѣны здѣсь замѣнены печенѣгами, а аланы ясами, которые въ XII в. были еще хорошо извѣстны на Руси.

У Кедрина и у Зонары, подъ 1033 годомъ, сообщается, что вдова царя абасговъ, Георгія, Альда, родомъ аланка, вступивъ въ союзъ съ императоромъ Романомъ, передала ему крѣпость Анакуфу ¹⁾. О томъ же фактѣ рассказываетъ грузинская лѣтопись, сообщая, что сынъ абхазскаго царя, Гіорги I Вагратида, Деметрѣ передалъ византійцамъ городъ Анакофію. При этомъ грузинская хроника не сообщаетъ имени его матери, абхазской царицы, но называетъ ее дочерью царя *оссовъ* ²⁾. Отсюда можно, кажется, заключить, что имя аланы было официальнымъ, установившимся у византійцевъ, названіемъ для осетинъ, какъ, впрочемъ, и вообще для сѣверо-кавказскихъ народовъ. Отметимъ кстати, что у осетинъ извѣстно женское имя *Алді* и *Альда* ³⁾.

Обозначеніе сѣверныхъ кавказскихъ народовъ, а въ томъ числѣ и асовъ, ясовъ (осетинъ), именемъ алановъ встрѣчается и у западныхъ средневѣковыхъ писателей. Такъ, извѣстный путешественникъ Плано Карпини, ѣздившій въ Золотую Орду въ 1227 году, перечисляя народы, платящіе дань татарамъ, называетъ въ числѣ ихъ алановъ и асовъ ⁴⁾. Тотъ же путешественникъ сообщаетъ, что часть алановъ еще оказывала татарамъ сопротивленіе и что татары держали въ заложникахъ одного аланскаго князя ⁵⁾.

Еще два вѣка позже путешествія Плано Карпини, существовало убѣжденіе въ тождествѣ названія аланы и асы. Такъ Иосафатъ Барбаро, совершившій въ 1436 году путешествіе въ Тану (Азовъ), говоритъ объ Аланіи слѣдующее: „Аланія заимствовала имя свое отъ народа аланскаго, называвшаго себя на своемъ языкѣ *Асѣ*. Народъ сей исповѣдо-

¹⁾ См. у Stritter'a, Memor. Popul. IV. p. 351. § 35: Alda Georgii Abasgorum reguli quondam uxor, gente *Alana*, imperatori se adjunxit tradiditque Anacuphen, arcem munitissimam.

²⁾ Brosset, Histoire de la Géorgie I. 315.

³⁾ См. Осетия. Этюдъ. I. стр. 159; примѣч. 5.

⁴⁾ *Alains ou Assés*, см. Voyage de Carpin en Tartarie въ Собраніи Путешествій у Bergeron'a, т. I, p. 58.

⁵⁾ Ibid. p. 57.

вавший христіанскую вѣру, былъ истребленъ и выгнанъ изъ жилищъ своихъ татарами ¹⁾).

Подъ названіемъ алановъ были между прочимъ извѣстны оссы и арабскимъ писателямъ. Даріальскія врата, которыя грузины называютъ нерѣдко вратами Осетіи, такъ какъ они были сооружены для воспрепятствованія набѣгамъ оссовъ на Закавказье, называются арабами *аланскими вратами* (Bab al Alan). ²⁾ Самое названіе Даріаль (груз. Dariala, Dariala, Darialani, Daliałmani), быть можетъ, происходитъ отъ персидскаго Dar-i-Alān — врата алановъ ³⁾. У европейскихъ писателей этотъ горный проходъ называется иногда Porta Alanorum.

Отъ этихъ свидѣтельствъ, указывающихъ на отождествленіе имени алановъ съ именемъ оссовъ (оссовъ), перейдемъ къ такимъ, которыя обозначаютъ мѣста поселенія алановъ.

Во 2-й половинѣ IV вѣка Амміанъ Марцеллинъ упоминаетъ алановъ (Halani) рядомъ съ роксоланами при перечисленіи народовъ, живущихъ вокругъ Меотійскаго болота (XXII, 31); въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „за Танаисомъ тянутся безконечныя пустыни Скиѳіи. Аланы (Halani), получившіе свое имя отъ горъ, частыми побѣдами мало-по-малу покорили подъ свою власть сосѣдніе народы и дали имъ свое имя“ (XXXI, 31); далѣе замѣчаетъ, что „аланы размѣщены по обѣимъ частямъ свѣта,.... живутъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга и кочуютъ на огромномъ пространствѣ; нѣкогда они приняли всѣ одно имя и называются теперь аланами, потому что у всѣхъ ихъ одинаковыя нравы, дикій образъ жизни и одинаковое вооруженіе“ (XXXI, 17); „на охотѣ и за грабежомъ они доходятъ до Меотійскаго болота и Киммерійскаго Боспора, также до Арменіи и Мидіи“ (ibid. 21). Въ 375 году „Гунны прошли чрезъ земли алановъ,.... убили и ограбили многихъ, а съ остальными заключили союзъ и, при ихъ содѣйствіи, съ большою увѣренностью вторглись въ

¹⁾ См. Библіотеку иностранныхъ писателей о Россіи г. Семенова. Отд. I, т. I, стр. 6.

²⁾ У Абульфеда — Bab-al-Alan, у Масуди — Bab Allan, см. Dubois de Montpereux — Voyage autour du Caucase, t. IV, p. 292. Ср. также Babi-Allan въ Derhend-Nameh, изд. Казембека, стр. 11, 161, 199.

³⁾ См. Brosset — Histoire. I. 515.

просторныя и плодородныя владѣнія Эрменриха, очень воинственнаго царя, котораго страшились всѣ сосѣдніе народы, вслѣдствіе его многочисленныхъ и различныхъ подвиговъ храбрости“ (XXXI, 3, 1). Оставляя для дальнѣйшаго свидѣтельства Амміана Марцеллина о бытѣ алановъ, отмѣтимъ еще слѣдующія черты, въ которыхъ этотъ писатель характеризуетъ наружность алановъ: „Аланы почти всѣ стройны и красивы; волосы ихъ нѣсколько русы (*crinibus mediocriter flavis*); они страшны своими грозными очами, и очень подвижны, вслѣдствіе легкости своего вооруженія“ (XXXI, 21) ¹⁾.

Хотя свѣдѣнія Амміана Марцеллина о пространствахъ, занимаемыхъ аланами, не вполне опредѣленны, однако все-же ясно, что аланы кочевали въ сѣверо-кавказской плоскости, преимущественно въ ея западныхъ частяхъ, откуда дѣлали набѣги до Азовскаго моря и вторгались въ Таманскій полуостровъ. Въ его описаніи они представляются самымъ сильнымъ и воинственнымъ изъ народовъ сѣвернаго Кавказа. Это согласуется съ грузинскими анналами, въ которыхъ самымъ могущественнымъ народомъ сѣвернаго Кавказа называются оссы. Вспомнимъ приведенныя выше (стр. 29) свѣдѣтельства о набѣгахъ оссовъ на Закавказье въ III вѣкѣ при грузинскомъ царѣ Миріанѣ, а также рассказъ анналовъ о походѣ грузинъ съ огромнымъ войскомъ въ Осетию въ V вѣкѣ при царѣ Вахтангѣ Гургасланѣ.

Нельзя при этомъ не отмѣтить, что къ наружности осетинъ весьма подходитъ описаніе наружности алановъ у Амміана Марцеллина. По свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ и нашему личному наблюденію, среди осетинъ въ большомъ количествѣ попадаются блондины съ сѣрыми и голубоватыми глазами. Блондины преобладаютъ надъ брюнетами, особенно въ низшемъ классѣ, который чище высшаго (аддаровъ, бадилать, царгосать) сохранилъ національный типъ. Особенно часто приходилось намъ встрѣчать блондиновъ въ горахъ въ Дигоріи.

Прокопій (553 г. по Р. Х.) упоминаетъ алановъ въ сосѣдствѣ съ иберами и абазгами и называетъ ихъ старинными

¹⁾ См. Е. Гана—Извѣстія древнихъ греч. и римскихъ писателей о Кавказѣ, въ Сборникѣ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. IV, отд. I, стр. 188—191.

друзьями христианъ и римлянъ ¹⁾). Близъ алановъ живутъ зихи, а за ними гунны, называемые сабирами. Въ другомъ мѣстѣ ²⁾ однако онъ говоритъ, что аланы занимаютъ пространство отъ горъ Кавказа (т. е. на сѣверъ кавказскаго хребта) до Каспійскихъ вратъ, никому не подчиняются, союзать часто съ персами и воюютъ съ римлянами. Изъ того-же писателя мы узнаемъ, что между абазгами и аланами сидятъ врухи ³⁾ и что аланы сосѣдять съ сунитами (сванетами) ⁴⁾.

Хотя Прокопій, какъ и другіе писатели, распространяетъ имя алановъ вообще на сѣверокавказскіе народы; однако въ тѣхъ аланахъ, которые сосѣдять съ сунитами, и живутъ близко отъ абазговъ и зиковъ, можно съ достаточной вѣроятностью видѣть оссовъ. И теперь еще часть осетинъ (дигорцевъ) смежны съ сванетами; но изъ топографической номенклатуры, рассмотрѣнной нами въ главѣ I, мы знаемъ, что предки осетинъ сидѣли далеко на западѣ до Эльбруса и источниковъ Кубани, гдѣ они должны были нѣкогда сталкиваться съ адигскими племенами — джигетами (зихами), абдзахами, натахайдцами, шапсугами и друг. ⁵⁾.

Если отъ VI в. мы перейдемъ къ X, то встрѣтимъ нѣсколько извѣстій о территоріи алановъ въ главныхъ чертахъ согласныхъ между собою. Одно принадлежитъ византійскому императору, другія — арабскимъ путешественникамъ. Константинъ Багрянородный имѣлъ слѣдующее представленіе о кавказскихъ и черноморскихъ народахъ: четыре родъ папинакитовъ (печенѣговъ) сидятъ за Днѣпромъ (на востокъ

¹⁾ De Bello Persico. II. 29.

²⁾ De Bello Gothico. IV, 8. Ταύτην δὲ τὴν χώραν, ἣ ἐξ ὅρους τοῦ Καυκάσιου ἄχρι ἐς τὰς Κασπίας κατατείνει πύλας, Ἄλανοι ἴχουσιν, αὐτόνομον ἔθνος, οἳ δὲ καὶ Πέρσαις τὰ πολλὰ ξυμμαχεῖσιν, ἐκὶ τε Ῥωμαίους καὶ ἄλλους πολεμίους στρατεύουσιν.

³⁾ De Bello Goth. IV, 4. Μετὰ δὲ τοὺς Ἀβασγῶν ὅρους κατὰ μὲν τὸ ὄρος τὸ Καυκάσιον Βρούχοι ὄκηνται, Ἀβασγῶν τε καὶ Ἀλανῶν μεταξύ ὄντες.

⁴⁾ De Bello Persico. I, 15: τὸ δὲ στρατεύμα τοῦτο (і. е. посланное персидскимъ царемъ Кобадомъ въ Арменію) Περσαρμενίων τε καὶ Σουνιτῶν ἦσαν, οἳ δὲ Ἄλανοις εἰσὶν ὅμοιοι.

⁵⁾ Другія свидѣтельства, приблизительно того же времени, о совпаденіи территоріи алановъ и осетинъ см. въ Приложеніи I, въ экскурсѣ о болгаряхъ и аланахъ въ новомъ спискѣ географіи, приписываемой Моносею Хоренскому.

отъ него), граница на востокъ и сѣверъ съ Уаіей, Хазаріей и Аланіей. Страна Печенѣговъ отстоитъ отъ Аланіи на шесть дней пути ¹⁾. За Касахіей (касогами) гора Кавказъ, за Кавказомъ страна алановъ ²⁾. Нѣсколько далѣе Багрянородный упоминаетъ о какомъ-то островѣ, на которомъ скрываются Зикхи при вторженіи алановъ въ ихъ предѣлы ³⁾.

Конечно, и эти указанія на территорію, занимаемую аланами, очень неопредѣленны; но все таки изъ нихъ можно видѣть, какіе народы были сосѣдями кавказскихъ алановъ. Это были: на западѣ — печенѣги, на сѣверѣ — хазары, на юго-западѣ — зикхи, жившіе близъ Чернаго моря и спасавшіеся отъ алановъ, повидимому, на Таманскомъ полуостровѣ. Тѣ же сосѣди были и у оссовъ, какъ упоминается въ грузинскихъ анналахъ, при описаніи похода Вахтанга Гургаслана въ Осетію. Припомнимъ, что, побѣдивъ оссовъ, Вахтангъ идетъ на печенѣговъ (паджанигъ), конѣхъ страна отдѣлена отъ оссовъ рѣкою, и на джиковъ (зиковъ), сосѣдящихъ съ печенѣгами. Припомнимъ далѣе, что грузинская лѣтопись, рассказывая объ этомъ походѣ, прибавляетъ, что гораздо позднѣе временъ Вахтанга, печенѣги были оттѣснены турками на западъ, а джики въ сосѣдство Абхазіи. Это послѣднее перемѣщеніе, повидимому, соответствуетъ относительному положенію этихъ народовъ при Константинѣ Багрянородномъ, т. е. въ X в. Печенѣги занимаютъ территорію отъ лѣваго берега Днѣпра до Кубани, зикхи — у Чернаго моря, аланы — за Кубанью, на сѣверномъ Кавказѣ.

Подобно тому, какъ у Прокопія названіе-алановъ прилагается ко всѣмъ сѣверо-кавказскимъ народамъ, такъ что аланы занимаютъ на востокъ территорію до Каспійскихъ вратъ, такъ и у арабовъ аланами называются не только народности на западномъ Кавказѣ, но и воинственные племена Дагестана и вообще сѣверо-восточнаго Кавказа, можетъ быть, предки нѣкоторыхъ нынѣшнихъ народцевъ Дагестана и Чечни. Такъ, по однимъ свидѣтельствамъ, въ сосѣдствѣ алановъ живетъ народъ *Кашакъ*, въ которомъ не трудно видѣть на-

¹⁾ Stritter — Memor. Popul. IV, p. 396, § 93 (77).

²⁾ Ibid. (78).

³⁾ Ibid. (79).

шихъ лѣтописныхъ касоговъ, сосѣдей ясовъ ¹⁾. Кашаки сидятъ между Кавказомъ и моремъ Румъ т. е. Чернымъ. Между областью алановъ и Кавказомъ Масуди упоминаетъ замѣчательный замокъ, построенный на рѣкѣ и называемый замкомъ алановъ. Въ этомъ замкѣ, въ которомъ не трудно узнать развалины такъ называемаго замка Тамары въ Даріальскомъ ущельѣ, персы содержали гарнизонъ съ цѣлью препятствовать набѣгамъ алановъ на Закавказье (см. выше въ главѣ I); затѣмъ онъ былъ занятъ арабами, которыхъ потомки во время Масуди (943) еще занимали эту твердыню. Далѣе мы узнаемъ, что съ аланами сосѣдятъ печенѣги ²⁾, что царь абхазскій былъ вассаломъ алановъ ³⁾, что страна алановъ граничитъ съ территоріей кумыковъ ⁴⁾, и что вмѣстѣ съ тѣмъ Аланы сосѣди Руси ⁵⁾. Всѣ эти арабскія свидѣтельства позволяютъ видѣть въ этой части алановъ предковъ нынѣшнихъ осетинъ, которые въ X в. были сосѣдями касоговъ, печенѣговъ, абхазцевъ и Руси (тмутараканской). Но съ другой стороны едва-ли съ оссами можно отождествлять тѣхъ алановъ, о которыхъ Масуди сообщаетъ, что ихъ царство граничитъ съ Сериромъ (Дагестаномъ), что ихъ цари носятъ титулъ Керкандаджъ, что столица ихъ страны называется Маасъ и что царь аланскій породнился (во времена Масуди) съ царемъ Серира ⁶⁾. Изъ того же источника мы узнаемъ, что аланы сначала были язычники, затѣмъ приняли христіанство, а послѣ 320 года геджры, т. е. въ половинѣ X вѣка, конечно, подъ вліяніемъ мусульманъ Дагестана, отказались отъ христіанства и прогнали священниковъ и епископовъ, которыхъ посылалъ къ нимъ царь Рума т. е. Византія ⁷⁾. Это свидѣтельство также не можетъ относиться къ предкамъ нынѣшнихъ осетинъ, къ которымъ мусульманство проникло не съ востока, а съ запада (изъ Крыма) и притомъ гораздо позже X вѣка.

¹⁾ Maçoudi—Prairies d'or, Ch. XVII p. 45. Переводъ Barbier de Meynard.

²⁾ D'Ohsson—Des Peuples du Caucase p. 117.

³⁾ По Ибнъ-Хаукалу, D'Ohsson p. 16.

⁴⁾ О. с. p. 23.

⁵⁾ О. с. p. 283.

⁶⁾ Maçoudi — О. с. p. 42.

⁷⁾ О. с. p. 43.

Такимъ образомъ арабскія, какъ и западныя, свидѣтельства объ аланахъ только отчасти касаются оссовъ, а частью могутъ относиться къ другимъ племенамъ сѣвернаго Кавказа.

Въ виду всѣхъ вышеприведенныхъ доказательствъ тому, что названіе аланы въ свидѣтельствахъ средневѣковыхъ историковъ и географовъ обнимало и предковъ нынѣшнихъ осетинъ, считаемъ нужнымъ просмотрѣть вообще извѣстія объ аланахъ въ хронологическомъ порядкѣ, подвергая каждое отдѣльному обсужденію. Извѣстно, что этнографической отчетливости нельзя искать у средневѣковыхъ писателей. Древнія имена народовъ вродѣ скиновъ, сарматовъ, алановъ, часто повторяются по традиціи, прикрѣпляясь къ извѣстной географической территоріи, и еще долго продолжаютъ являться въ географическихъ и историческихъ сочиненіяхъ, послѣ того какъ уже истинные носители этихъ названій исчезли изъ прежнихъ мѣстъ и смѣнились новымъ народомъ. Съ другой стороны, не рѣдки и случаи смѣшенія народныхъ названій, вслѣдствіе нѣкотораго звуковаго сходства.

Такъ, нѣкоторые средневѣковые писатели смѣшиваютъ алановъ съ *албанами кавказскими*, извѣстными у армянскихъ писателей подъ названіемъ *Аіованк*, и съ аламанами, народомъ германской вѣтви.

Изъ извѣстій объ аланахъ намъ слѣдуетъ при томъ остановиться только на такихъ, которыя говорятъ о *кавказскихъ* аланахъ. Отметимъ только вскользь, что аланы упоминаются и въ западной Европѣ, рядомъ съ нѣмецкими племенами, причемъ мы не можемъ быть увѣрены въ этнической тождественности ихъ съ аланами кавказскими. Такъ, Прокопій, говоря о движеніи вандаловъ къ франкамъ и рѣкѣ Рейну (438 г.), упоминаетъ, что они увлекли за собою и алановъ, *племя ютское* ¹⁾. Вандалы и аланы являются вмѣстѣ въ войскѣ Гизериха въ 468 г., причемъ Прокопій замѣчаетъ, что въ общее имя вандаловъ слили свои имена аланы и прочіе варвары, кромѣ мавровъ ²⁾. Еще до нашествія гунновъ Иорданъ упоминаетъ алановъ вмѣстѣ съ вандалами въ Панноніи, от-

¹⁾ De Bello vandalico, см. Stritter. IV. 336. § 9 (7).

²⁾ Ibid. I, 5. Τα δὲ τῶν Ἀλανῶν καὶ τῶν ἄλλων βαρβάρων ὀνόματα, πλὴν Μαυρουσίων, εἰς τὸ τῶν Βανδάλων ἅπαντα ἀπεκρίθη.

жуда, опасаясь готовъ, они переходятъ въ Галлію ¹⁾. Часть алановъ вмѣстѣ со свевами и вандалами переходить Пиреней и поселяется въ Лузитаніи и provincia Carthaginensis, гдѣ впоследствии они были разбиты готскимъ королемъ Валіа ²⁾. Затѣмъ часть ихъ, подчиненная вандаламъ, вмѣстѣ съ послѣдними переходить въ Африку. Гунерикъ въ своихъ эдиктахъ называетъ себя Rex Hunerix Vandalorum et Alanorum ³⁾. Эти странствующие аланы, если они только родичи кавказскихъ алановъ, вѣроятно представляютъ колыно, отторгнутое отъ главнаго племени нашествіемъ гунновъ и увлеченное ими, въ числѣ другихъ народовъ, въ ихъ странствованіи по западной Европѣ.

Переходимъ теперь къ обзору извѣстій о *кавказскихъ аланахъ* въ хронологическомъ порядкѣ.

1) Діонисій географъ (около Р. Х.) соединяетъ алановъ съ даками и таврами ⁴⁾ и помѣщаетъ ихъ между таврами и ага-ирусами ⁵⁾.

2) Плиній (29—79 по Р. Х.) помѣщаетъ алановъ подлѣ роксолановъ среди народовъ, простирающихся отъ устьевъ Дуная къ сѣверу ⁶⁾.

3) Іосифъ Флавій (37—100 по Р. Х.) говоритъ, что народъ аланы есть скинское племя, живущее у Танаиса и Меотійскаго озера ⁷⁾. Намѣреваясь вторгнуться въ Мидію и болѣе отдаленныя страны съ цѣлью грабежа, они вели переговоры съ царемъ гиркановъ, такъ какъ въ рукахъ послѣдняго былъ проходъ, который царь Александръ (Македонскій) закрѣпилъ желѣзными вратами. Когда царь гиркановъ позволилъ имъ пройти, они вторгнулись въ Мидію и Арменію.

Хотя неизвѣстно, о какомъ именно вторженіи алановъ въ Азербейджанъ и Арменію здѣсь идетъ рѣчь, однако фактъ, сообщаемый Іосифомъ Флавіемъ и почерпнутый имъ изъ восточныхъ преданій, согласуется съ извѣстіями грузинскихъ

¹⁾ Iord. XXXI, см. Zeuss, Die Deutschen u. die Nachbarst. p. 704.

²⁾ Zeuss — ib. p. 705.

³⁾ Zeuss — O. c. p. 705.

⁴⁾ Perieg. 305, 306.

⁵⁾ Ib. 308, 309.

⁶⁾ Plin. 4, 12.

⁷⁾ Bell. jud. VII, 7, 4.

анналы о вторженіи народовъ сѣвернаго Кавказа и преимущественно о ссавъ въ закавказье дербендскимъ проходомъ (см. гл. I).

4) Светоній (75—100 по Р. Х.) говоритъ, что когда царь парянь Вологезъ просилъ выслать ему на помощь противъ алановъ римскія войска подъ предводительствомъ одного изъ сыновей Веспасіана, то Домиціанъ употребилъ всѣ усилія, чтобы его туда послали ¹⁾.

5) Такое же обозначеніе сѣверо-кавказскихъ народовъ, и въ томъ числѣ ссавъ, именемъ алановъ слѣдуетъ видѣть въ извѣстіи, сообщаемомъ о походѣ алановъ Діономъ Кассіемъ (род. въ 155 г. по Р. Х.). По словамъ этого писателя, Фарасманъ, царь Иберскій, подучилъ алановъ или массагетовъ напасть на владѣнія парянь и пропустилъ ихъ чрезъ свои земли. Набѣги этихъ варваровъ главнымъ образомъ были направлены на Мидію, и только боязнъ римскаго могущества, повидимому, спасла Арменію и Каппадокію отъ ихъ вторженія. Они возвратились въ свою землю, испугавшись угрозъ Флавія Адріана, правителя Каппадокіи, и удовольствовались дарами, которыми осыпалъ ихъ Вологезъ, царь Паряньскій ²⁾ (въ 136 г.).

Странно, что это извѣстіе о Фарасманѣ иберійскомъ не находитъ себѣ подтвержденія въ грузинскихъ анналахъ, между тѣмъ какъ въ достовѣрности его нѣтъ достаточно оснований сомнѣваться. Діонъ Кассій упоминаетъ даже о поѣздкѣ этого грузинскаго царя вмѣстѣ съ женою въ Римъ, гдѣ онъ такъ энергично защищалъ предъ императоромъ Адріаномъ и сенатомъ свои поступки, что былъ совершенно оправданъ и ему самому оказаны были въ Римѣ необычныя почести, именно: ему вмѣстѣ съ женою дозволено было принести жертву въ Капитоліи, и конная статуя его была поставлена въ храмъ Беллоны. Вторженіе алановъ относятся къ 136 или 138 году; но въ это время, согласно съ грузинской хронологіей, на престолѣ Грузіи сидѣлъ не Фарасманъ II († въ 129 г.), а жена его, какъ регентша при малолѣтнемъ внулкѣ его Фарасманѣ III, которому въ 136 или 138 году могло быть 5 или 7 лѣтъ, между тѣмъ какъ по Діону Кассію иберійскій царь

¹⁾ Vitae Imperatorum. VIII, 2.

²⁾ Dio Cass. LXIX, 15. ср. Zonaras p. 590 с.

прибыль съ женою въ Римъ. Очевидно, грузинская хронологія въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, спутана. Но помимо хронологической несообразности, въ грузинскихъ анналахъ, въ рассказѣ о царствованіи Фарасмана II, нѣтъ никакихъ намековъ на вышеизложенное событіе, а о царствованіи Фарасмана III нѣтъ вообще никакихъ свѣдѣній, кромѣ лаконическаго указанія, что онъ правилъ 33 года. Конечно, въ предѣлы нашей задачи не можетъ входить установленіе грузинской хронологіи: для насъ достаточно того факта, что въ I вѣкѣ по Р. Х. аланы дѣлали вторженія по наущенію Грузинъ въ Мидію и были настолько сильны, что парсианскіе цари были принуждены откупаться отъ нихъ дарами.

6) Къ IV в. относятся свѣдѣнія, сообщаемыя о кавказскихъ аланахъ Амміаномъ Марцеллиномъ по поводу нашествія Гунновъ. „Эта быстро движущаяся и необузданная человѣческая раса (т. е. Гунны), пылающая страстью грабить чужую собственность, разбивъ и уничтоживъ разные народы, пришла въ страну *алановъ*, прежде называвшихся массагетами... Земли савроматовъ простираются отъ р. Истра до Танаиса... За Танаисомъ тянутся безконечныя пустыни Скиѣи. Аланы (Halani), получившіе свое имя отъ горъ, частыми побѣдами мало-по-малу покорили подъ свою власть сосѣдніе народы и дали имъ свое имя... Аланы разбѣжены по обширнымъ частямъ свѣта,... живутъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга и кочуютъ на огромномъ пространствѣ; нѣкогда они приняли всѣ одно имя и называются теперь аланами, потому что у всѣхъ ихъ одинаковыя нравы, дикій образъ жизни и одинаковое вооруженіе. У нихъ нѣтъ (постоянныхъ) жилищъ, они не занимаются земледѣліемъ, питаются мясомъ и больше молокомъ, живутъ въ своихъ повозкахъ, которыя покрываютъ кусками древесной коры и таскаютъ по неизмѣримымъ степямъ. Когда они доходятъ до мѣстъ, поросшихъ травой, то располагаютъ свои повозки въ кругъ и питаются, какъ звѣри. Какъ только кормъ весь въ извѣстномъ мѣстѣ уничтожится, они отправляютъ дальше на повозкахъ, такъ сказать, свое государство. На этихъ повозкахъ мужины сходятся съ женщинами; тамъ рождаются и воспитываются дѣти; это — ихъ постоянныя жилища, и гдѣ-бы они ни кочевали, всегда они свою повозку считаютъ своею родиной.

Они гонятъ передъ собою стада крупнаго и мелкаго скота и такимъ образомъ пасутъ его; но преимущественно они заботятся о лошадяхъ... Мужчины всякаго возраста и женщины находятся при повозкахъ съ ранняго дѣтства. Молодые люди съ ранняго дѣтства привыкаютъ къ верховой ѣздѣ, а ходить пѣшкомъ считаютъ позоромъ. Вслѣдствіе разнообразныхъ упражненій они всѣ хорошіе воины. Аланы почти всѣ стройны и красивы; волосы ихъ темно-русые; они страшны своими грозными очами и очень подвижны, вслѣдствіе легкости своего вооруженія. Они во всемъ походятъ на гунновъ, но ихъ образъ жизни нѣсколько мягче. На охотѣ и за грабежомъ они доходятъ до Мэотійскаго болота и Киммерійскаго Востора, также до Арменіи и Мидіи... Счастливымъ считается у нихъ тотъ, кто выпускаетъ духъ въ сраженіи; надъ стариками или же умирающими отъ случайныхъ болѣзней они жестоко издѣваются, какъ надъ уродами и трусами. У нихъ больше всего хвастаются убійствомъ какого-нибудь челоуѣка, а вмѣсто того, чтобы у убитыхъ враговъ снимать только оружіе, они срываютъ съ нихъ и головы, едятъ съ этихъ головъ кожу и вѣшаютъ ее въ видѣ украшенія на груди своихъ боевыхъ коней. У нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни святищъ (также нигдѣ не замѣтно хижинъ покрытыхъ соломой); они возносятъ въ землю голый мечъ и поклоняются ему, какъ Марсу... Будущее они предсказываютъ какимъ-то страннымъ способомъ. Они срѣзываютъ съ кустовъ прямые прутья и кладутъ ихъ въ извѣстное время съ тайными магическими изреченіями на разныя мѣста и по нимъ узнаютъ о предстоящемъ. Что такое рабство, — имъ не извѣстно, такъ какъ они всѣ благороднаго происхожденія; судьями они выбираютъ тѣхъ, которые отличались долгое время на войнѣ.

Гуны прошли черезъ земли алановъ,... убили и ограбили многихъ, а съ остальными заключили союзъ и, при ихъ содѣйствіи, съ большою увѣренностью вторглись въ просторныя и плодородныя владѣнія Эрменрика ¹⁾...

Изъ этого разсказа Амміана Марцеллина объ аланахъ видно, что для него названіе алановъ — понятіе географическое и что оно объимаетъ цѣлую группу народовъ, живущихъ за Танаисомъ на границѣ Азіи и Европы въ кочевомъ быту.

¹⁾ Ammian. Marcell. XXXI, 2.

Для изображенія этого быта Амміанъ припомнилъ описаніе скифовъ у Геродота, а кстати привелъ безъ провѣрки имена народовъ, жившихъ въ тѣхъ же мѣстахъ по свидѣтельству отца исторіи. Такимъ образомъ у Амміана снова являются на сцену (§ 14) не только Геродотовы будины въ формѣ видины (Vidini) и гелоны, но и агаеирсы, меланхлены и антропоаги. Это смѣшеніе древняго съ новымъ лишаетъ въ значительной степени интереса и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ о нравахъ алановъ. Такъ, напримѣръ, читая, что аланы снимаютъ скальпы съ убитыхъ враговъ и украшаютъ ими грудь своихъ коней, мы не можемъ быть увѣрены, что эта черта взята изъ дѣйствительности, такъ какъ и Геродотъ сообщаетъ о подобномъ же обычаѣ скифовъ. То же сомнѣніе возникаетъ и по поводу гаданья у алановъ, такъ какъ подобное-же гаданье упоминается у скифовъ. Конечно, не было бы нисколько невѣроятно, еслибъ обычай, существовавшій за тысячелѣтіе до Амміана, и въ его время дѣйствительно сохранялся у народовъ, жившихъ въ томъ же быту и на той же территоріи, на которой кочевали скифы, и мы даже старались въ другой статьѣ ¹⁾ показать, что въ сказаніяхъ сѣверо-кавказскаго эпоса сохранились слѣды, напримѣръ, обычая скальпированія, а въ быту осетинъ — гаданіе палочками и культъ меча; но, повторяемъ, все же свѣдѣнія, сообщаемыя Амміаномъ Мерцеллиномъ о бытѣ алановъ, внушаютъ мало довѣрія, такъ какъ представляютъ продуктъ не личнаго наблюденія, а книжной начитанности. Лишь одно свѣдѣніе объ аланахъ не можетъ быть заподозрено въ плагиатъ и потому представляетъ несомнѣнный интересъ: это то, что Амміанъ сообщаетъ о внѣшнемъ видѣ алановъ. Здѣсь уже нѣтъ ни одной черты, напоминающей наружность Скифовъ въ изображеніи, напримѣръ, Гиппократъ ²⁾. Аланы, говоритъ Амміанъ Мерцеллинъ, почти всѣ стройны и красивы; волосы ихъ темно-русые... Эти черты — стройность стана и красота — отличительные признаки кавказскаго племени, а темно-русые волосы между кавказскими народами встрѣчаются, повидимому, всего

¹⁾ „Черты старинны въ сказаніяхъ и бытѣ Осетинъ“, см. Жур. Мин. Народ. Просв. 1882. Августъ.

²⁾ Мы, конечно, не имѣемъ здѣсь въ виду изображеній скифовъ на предметахъ искусства, напримѣръ, на вѣсахъ, находимыхъ близъ Керчи.

чаще у осетинъ. Другое извѣстіе Амміана, подтверждаемое другими источниками, то, что Аланы на охотѣ или за грабежомъ доходятъ съ одной стороны до Мэотійскаго болота и Киммерійскаго Боспора, съ другой до Арменіи и Мидіи. Мы видѣли, что грузинская лѣтопись нерѣдко говоритъ о вторженіи осетинъ съ леками (лезгинами) и *народами сѣвера* въ Закавказье, Арменію и Азербейджанъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти сѣверокавказскіе народы, которые грузинская лѣтопись называетъ иногда по именамъ, извѣстны были римлянамъ подъ общимъ именемъ алановъ; но изъ числа этихъ народовъ западнымъ лѣтописцамъ, конечно, были ближе извѣстны именно тѣ, которые чаще являлись у Мэотійскаго болота и Боспора, т. е. предки осетинъ и черкесовъ (адиге). Поэтому не мудрено, что признакъ осетинъ—темно-русые волосы—былъ приписанъ Амміаномъ Марцеллиномъ всѣмъ аланамъ, хотя тотъ-же писатель ясно указываетъ на то, что названіе аланы—понятіе не этнографическое, а географическое. Аланы, по его словамъ, кочуютъ на огромномъ пространствѣ; нѣкогда они приняли всѣ одно имя, потому что у всѣхъ ихъ одинаковыя нравы, дикій образъ жизни и одинаковое вооруженіе.

7. О кавказскихъ аланахъ мы имѣемъ дагѣ нѣкоторые свѣдѣнія отъ VI столѣтія, отъ царствованія императора Юстиніана. Въ его время византійскому владычеству въ юго-западной части Закавказья, въ долинѣ Ріона, угрожала опасность со стороны персовъ, которые владѣли уже всей восточной стороной Закавказья и Дагестаномъ. Персы постоянно побуждали къ набѣгамъ на римскія владѣнія разныя кавказскія племена, особенно алановъ и абхазцевъ. Лазія отпала отъ византійцевъ и имъ для упроченія своего вліянія пришлось построить въ ней приморскую крѣпость Петру.

Въ 549 году, чтобъ отразить персовъ, Юстиніанъ отправилъ въ Закавказье войска подъ начальствомъ Дагистея. Тогда царь лазовъ, Губазесъ, снова перешелъ отъ персовъ на сторону римлянъ и, узнавъ о приближеніи персидскихъ войскъ, по свидѣтельству Прокопія, двинулся со всѣми силами коиховъ къ крайней восточной границѣ Лазіи, чтобъ оберегать горныя проходы, въ свою страну. Предварительно онъ призвалъ на помощь алановъ и сабировъ. Эти племена, договорившись съ собою въ награду 300 фунтовъ золота, обѣщали

не только сохранить амьстѣ съ лазами Колхиду отъ непріятеля (персовъ), но и опустошить всю Иберію, чтобы лишить персовъ возможности и на будущее время вторгаться съ этой стороны ¹⁾).

Не останавливаясь на описаніи перипетій войны Юстиніана съ персами, отмѣтимъ только, что аланы, дѣйствуя въ 549 году въ союзѣ съ Губазесомъ и римлянами, въ слѣдующемъ году являются въ большомъ количествѣ въ войскѣ персовъ, вторгнувшись въ Колхиду подѣ начальствомъ полководца Хоріана ²⁾. По окончаніи войны Юстиніана съ персами, въ мирный договоръ было включено условіе, чтобы персы не пропускали ни гуиновъ, ни алановъ, ни другихъ варваровъ, въ римскія владѣнія чрезъ проходъ Хрудонъ (Χροῦτζον) и Каспійскія врата; въ свою очередь римляне обязывались не посылать своихъ войскъ въ тѣ мѣста противъ персовъ ³⁾.

Изъ этого указанія видно, что аланы занимали въ это время сѣверный Кавказъ, а горные проходы, соединяющіе его съ Закавказьемъ и Каспійскія врата — были въ рукахъ персовъ, такъ же какъ восточная часть Закавказья. Это подтверждается и приведенными нами (въ главѣ I) грузинскими свидѣтельствами.

Не задолго до года заключенія мирнаго договора между персами и римлянами, въ царствованіе въ Иберіи Фарасмана V (528—542 г.) оссы дѣлають набѣгъ на Грузію и царь-грузинскій подчиняется персамъ. Располагаясь въ этой странѣ, какъ въ вассальной, персы должны были, конечно, оберегать и всѣ горные проходы, дававшіе въ нее доступъ со стороны сѣвера.

8. При преемникѣ Юстиніана Юстинѣ II продолжалась война римлянъ съ персами на Кавказѣ. Кавказскія племена принимали въ ней дѣятельное участіе, одни — въ качествѣ

¹⁾ Procopii — de Belle Persico. II. 29. Ἐτόχῃα δὲ οὐ πολλὰ κρείτερον Ἀλάνοις τε καὶ Σαβείροις ἐς συμμαχίαν ἐπαγόμενος, οἵκπερ ὠμολόγησαν κατηγεγνῆσθαι τριῶν οὐχ ὀσόν ἀδρότων Λαζοῖς συμφορᾶσαι τὴν γῆν, ἀλλὰ καὶ Ἰβηρίαν οὕτω καταστήσεσθαι ἀνδρῶν ἱσημον ὥς μηδὲ Πέρσαις ἐνθάδε τὸ λοιπὸν ἵνακ δυνατόν εἶναι.

²⁾ Procop. Bell. Goth. IV, 1.

³⁾ Menander p. 140. v. Stritter — Menor. Popul. IV p. 340, § 20 (16).

союзниковъ римлянъ, другія — персовъ. На сторонѣ первыхъ упоминаются колхи, абасги и Саросъ царь алановъ ¹⁾. Отъ того же времени сохранилось любопытное извѣстіе о посольствѣ, отправленномъ Юстиномъ въ 569 г. къ *госемичимъ* туркамъ. На возвратномъ пути изъ ихъ страны византійскіе послы рѣшились пройти чрезъ страну алановъ, чтобы соединиться съ своими войсками, стоявшими, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ римскихъ областяхъ на Кавказѣ, т. е. въ долинѣ Ріона. Послы шли съ великимъ страхомъ, говорится у Меландра, ибо боялись народа горомосховъ. Когда они явились вмѣстѣ съ турками, ихъ сопровождавшими, къ предводителю алановъ Сародію (повидимому, тому же лицу, которое названо выше Саросомъ, а въ другомъ мѣстѣ Саросіемъ и Сарогосіемъ), то послѣдній принялъ римлянъ милостиво, а пословъ отъ турокъ допустилъ къ себѣ лишь подъ условіемъ, чтобы они сложили оружіе. Пренирательства по этому поводу продолжались три дня. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сародій отсоединялъ Земарку идти чрезъ область Менидиміановъ, такъ какъ около Суаніи (Сванетіи) сидѣли персы въ засадѣ, а пословъ отъ турокъ возвращаться къ себѣ (т. е. къ римскимъ войскамъ) чрезъ Даріку (*Δαρικὴ ἀστροπὸς*) ²⁾.

Трудно сказать, кто были эти менидиміаны, жившіе гдѣ-то около Сванетіи, т. е. на юго-западѣ отъ нынѣшнихъ осетинъ, дигорцевъ. Повидимому, они тотъ же народъ, который въ другихъ византійскихъ извѣстіяхъ называется Мисиміанами, что, впрочемъ, нисколько не усиливаетъ дѣла. Но для насъ любопытно вышеприведенное извѣстіе потому, что оно отчасти указываетъ мѣстность занимаемую аланами: они сидятъ на югъ отъ турокъ и на сѣверѣ кавказскаго хребта. Проходъ *Δαρικὴ*, упоминаемый Меландромъ, какъ доказываетъ Дюбуа де-Монсеръ, не Даріаль, а болѣе западный проходъ, образуемый ущельемъ Маруха и долиной Цебельдинской, орошаемой Кодоромъ и его притоками ³⁾.

9. Отъ царствованія Тиверія II Константина (578—582) сохранилось важное извѣстіе о покореніи алановъ (вѣрнѣе части ихъ) турками. Когда императоръ отправилъ пословъ къ Турк-

¹⁾ Stricker — M. Rep. IV p. 341, § 22 (20). Нам Оссефана.

²⁾ Stricker — Mem. Rep. IV p. 341, § 21 (19).

³⁾ Voyage etc. IV 293, см. ib. I 326, II 127.

самту, то послѣдній величался передъ ними тѣмъ, что ему подчиняется земля отъ крайняго востока до крайнихъ предѣловъ запада. „Посмотрите, несчастные, (таковы были его слова) на народъ аланскій и даже на самое племя унигуровъ (одна орда гуиновъ). Хотя они одарены отличной храбростью, отвагой и силой, однако, вступивъ въ бой съ непобѣдимымъ народомъ туровъ, не получили ничего, на что надѣялись, и теперь повинуются намъ и считаются въ числѣ нашихъ рабовъ ¹⁾“.

10. Отъ начала VIII вѣка, когда на Кавказъ оказываютъ сильное вліяніе арабы, которымъ подчинилась Грузія, Абасгія, Лазія, когда византійскому вліянію угрожаетъ серьезная опасность, дошло до насъ извѣстіе о посѣщеніи Аланіи византійскимъ чиновникомъ. Въ 703 г. императоръ Юстиніанъ II Ринотметъ посылаетъ въ Аланію спатарія Льва (впослѣдствіи ставшаго императоромъ, подъ именемъ Льва Исаврійскаго), съ цѣлью подкупить алановъ ко вторженію въ Абасгію, Лазію и Иберію, которыя находились подъ властью сарациновъ. Въ это рискованное предпріятіе императоръ отправилъ Льва съ цѣлью отъ него избавиться, такъ какъ подозревалъ его въ честолюбивыхъ замыслахъ. Спатарій, прибывъ въ Лазію, спряталъ деньги въ Фазисѣ (Ріонѣ) для большей безопасности и, сопровождаемый нѣсколькими туземцами, отправился въ Апсидію, откуда, перейдя Кавказскій хребетъ, прибылъ въ Аланію. Тогда императоръ, чтобы погубить Льва, послалъ людей взять деньги, спрятанныя въ Фазисѣ. Аланы, встрѣтивъ спатарія съ почетомъ, повиновались его словамъ, вторгнувшись въ Абасгію опустошили эту

¹⁾ Stritter, O. c. p. 342, § 24 (22) [по Мемандру]. Въ законѣ отношеніи находимась упомянутое въ этомъ извѣстіи турки въ хазарамъ, — это вопросъ еще далеко не разъясненный. Въ турецкомъ переводѣ такъ называемаго сокращеннаго Табари, приведенномъ Казембекомъ (см. Derbeid nameh p. 163), говорится, что племя хазаръ и алановъ сосѣдитъ съ турками (the tribes called Khazers and Alans are contiguous with the Turks), такъ что здѣсь турки различаются отъ хазаръ. О тюркской династии у хазаръ см. Дорнъ—Каспій стр. 386; Vambéry — Ursprung der Magyaren, p. 76 слѣд.; о зависимости хазаръ въ VII в. отъ великаго Хана Сяо-вэя, см. Никанова — „Вавскія надписи“ etc. въ Ж. М. Н. Пр. Ч. CCXXX, отд. 2, стр. 263 слѣд. и Derbeid nameh, переводъ Казембека, стр. 40, 46, 63, 176.

область. Тогда властитель абасговъ велѣлъ сказать аланамъ: „императоръ, по моему мнѣнію, не могъ отправить болѣе искуснаго во лжи человека, чѣмъ спатарій, чтобы возбудить раздоръ между близкими сосѣдями. Спатарій обманулъ и насъ, обѣщавъ намъ денегъ, а затѣмъ Юстиніанъ послалъ за ними и взялъ ихъ обратно. Выдайте намъ спатарія, за три тысячи монетъ, и прежній миръ между нами не будетъ нарушаться“. Аланы отвѣчали на это: „мы не отказались повиноваться спатарію не ради денегъ, а изъ уваженія къ императору“. Абасги снова послали имъ сказать: „выдайте намъ спатарія и мы заплатимъ шесть тысячъ монетъ“. Тогда аланы, съ цѣлью развѣдать область абасговъ, обѣщались за 6 тысячъ монетъ передать спатарія въ ихъ руки. Свой планъ они сообщили спатарію въ слѣдующихъ словахъ: „путь въ область римлянъ, какъ самъ видишь, запертъ для тебя со всѣхъ сторонъ; отсюда тебѣ не легко выйти; поэтому нужно прибѣгнуть къ хитрости относительно непріятеля: мы сдѣлаемъ видъ, что готовы тебя выдать имъ, пошлемъ тебя къ нимъ съ нѣсколькими изъ нашихъ людей, изслѣдуемъ ихъ ущелья и потомъ, сдѣлавъ на нихъ нападеніе, пройдемъ ихъ страну и опустошимъ ее; такимъ образомъ мы достигнемъ своей цѣли“. Затѣмъ повѣренные отъ алановъ отправились въ Абасгію, дали обѣщаніе выдать спатарія и получили богатые дары. Вмѣстѣ съ ними пришли къ аланамъ повѣренные отъ абасговъ, чтобы уплатить деньги и получить спатарія. Тогда аланы сказали Льву: „эти люди пришли за тобою, такъ какъ ты имъ выдашь, и вся Абасгія ждетъ тебя связаннаго“.

Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ, что хитрость алановъ заключалась въ слѣдующемъ: когда повѣренные абасговъ со своимъ спатаріемъ возвращались домой, на нихъ напала горсть алановъ подъ предводительствомъ Итаза, перебила сопровождавшихъ спатарія абасговъ, освободила его самого и скрыла его на время въ потаенномъ мѣстѣ. Вслѣдъ затѣмъ аланы вторгнулись черезъ ущелье въ Абасгію, опустошили ее и взяли множество плѣнныхъ. Однако все же спатарію нельзя было пробраться домой. Тогда императоръ велѣлъ сказать абасгамъ, что проститъ имъ всѣ ихъ вины противъ римлянъ, если они дадутъ свободный проздъ спатарію черезъ свою страну. Абасги снова обратились къ аланамъ и просили ихъ передать имъ спатарія, ручаясь заложниками

въ томъ, что доставить его въ сохранности римлянамъ. Но спатарій, не довѣряя обѣщаніямъ абасговъ, не рѣшился на это и предпочелъ на время остаться у алановъ ¹⁾. Лишь черезъ нѣсколько лѣтъ Льву удалось выбраться, при содѣйствіи алановъ и съ разными приключеніями, изъ Аланіи и достигнуть моря въ области апсимвовъ ²⁾.

Изъ этого любопытнаго разсказа Теофана о пребываніи будущаго императора Льва въ Аланіи, видно, въ какихъ отношеніяхъ находились аланы къ византійцамъ. Ведя войну съ арабами, византійцы, слѣдуя обычной своей политикѣ, подкупали горскія племена, жадныя до денегъ, для набѣговъ на непокорныя или отпавшія отъ Византіи области. Военственное племя алановъ, гнѣздившееся въ неприступныхъ горныхъ тущобахъ, было удобнымъ оружіемъ въ рукахъ Византіи.

Не мудрено, поэтому, что византійскій дворъ не скупился на деньги, чтобъ подкупить алановъ для набѣговъ на ихъ ближайшихъ сосѣдей по ту сторону хребта—абасговъ (абхазцевъ) и лавовъ. Граница, по этому свидѣтельству, съ абасгами, аланы должны были занимать область верхняго теченія Кубани и ея притокомъ, т. е. сидѣть далѣе на западъ, чѣмъ въ настоящее время сидятъ ихъ потомки осетины. Мы уже знаемъ изъ другихъ указаній, что осетины оттѣснены были въ долины притоковъ Терена лишь въ послѣдствіи, когда тюрко-татарскіе и черкесскіе (Кабарда) племена заняли ихъ старинныя мѣста на западѣ въ горахъ и равнинахъ.

Упомянемъ, что свидѣтелями сношеній осетинъ съ Византіей можно считать многочисленныя монеты византійскаго періода, до сихъ поръ находимыя въ осетинскихъ могилахъ ³⁾.

Упомянутіи объ аланахъ въ дальнѣйшіе вѣка въ византійскихъ источникахъ не прибавляютъ ничего къ нашимъ свѣдѣніямъ объ этомъ народѣ. Отъ VIII до XI вѣка совсѣмъ не дошло извѣстій. Въ XI вѣкѣ упоминается о бракахъ византійскихъ императоровъ съ аланками ⁴⁾ и объ отрядахъ

¹⁾ Stritter — О. с. IV pp. 346—349, по Теофану.

²⁾ Ib. p. 350 и слѣд.

³⁾ См. Протоколы Комитета для устройства V Археол. съѣзда въ Тифлисѣ, стр. 267. Описание собранія г. Ольгинскаго.

⁴⁾ Stritter IV p. 351 и 352.

алановъ на службѣ у византийцевъ ¹⁾. Отъ начала XIV вѣка сохранилось извѣстiе, довольно пространное, у Пахимера, о судьбѣ отряда въ 16,000 алановъ, состоявшаго на византийской службѣ ²⁾ при императорѣ Андроникѣ Старшемъ и Михаилѣ. Но эти свидѣтельства представляютъ лишь незначительный интересъ и притомъ Пахимеръ, быть можетъ, употребляетъ названiе алановъ не въ этнографическомъ, а въ географическомъ смыслѣ ³⁾.

Вышеприведенныя византийскія извѣстiя объ аланахъ свидѣтельствуютъ большей частью о томъ, что нѣкоторая часть этого народа принимала участiе въ событiяхъ, совершавшихся въ Закавказьѣ, доставляя дружины на помощь византийцамъ въ ихъ войнахъ съ персами и арабами. О судьбѣ главной части алановъ, жившихъ по сѣ сторону кавказскаго хребта, мы не находимъ точныхъ свѣдѣнiй и должны довольствоваться лишь неопредѣленными намеками. Въ настоящее время, какъ мы выше видѣли, горныя долины на западъ отъ дигорцевъ по рѣкамъ Черему, Чегему, Баксану и далѣе по верхнему теченiю Кубани, мѣста раньше занятыя предками нынѣшнихъ осетинъ, заселены обществами тюркскаго происхожденiя — балларцами, куламцами, чегемцами, урусбиевцами и карачаевцами. Является вопросъ, съ какихъ поръ предки осетинъ приходятъ въ столкновенiе съ народами тюркскаго племени и какъ происходило вытѣсненiе осетинъ изъ древнихъ мѣстъ ихъ поселенiя. Если на пѣдлѣднiй вопросъ и нельзя дать вполне точнаго отвѣта, то все же изъ историческихъ источниковъ можно собрать нѣкоторые указанiя на отношенiе алановъ къ тюркскимъ племенамъ.

Самое раннее свидѣтельство объ этомъ относится къ послѣдней четверти IV вѣка и содержится въ извѣстiи Аммиана Марцелина, что гунны, вторгнувшись въ земли алановъ, многихъ убили и ограбили, а съ остальными заключили со-

¹⁾ Stritter ib. 353.

²⁾ См. Stritter ib. pp. 360—376.

³⁾ Нѣкоторыя соображенiя объ этихъ аланахъ см. въ статьѣ покойнаго проф. Бруна („Нѣкоторыя историческiя соображенiя по поводу названiя Добруджи“) вошедшей въ Сборникъ Терматоръ II стр. 354—356.

юзе¹⁾. Аланы должны были участвовать въ походахъ гунновъ, напимѣръ, въ ихъ войнѣ съ готами, но отсюда еще нельзя выводить, что вліяніе этихъ тюркскихъ кочевниковъ на алановъ было прочно и продолжительно. Давленіе гунновъ испыталъ на себѣ не весь аланскій народъ, а только нѣкоторая часть его, занимавшая болѣе западныя мѣста на сѣверокавказской равнинѣ.

Послѣ гунскаго погрома, въ V и VI столѣтіяхъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ алановъ (т. е. осетинъ и касоговъ) являются уже тюркскія племена подъ разными названіями. Имя гунновъ смѣняется пменемъ утургуровъ, вѣтви этого же народа, а затѣмъ именемъ болгаръ. По свидѣтельству писателя VI в. Прокопія, гунская орда распалась на двѣ вѣтви — утургуровъ и кутургуровъ, причемъ первые занимали мѣста за Танаисомъ между Понтомъ и Маотидой, а послѣдніе двинулись далѣе на западъ и дѣлали изъ-за Дуная набѣги на римскія провинціи. Далѣе мы узнаемъ, что императоръ Юстиніанъ укрѣпилъ городъ Боспоръ, разоренный варварами (гуннами) и находившійся нѣкоторое время въ ихъ рукахъ, но возвращенный императоромъ подъ власть Византіи; другіе же два города, Кипы и Фанагурію (на Таманскомъ полуостровѣ), съ давняго времени принадлежавшіе римлянамъ, сосѣдніе варвары *недавно* взяли и совершенно разорили. Такимъ образомъ предѣлами тюрковъ-утургуровъ (болгаръ), было на югѣ устье Кубани, и они должны были приходить въ столкновеніе съ аланами²⁾. Современникъ Прокопія, Іорданъ, приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ „надъ понтомъ“ за алацирами (хазарами), помѣщаетъ жилища болгаръ, *жъ не-счастію сдѣлавшихся слишкомъ извѣстными, за наши грѣхи*³⁾. И тамъ же указываетъ болгаръ Θεοφανъ, когда говоритъ, что между Маотійскимъ озеромъ и рѣкою Куанъ (Кубанью) лежитъ Древняя или Великая Болгарія, которая называется иначе странюю котраговъ, соплеменниковъ болгаръ⁴⁾.

¹⁾ См. выше стр. 51.

²⁾ См. Bellum goth. IV. De Aedificiis. III. IV.

³⁾ Глава V.

⁴⁾ Theoph. Chronographia — Ed. Bonn. 545—550. О кубанскихъ болгаряхъ см. Приложение I, экскурсъ о болгаряхъ и аланахъ въ новомъ спискѣ армянской географіи, приписываемой Моисею Хоренскому.

Изъ приведеннаго выше (стр. 56) извѣстія Менадра о посольствѣ византійскаго императора Тиверія къ восточнымъ туркамъ (въ 579), мы узнаемъ изъ словъ Турксанта, что сосѣднее съ аланами тюркское племя, очевидно то же, что жило въ Великой Болгаріи, раздѣлило съ аланами одну участь: унгуры и аланы вступили въ борьбу „съ непобѣдимымъ турецкимъ народомъ“ и, потерпѣвъ пораженіе, по словамъ Турксанта, стали его рабами. Тѣ и другіе должны были участвовать въ походахъ турокъ, когда послѣдніе предприняли завоеваніе греческихъ городовъ на Киммерійскомъ Боспорѣ. „На берегахъ пролива уже стоялъ лагеремъ подручный туркамъ князь утургурскій Анагай съ войскомъ собственнымъ и турецкимъ; кромѣ того Турксантъ, въ бытность у него византійскаго посла Валентина, послалъ съ новыми силами своего военачальника Бохана для скорѣйшаго завоеванія города Веспора“¹⁾. Сравнивая это свидѣтельство со свидѣтельствомъ о посольствѣ Земарха, мы видимъ, что послѣдній еще засталъ алановъ независимымъ народомъ. Аланскій князь Сародій допустилъ къ себѣ турецкихъ пословъ не иначе, какъ безоружными. Теперь же (въ 579 г.), спустя десятилѣтіе, аланы, или точнѣе нѣкоторая часть ихъ, вошли въ зависимость отъ Турксанта, властителя той части обширной турецкой орды, которая заняла Астраханскія степи и нижнюю Волгу. Эта волжско-каспійская турецкая орда (какъ впоследствии орда Батыева или Золотая), по всѣмъ признакамъ, отдѣлилась отъ своихъ туркестанскихъ родичей и въ VII вѣкѣ составила особое государство, сдѣлавшееся извѣстнымъ преимущественно подъ именемъ хазарскаго²⁾. Зависимость западной части алановъ отъ турокъ-хазаръ не препятствовала горнымъ колѣнамъ, не испытывавшимъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, этой зависимости, предпринимать набѣги на Закавказье, какъ мы видимъ изъ свидѣтельства о посольствѣ спатарія Льва въ Аданію при Юстиніанѣ II Ринотметѣ въ 703 г.³⁾. Впрочемъ, и плоскостные аланы, повидимому, въ концѣ IX в., когда хазарское могущество начи-

¹⁾ См. Д. И. Иловайскаго: Болгаре и Русь на Азовскомъ морѣ, въ Ж. М. Н. Пр. Часть CLXXVII, отд. 2, стр. 121.

²⁾ Иловайскій — Ibid. стр. 125.

³⁾ См. выше стр. 56.

наетъ клониться къ упадку, когда хазарь начинаютъ сильно тѣснить со всѣхъ сторонъ враждебные народы: съ юга — арабы, съ сѣвера — печенѣги, съ запада — руссы, возвращаютъ себѣ независимость. Такъ, уже въ первой половинѣ X вѣка, судя по извѣстію Константина Багрянороднаго, аланы не только являются независимыми отъ хазарь, но своими нападеніями препятствуютъ ихъ сношеніямъ съ черноморскими областями и таврическимъ полуостровомъ. А именно, въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей“ Константинъ говоритъ ¹⁾: Узы могутъ воевать хазарь, какъ ихъ сосѣди (на сѣверѣ). Такъ и князь Аланіи, къ которой принадлежатъ девять хазарскихъ *климатовъ*; аланинъ, если захочетъ, можетъ грабить эти послѣдніе, тѣмъ причинять хазарамъ великій вредъ и производить у нихъ нужду, потому что изъ этихъ девяти *климатовъ* хазары получаютъ и сѣстные припасы, и всѣ прочія жизненныя потребности“. Дополненіемъ къ этому служитъ то, что далѣе сообщается объ отношеніи къ хазарамъ аланскаго влестителя (*ἐξουσιохρᾶτωρ*) ²⁾. „Когда владетель Аланіи съ хазарами не въ мирѣ, а предпочитаетъ дружбу императора ромеевъ (грековъ), то хазарамъ, — если они не захотятъ также пребывать съ императоромъ въ дружбѣ и мирѣ, — онъ можетъ надѣлать весьма много зла, залегая имъ пути и нападая на нихъ внезапно, при проѣздѣ ихъ въ Саркелъ, или въ климаты (*τὰ κλίματα*), или въ Херсонъ. И если только этотъ князь озаботится преградить имъ путь, то глубокой, по истинѣ, миръ водворится въ Херсонѣ и въ климатахъ; ибо хазары, страшась нападенія алановъ, и не имѣя возможности ни вторгаться съ войскомъ въ Херсонъ и въ климаты, ни воевать одновременно съ тѣми и другими (съ аланами и херсонцами), должны будутъ по неволѣ пребывать въ мирѣ“.

Изъ этого свидѣтельства Константина Багрянороднаго видно, что аланы занимали такое положеніе на сѣверо-кавказской равнинѣ, которое давало имъ возможность перерѣзать путь хазарамъ и въ Саркелъ на Дону, и въ климаты (поселенія между Херсономъ и Боспоромъ въ Крыму) и въ Хер-

¹⁾ См. гл. X.

²⁾ См. главу XI. О городѣ Херсонѣ и городѣ Боспорѣ.

союз. Ближайшими ихъ соседями должны были быть черные болгаре, которые, какъ можно вывести изъ показаній Θεοφана и Никифора ¹⁾, жили вдоль восточныхъ береговъ Азовскаго моря отъ устьевъ Дона до рѣки Кубани. Объ этой Черной Болгаріи дошли до насъ извѣстія отъ Константина Багрянороднаго и нашей лѣтописи. Тамъ Константинъ Багрянородный говоритъ, что къ сѣверу отъ Азовскаго моря находится рѣка Днѣпръ, изъ которой русы отправляются въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію ²⁾. Въ настоящее время это мѣсто, представлявшее затрудненіе, толкуется нашими историками въ томъ смыслѣ, что подъ Черной Болгаріей слѣдуетъ разумѣть Азовско-кубанскую Болгарію, а не Дунайскую, какъ полагалъ Карамзинъ ³⁾. О тѣхъ же Черныхъ болгаряхъ говорится въ договорѣ Игоря съ греками: „А о сихъ оже то приходить Чернии болгаре (и) воюють въ странѣ корсуньстѣй, и велимъ князю Рускому, да ихъ не пуцаеть“ ⁴⁾.

Названіе *Черные болгаре*, въ Игоревомъ договорѣ, какъ предполагаетъ г. Иловайскій, объясняется, какъ буквальный переводъ съ греческаго, а такимъ переводомъ былъ и весь договоръ. Въ византійскихъ источникахъ то же названіе встрѣчается только въ ту же самую эпоху, ни прежде, ни послѣ. А именно, Черные болгаре упоминаются только у Константина Багрянороднаго въ выше приведенномъ мѣстѣ, а также въ другомъ, которое содержитъ краткое извѣстіе: „Болгарія, которая называется Черною, можетъ воевать хазарь“ ⁵⁾.

Изъ послѣдняго мѣста можно вывести, что въ это время, Черные болгаре, какъ и ихъ сосѣди алавы, уже были независимы отъ хазаръ, а скорѣе находились, судя по Игореву договору, въ нѣкоторой зависимости отъ русскаго князя. По мнѣнію Д. И. Иловайскаго, „цѣлый рядъ войнъ Руси съ хазарами, о которомъ воспоминаетъ и наша лѣтопись, очевидно, произошедъ не изъ-за радимичей и вятичей, а именно изъ-за

¹⁾ Memor. populor. II. p. 502—504.

²⁾ De Adm. Imp. ed. Bonn. p. 180.

³⁾ См. статью г. Ламбина—О Тмутраканской Руси, въ Ж. М. Н. Пр. 1877 январь, стр. 62 и г. Иловайскаго — Болгаре и Русь на Азовскомъ поморѣ стр. 380.

⁴⁾ Лѣтоп. по Лаврент. списку, изд. 1872, стр. 50.

⁵⁾ Болгаре и Русь и т. д. стр. 338.

боспорскихъ или *Черныхъ* болгаръ. Окончательное освобождение послѣднихъ отъ хазаръ и подчиненіе ихъ Руси совершилось, по всѣмъ признакамъ, въ періодъ времени между 911 и 945 годами, то-есть, въ періодъ между договорами Олега и Игоря. Въ первомъ, то-есть, въ Олеговомъ договорѣ, еще нѣтъ никакихъ статей относительно *Черныхъ* болгаръ и корсунской земли; а въ договорѣ Игоря поставлено условіе, чтобы русскій князь не пускалъ *Черныхъ* болгаръ воевать страну корсунскую. Очевидно, въ эпоху послѣдняго договора *Черные* болгаре находились уже въ вассальной зависимости не къ хазарамъ, а къ князю кievскому. Къ этимъ боспорскимъ болгарамъ, какъ извѣстно, спасся Игорь съ остаткомъ своего флота въ 941 году; да и самый походъ, по всей вѣроятности, былъ предпринятъ отсюда же, изъ Киммерійскаго Боспора¹⁾. Приводя это мнѣніе почтеннаго историка, мы должны однако замѣтить, что ни изъ словъ Игорева договора о Черныхъ Болгарахъ, ни изъ извѣстій Константина Богороднаго нельзя собственно сдѣлать вывода о политической зависимости Черныхъ болгаръ отъ русскаго князя²⁾. Можно только заключать, что русскій князь имѣлъ возможность препятствовать имъ дѣлать нападенія на корсунскую область, а чтобы имѣть *всегда* эту возможность Русь должна была уже имѣть владѣнія въ сосѣдствѣ херсонцевъ на берегахъ Боспора Киммерійскаго. Такимъ владѣніемъ, вѣроятно, было Тмутараканское княжество, основанное Русью послѣ изгнанія изъ городовъ Боспора (Керчи) и Фанагоріи хазарскихъ гарнизоновъ. Г. Ламбинъ старается доказать, что основаніе этого русскаго владѣнія на Боспорѣ относится къ княженію Олега, и именно къ тому двадцатилѣтію его княженія (884—906 г.), въ продолженіе котораго о дѣлахъ его наша лѣтопись хранить глубокое молчаніе, потому, конечно, что о нихъ не сохранилось никакихъ извѣстій, а не потому, что никакихъ дѣлъ не было³⁾. Г. Иловайскій, ссылаясь, на от-

¹⁾ Болгаре и Русь etc. стр. 337.

²⁾ На враждебность (черныхъ) болгаръ Руси и на ихъ сочувствіе грекамъ указываетъ, повидимому, тотъ фактъ, что при началѣ обоихъ походовъ Игоря (въ 941 и 944 г.) на грековъ, болгаре (конечно черные) посылають объ этомъ вѣсть въ Царьградъ.

³⁾ О. с. стр. 77.

существование упоминания о Черных болгарях в Олеговомъ договорѣ, который, судя по лѣтописи, заключенъ въ послѣдній годъ княженія этого князя, полагаетъ, что утверждение русскаго владычества въ Тавридѣ и Таманскомъ полуостровѣ совершилось въ правленіе Игоря между 911 и 945 годомъ¹⁾. Не будучи специалистами въ русской исторіи, мы не можемъ имѣть своего мнѣнія въ этомъ специальномъ вопросѣ и если мы вообще коснулись вопроса о Тмутараканскомъ княжествѣ и Черныхъ болгаряхъ, то только потому, что послѣдніе являются сосѣдями занимающихъ насъ алановъ. Основано-ли Тмутараканское княжество Олегомъ или Игоремъ, во всякомъ случаѣ уже въ началѣ X вѣка русскія дружины появились на Таманскомъ полуостровѣ и на Мѣотидѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ алановъ, и борьба русскихъ князей съ кавказскими, прежними властителями части алановъ, не осталась для послѣднихъ безъ послѣдствій. Вѣроятно, аланамъ приходилось на сѣверномъ Кавказѣ играть ту же роль, въ которой они, какъ мы видѣли, часто выступали въ Закавказьѣ. Не представляя сильнаго, сплоченнаго государства, но распавшись на отдѣльные роды, они однако для внѣшнихъ враговъ были трудно уязвимы, такъ какъ частью были защищены трудно доступными кавказскими горами, въ которыхъ могли укрыться на случай нападеній. Пользуясь этими условіями мѣстности, они, какъ и кубанскіе сосѣди ихъ касоги (адиге), могли съ безнаказанностью дѣлать набѣги на сѣверо-кавказскую равнину съ цѣлью грабежа и скрывать награбленное въ своихъ горныхъ аулахъ. Среди ихъ всегда можно было соотнѣсти воюющимъ между собою народамъ набирать за плату дружины, такъ что аланамъ постоянно приходилось участвовать въ сосѣднихъ войнахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что уже раньше перваго упоминанія ясовъ въ нашихъ лѣтописяхъ, они были не безъизвѣстны русскимъ, и, вѣроятно, послѣдніе встрѣчали ихъ въ войскахъ хазарскихъ или какъ союзниковъ Черныхъ болгаръ, съ которыми русскіе должны были столкнуться при утвержденіи своего могущества на берегахъ Босфора. При отсутствіи пониманія общности интересовъ, которое вообще характеризуетъ народы, живущіе въ родовомъ быту, можно предположить также, что въ то время, какъ нѣкоторые роды

¹⁾ Болгаре и Русь стр. 372.

алановъ нанимались на службу хазарамъ, другіе роды того же народа могли дѣйствовать противъ нихъ въ союзъ съ Русью.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній переходимъ къ обзору тѣхъ немногочисленныхъ мѣстъ русскихъ лѣтописей, въ которыхъ встрѣчается упоминаніе объ ясахъ.

Въ первый разъ имя народа ясовъ занесено въ лѣтопись подъ 965 годомъ по случаю войны кн. Святослава съ хазарами. „Въ лѣто 6473 иде Святославъ на хозары; слышавше же хозари, изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ, и съступашася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ хозаромъ и градъ ихъ Вѣлу Вежю взя. И ясы побѣди и касоги“.

Отопличеніе русского войска съ ясами и касогами (черкесами) упоминается въ этомъ краткомъ извѣстіи непосредственно вслѣдъ за взятіемъ хазарскаго города Саркела, находившагося несомнѣнно на нижнемъ теченіи Дона, хотя точное положеніе Вѣлой Вѣжи еще не удалось опредѣлить. Очевидно, что ясы, разбитые Святославомъ, встрѣтились съ нимъ на плоскости, гдѣ нибудь за Дономъ, далеко отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ сидятъ современные потомки ясовъ. Конечно, нельзя предположить, что Святославъ предпринялъ походъ въ горныя ущелья сѣвернаго Кавказа. Сосѣдами же ясовъ, вѣроятно на Нижней Кубани, являются касоги (по осетински кассэг), народцы адигскаго племени, предки нынешнихъ кабардинцевъ, шапсуговъ, натухайцевъ, абадзеховъ и друг. Касоги были ближайшими сосѣдами Тмутараканскаго княжества, которое имѣло на нихъ значительное вліяніе. Такъ въ 1022 году воюетъ съ ними Мстиславъ Тмутараканскій, а въ слѣдующемъ году они упоминаются вмѣстѣ съ хазарами въ его войскѣ, когда онъ идетъ противъ брата своего Ярослава; въ 1066 году упоминается, что кн. Ростиславъ Тмутараканскій бралъ съ касоговъ дань. Эти отношенія Тмутараканскіе къ касогамъ указываютъ на то, что послѣдніе жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ этого города по нижнему теченію Кубани. Ясовъ же слѣдуетъ искать въ ихъ непосредственномъ сосѣдствѣ, далѣе на востокъ, на плоскости и въ горахъ по верхнему теченію Кубани и ея притоковъ.

Въ дальнѣйшихъ извѣстіяхъ нашей лѣтописи упоминаются ясы въ 1-й четверти XII вѣка. Въ лѣто 6624 (1116) Яро-

полкъ Владиміровичъ „ходи на Половѣцкую землю, к рѣцѣ зовомѣй Донъ, и ту взя полонъ много, и 3 города взя Половечскыѣ: Галинъ, Чешюевъ и Сугровъ, и приведе с собою Ясы, и жену полони Ясыню“. Такъ чигается въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи. Въ Ипатскомъ же это извѣстіе записано нѣсколько иначе: „Въ се же лѣто посла Володимерь сына своего Ярополка, и Давыдъ сына своего Всеволода, на Донъ, и взяша три грады: Сугровъ, Шаруканъ, Балинъ. Тогда же Ярополкъ приведе собѣ жену, красну вельми, Яскаго князя дщерь, полонивъ“.

Оставляя въ сторонѣ города Балинъ (иначе Галинъ) и Чешюевъ (иначе Чешлюевъ), которые не упоминаются въ другихъ мѣстахъ лѣтописи, мы можемъ отмѣтить, что города половецкіе Шаруканъ и Сугровъ стояли на Дону, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга ¹⁾. Въ этихъ то мѣстахъ, слѣдовательно на Дону, Ярополкъ беретъ въ плѣнъ дочь яскаго князя и уводитъ съ собою полоненныхъ ясовъ. Спрашивается, какъ объяснить присутствіе ясовъ въ половецкихъ городахъ: было ли здѣсь поселеніе яское на землѣ половецкой, конечно, подчиненное половцамъ, или ясы, взятые Ярополкомъ, случайно попали къ половцамъ, какъ плѣнники или заложники? У насъ нѣтъ *точныхъ* данныхъ для рѣшенія этого вопроса, но въ видѣ догадки выскажемъ слѣдующее. Во 1-хъ, факты лингвистическіе, которые будутъ приведены въ III главѣ, несомнѣнно доказываютъ, что по нижнему теченію Дона дѣйствительно нѣкогда жили иранцы, предки нынѣшнихъ осетинъ; во 2-хъ, самое названіе *Донъ*, — какъ мы выше упоминали, есть несомнѣнно названіе яское и означаетъ *воду* и *рѣку*; въ 3-хъ, Святославъ въ 965 году разбилъ ясовъ гдѣ то около Дона; въ 4-хъ, названіе города *Сугрова* легко поддается истолкованію изъ осетинскаго языка: оно, кажется, ничто иное, какъ нѣсколько прилаженное къ русскому произношенію имя сурх гѣу т. е. *красное село*; причемъ группа согласныхъ рхг, или при быстромъ произношеніи рг, была, согласно съ свойствами русскаго языка, переставлена въ *ир*; въ 5-хъ, ясыня-красавица, приведенная Яро-

¹⁾ Срав. извѣстіе о походѣ на половецъ 1111 года, когда русскіе, взявъ Шаруканъ, на *другой день* поплы на Сугровъ и сожгли его, а на третій ушли съ Дона.

воиномъ, была не простая плѣнница, которую можно было взять въ наложницы, а дочь яскаго князя (какъ свидѣтельствуется Ипатская лѣтопись), и стала законной женой сына Мономахова; поэтому то она и пошла въ извѣстіе лѣтописи. Притомъ съ нею были приведены и другіе ясы („приведе съ собою ясы“), хотя неизвѣстно, въ какомъ числѣ, но вѣроятно въ значительномъ, потому что взятіе въ числѣ добычи двухъ трехъ плѣнниковъ, конечно, слишкомъ ничтожный фактъ, чтобъ быть занесеннымъ въ лѣтопись. Изъ всего этого, кажется, можно вывести, что на Дону подъ властью Половцевъ еще въ 1116 году было яское поселеніе, какъ послѣдній остатокъ яскаго элемента, сидѣвшаго здѣсь еще во времена процвѣтанія греческой колоніи Танаиды, основанной на территоріи Асовъ (Сарматовъ).

Подъ 1175 годомъ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ, въ разсказѣ объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, упоминается въ числѣ убійцъ *Анбалъ ясинъ ключникъ*. Отмѣтимъ, что имя Анбалъ чисто осетинское: *Анбал* или *амбал* значитъ *топарикъ, спутникъ*.

Подъ годомъ 1223, въ разсказѣ о появленіи татаръ, лѣтописецъ, говоря о происхожденіи этого новаго непріятеля, прибавляетъ: „И мы слышахомъ, яко многы страны поплѣнница, *ясы*, обезы (абасговъ), касогы, и половець безбожныхъ множество *набиша*“...

Эта краткая замѣтка о подчиненіи асовъ вмѣстѣ съ другими кавказскими народами татарамъ согласуется, какъ мы выше видѣли, съ извѣстіями грузинскими о томъ же событіи. Тѣмъ неожиданнѣе представляется послѣднее извѣстіе о ясахъ, встречающееся въ нашей лѣтописи (по Академическому списку) подъ 1277 и 78 годами, т. е. чрезъ 55 лѣтъ послѣ покоренія асовъ татарами: „Въ лѣто 6785. Преставися Борисъ Васильковичъ в. татарехъ, Дмитрій же съ матерью принесе тѣло отца своего в Ростовъ. *А князи вся поидоша на ясы*. Въ лѣто 6786. Оженися Михаило Глѣбовичъ. Того же лѣта *приидоша князи из татаръ, побѣдише ясы*“.

Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе князья воевали съ ясами по приказанію татаръ, владѣвшихъ въ это время Кавказомъ. Вѣроятно ясы, пользуясь неприступностью своихъ южныхъ предѣловъ, отказывали татарамъ въ повиновеніи и послѣдніе направили противъ нихъ русскихъ князей. Какъ въ данномъ

случайъ русскими князьями, такъ почти одновременно татары пользовались войскомъ грузинъ, которое они въ правленіе въ Грузіи царя Димитрія II (1273—1283) отправляли въ Гиліанъ, чтобы принудить эту область платить дань, и въ Египетъ, противъ султана Насиръ-Мелина¹⁾. Къ сожалѣнію, о томъ что совершалось въ это время на сѣверѣ Кавказа, на территории оссовъ, не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній грузинская лѣтопись, такъ что мы не имѣемъ никакихъ средствъ провѣрить извѣстіе нашей лѣтописи о походѣ русскихъ князей (вмѣстѣ съ татарами) на ясовъ, кончившемся поражениемъ послѣднихъ. Замѣтимъ только, что при этомъ походѣ упоминается ясскій городъ Дедяковъ²⁾, или Тетяковъ, котораго мѣстоположеніе до сихъ поръ не удастся выяснитъ. Карамзинъ, впрочемъ, безъ всякихъ основаній, отождествлялъ этотъ городъ съ Дивеномъ или Дедукомъ въ южномъ Дагестанѣ³⁾; но нѣтъ никакихъ указаній на то, что ясы жили въ этой области. Въ Воскресенской лѣтописи (II, 291) встрѣчаются нѣкоторыя, хотя и глухія, указанія на мѣстоположеніе Тетикова: „за рѣкою Теркомъ на рѣцѣ Севенцѣ, подъ городомъ подъ Тетяковымъ, минувше горы высокія, яскія и черкаскія, близъ воротъ желѣзныхъ“; и такія же выраженія встрѣчаются въ сказаніи объ убіеніи въ Ордѣ Михаила Тверскаго (1318): „бывшую же блаженному въ тяготѣ дній 26, за рѣкою Теркомъ, на рѣцѣ Севенцѣ, подъ городомъ подъ Тетяковымъ“⁴⁾. Если дѣйствительно Дедяковъ былъ ясскій городъ, то имя его могло случайно получить *русскій* видъ. Вѣроятно, осетинское названіе этого города или селенія было сложное со словомъ *qäy* — село, какъ названіе многихъ осетинскихъ ауловъ (напр. Дѣлаг-qäy, Даваг-qäy). Клапротъ, въ своей статьѣ о тождествѣ осетинъ съ аланами⁵⁾, не соглашаясь съ отождествленіемъ Дедякова съ Дивеномъ или Дедукомъ, замѣчаетъ, что нѣтъ необходимости разумѣть подъ желѣз-

¹⁾ См. Brosset, — Histoire de la Géorgie etc. I pp. 592 и 595.

²⁾ См. Полное собраніе р. лѣтоп. VII, 173: приступиша русскіи князи къ ясскому городу къ славному Дедякову.

³⁾ Ист. Госуд. Россійскаго IV примѣч. 157.

⁴⁾ Ibid. примѣч. 234.

⁵⁾ Sur l'identité des Ossètes avec les Allains, см. Potocki, — Histoire primitive etc. p. 339.

ными вратами Дербендъ, такъ какъ этотъ городъ не единственное мѣсто, носившее названіе „*железныхъ воротъ*“. Последнее названіе дается нѣкоторымъ другимъ укрѣпленнымъ проходамъ Кавказскаго хребта и именно Даріальскимъ воротамъ¹⁾. Что касается Севенца, то это тюрко-персидское названіе рѣки Сунджи, впадающей въ Терекъ. Такъ Севенджемъ называется эту рѣку Шерифъ-единъ въ исторіи Тимура. Итакъ городъ Десяковъ, лежащій за Терекѣ, близъ Сунджи и Даріальскихъ воротъ, „минувше горы высокія, яскія и черкаскія“, долженъ былъ находиться приблизительно тамъ, гдѣ былъ основанъ Владикавказъ, въ мѣстности соединяющей всѣ эти условія, такъ какъ она лежитъ за Терекѣ и въ нѣсколькихъ миляхъ на западъ отъ Сунджи и на сѣверъ отъ Даріала²⁾. Это замѣчаніе намъ кажется основательнымъ. Въ разсказѣ о перевезеніи тѣла Михаила Тверскаго на Русь упоминается другой „ясскій“ городъ Бездежъ, въ которомъ находилась христіанская церковь³⁾. Гдѣ слѣдуетъ искать этотъ городъ, лежавшій гораздо западнѣе Десякова, — объ этомъ, въ виду полного отсутствія топографическихъ указаній, мы не можемъ представить никакихъ соображеній.

Глава III.

Вопросъ о времени поселенія предковъ осетинъ на сѣверѣ Кавказа. Древность иранскаго элемента населенія на Дону и въ придоннѣйскихъ странахъ. Иранскія топографическія названія. Иранскія имена въ греческихъ надписяхъ изъ припонтійскихъ колоній. Доказательства тому, что иранскій языкъ, засвидѣтельствованный этими надписями, былъ предкомъ осетинскаго языка. Народность сарматовъ. Заключение.

Изъ обзора историческихъ извѣстій о территоріи, занятой оссами, аланами, представленнаго нами въ двухъ предыду-

¹⁾ Вѣроятно Даріальскія врата слѣдуетъ видѣть въ извѣстномъ эпическомъ началѣ Галицко-волынской лѣтописи, гдѣ говорится, что Романъ „ревноваше дѣду своему Мономаху, погубившему поганыхъ изманилянъ, рекомыхъ Половци, изгнавшю Отрока во *Обезы* за *железныя врата*“. Дербендскія врата слишкомъ далеки отъ Обезовъ (Абазинѣвъ).

²⁾ Замѣтимъ, что осетины называютъ Владикавказъ *Дзауагі-гау* или *Дзауагіау*, по осетинскому аулу. *Дзауаг* — собственное личное имя. Къ сожалѣнію о времени основанія этого аула мы не имѣемъ свѣдѣній.

³⁾ Карамзинъ, IV, примѣч. 238.

щихъ главахъ, можно вывести, что въ первые вѣна нашей эры предки современныхъ осетинъ жили въ кочевомъ быту, можетъ быть, кое гдѣ перешедшемъ уже въ осѣдлый, на обширной сѣверо-кавказской равнинѣ, доходя на югъ до главнаго хребта и Даріальскаго ущелья, а на западъ до Маотиды и нижняго теченія Дона. Опредѣливъ такимъ образомъ, конечно приблизительно, древнѣйшую территорию оссовъ, мы должны поставить другой вопросъ, — вопросъ о времени поселенія предковъ осетинъ на сѣверной кавказской равнинѣ. Конечно, нельзя ожидать, чтобы возможно было хотя бы приблизительно опредѣлить это время; но для насъ важенъ этотъ вопросъ въ слѣдующей формѣ: принадлежали ли предки нынѣшнихъ осетинъ къ такимъ народамъ, которые, подобно гуннамъ, аварамъ, хазарамъ, мадырамъ, болгарамъ, печенѣгамъ, половцамъ, татарамъ, въ историческое время изъ предѣловъ Азіи вторгались въ восточную Европу и нѣкоторое время занимали припонтійскія земли, — или же поселеніе иранцевъ ясовъ (оссовъ) въ названныхъ мѣстахъ относится къ доисторическому періоду.

Совокупность всѣхъ данныхъ указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что предки нынѣшнихъ осетинъ явились изъ Азіи въ восточную Европу еще въ доисторическія времена. Несомнѣнныя свидѣтельства языка доказываютъ, что осетины принадлежатъ къ народамъ иранской группы арійской вѣтви индоевропейской семьи, къ той обширной группѣ, къ которой въ древности принадлежали мидяне, персы, а въ настоящее время принадлежатъ персіяне, афганцы, курды, таджики, таты, белучи, таджики въ средней Азіи, и нѣкоторые памирскія племена. Къ той же группѣ иранскихъ народовъ относятся съ большою вѣроятностью кочевыя племена, которые въ глубокой древности подъ названіемъ саксовъ, массагетовъ, сарматовъ и отчасти скифовъ бродили по необозримымъ равнинамъ Турана (на сѣверъ отъ Яксарта и Оксуса) и въ степяхъ юго-восточной Россіи. Всѣ извѣстныя въ наукѣ иранскіе языки сводятся къ основному иранскому праязыку, представляющемуся въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ праязыкомъ индійскимъ и восходящему вмѣстѣ съ послѣднимъ къ общему прародителю, который принято называть арійскимъ праязыкомъ. Къ какому времени относится періодъ арійскій и гдѣ слѣдуетъ искать прародину

этого языка — это вопросы, на которые едва ли когданибудь наука будетъ въ состояніи дать положительный отвѣтъ. Столь-же гадательными представляются всѣ до сихъ поръ бывшія предположенія о прародинѣ иранцевъ т. е. того народа, который былъ предкомъ всѣхъ древнихъ и современныхъ иранскихъ народовъ. Лишь одно наблюдение надъ бытомъ древнихъ иранскихъ народовъ, быть можетъ, даетъ нѣкоторое указаніе на территорію иранской прародины. Мы видимъ, что иранскіе народы въ древности являются въ общихъ формахъ быта — осѣдлой и кочевой. Во то время какъ въ сѣверныхъ предѣлахъ древней иранской территоріи; въ равнинахъ Трансоксаніи и юговосточной Россіи, иранцы живутъ въ кочевомъ быту, народы той же вѣтви въ предѣлахъ собственнаго Ирана живутъ уже въ быту осѣдломъ и вслѣдствіе вліянія сосѣдней семитской культуры (Халдеи и Ассиріи) достигли довольно высокой степени гражданскаго развитія (Мидія, Персія при Ахеменидахъ). Историческая память можетъ представить много примѣровъ тому, что племена номадные переходятъ, вслѣдствіе переселенія въ удобную для земледѣлія территорію, къ осѣдлому быту, но едва ли найдутся примѣры для обратнаго перехода, для перемѣны быта осѣдлаго на кочевой. Отсюда, кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что и движеніе иранцевъ, сопровождавшееся измѣненіемъ быта, происходило съ сѣвера на югъ, изъ Турана въ Иранъ, и что древнѣйшую родину иранцевъ слѣдуетъ искать въ сѣверныхъ степяхъ, обширной территоріи кочевниковъ. Прилагая это соображеніе къ предкамъ современныхъ осетинъ, какъ бы они ни назывались въ древности, мы должны заключить, что они нѣкогда пришли въ древнѣйшія мѣста своего поселенія на сѣверо-кавказской равнинѣ и въ юговосточной Россіи не изъ собственнаго Ирана, не изъ Персіи, Мидіи, а изъ мѣстъ болѣе сѣверныхъ и болѣе близкихъ къ иранской прародинѣ. Къ такому же заключенію; какъ мы видѣли въ 1-й главѣ, приводитъ и разборъ нѣкоторыхъ культурныхъ словъ осетинскаго языка, особенно названій металловъ (см. стр. 11). Этой сравнительной близостью къ прародинѣ, конечно, въ связи съ отсутствіемъ культурнаго движенія, объясняется и архаичность осетинскаго языка, который въ своей фонетикѣ, и въ формахъ представляетъ между всѣми живыми иранскими языками черты

наибольшей старины и занимает среди этих языков приблизительно такое же положение, какое занимает язык литовский среди *живых* европейских языков. Является вопросъ, къ какому же времени восходитъ образованіе въ общемъ иранскомъ *праязыка* діалектовъ, среди которыхъ былъ и предокъ осетинскаго языка. Конечно, и на этотъ вопросъ нельзя дать положительнаго отвѣта, но все же нѣкоторое понятіе объ этомъ времени можно себѣ составить по слѣдующему соображенію. Хотя древнѣйшіе памятники языка древнеперсидскаго дошли до насъ въ надписяхъ Ахеменидовъ и не восходятъ ранѣе 6-го вѣка, а древнѣйшіе памятники языка Авесты, въ дошедшей до насъ редакціи, относятся еще къ болѣе позднему времени, однако нѣтъ сомнѣнія, что эти оба иранскіе языка — древнеперсидскій и авестійскій ¹⁾ — существовали уже по крайней мѣрѣ за тысячелѣтіе до Р. Х. Несомнѣнно, что одновременно съ ними уже существовалъ, какъ отдѣльный языкъ, предокъ и современнаго осетинскаго языка, такъ же какъ и другіе древніе вымершіе иранскіе языки, отъ которыхъ мы не имѣемъ памятниковъ письменности и которые были предками современныхъ новоиранскихъ языковъ. Такимъ образомъ, періодъ, въ которомъ, напримѣръ, предокъ древнеперсидскаго языка еще совпадалъ съ предкомъ будущаго осетинскаго, т. е. періодъ праиранскій, долженъ быть отнесенъ еще за много вѣковъ до 1-го тысячелѣтія, предшествовавшаго христіанской эрѣ.

Исходя изъ убѣжденія, вполне вѣроятнаго для всякаго лингвиста, что предокъ осетинскаго языка уже существовалъ по *меньшей мѣрѣ* за тысячелѣтіе до Р. Х., мы можемъ вывести отсюда и другое заключеніе, припомнивъ обычный ходъ развитія языковъ. Языкъ, на которомъ говорятъ въ предѣлахъ обширной территоріи сотни тысячъ людей, естественно распадется на діалектическіе отѣнки, которые представляютъ почти неуловимые переходы отъ одного къ другому. Таковы, чтобъ ограничиться однимъ близкимъ примѣромъ, переходные говоры между дигорскимъ и иронскимъ нарѣчіемъ осетинскаго языка. Если, въ силу историческихъ причинъ, территориальное общеніе между говорами извѣстнаго

¹⁾ Одни ученые считаютъ языкъ религіи Заратустры языкомъ индійскимъ, другіе — древнебактрійскимъ.

языка нарушается, напимѣръ, если представители какаго нибудь говора выселяются на другія мѣста, покидая родину, то говоръ, на которомъ они говорятъ, въ теченіе времени пріобрѣтаетъ такіа фонетическія и морфологическія черты, что по отношенію къ основному языку становится уже на-рѣчіемъ, а затѣмъ въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія уже можетъ быть названъ отдѣльнымъ языкомъ. Намѣченный ходъ появленія отдѣльныхъ языковъ изъ общаго праязыка, конечно, прилагается и къ предку осетинскаго языка. Предки осетинъ обособились по отношенію къ языку только тогда, когда уже втеченіе значительнаго времени находились въ тер-риторіальной обособленности отъ иранской прародины; дру-гими словами, уже задолго до 1-го тысячелѣтія до Р. Х. сѣ-верный иранскій языкъ, изъ котораго произошелъ осетин-скій, не находился уже въ территоріальной связи съ языкомъ, напимѣръ, южно-иранскимъ, изъ котораго вышелъ древне-персидскій языкъ. Конечно, еслибъ до насъ дошли письмен-ные памятники осетинскаго языка отъ того же времени, къ которому восходятъ памятники древне персидскаго, то мы увидѣли бы между тѣмъ и другимъ языкомъ несравненно большую близость, чѣмъ между современнымъ осетинскимъ и древне-персидскимъ; но во всякомъ случаѣ уже въ то время между ними должно было существовать такое разли-чіе, которое давало бы право считать оба языка за отдѣль-ные иранскіе языки, а не только за два діалекта одного языка.

Въ виду этой лингвистической хронологіи, конечно отно-сительной, намъ кажется невозможнымъ допустить предпо-ложеніе, что предки осетинъ лишь въ средніе вѣка явились на Кавказѣ и Меотидѣ. Они должны были уже занимать эти мѣста въ то время, когда вслѣдствіе не раскрытыхъ исто-ріей событій, совершившихся въ Средней Азіи, началось силь-ное движеніе въ Европу тюркскихъ кочевниковъ, которымъ отмѣчены первыя столѣтія нашей эры: мы говоримъ объ эпохѣ великаго переселенія народовъ. Иранская рѣчь еще слышалась на низовьяхъ Дона, берегахъ Меотиды и Сѣвер-номъ Кавказѣ, въ то время когда въ юго-восточныхъ степяхъ Россіи показались полчища гунновъ, за которыми безконеч-ной вереницей потянулись другіе азіатскіе кочевники, захва-тившіе въ своемъ движеніи и угрскія племена.

Высказанное нами убежденіе въ древности поселенія предковъ осетинъ въ Европѣ, подтверждается не одними лингвистическими соображеніями только, что изложенными. Изъ обзора историческихъ извѣстій объ оссахъ мы видимъ, что этотъ народъ извѣстенъ своимъ южнымъ сосѣдамъ на Кавказѣ, грузинамъ, съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе помнятъ самихъ себя. Уже при началѣ первой грузинской династіи—Фарнавазидовъ (въ III в. до Р. Х.), оссы изображаются, въ грузинскихъ анналахъ, могущественными союзниками грузинъ. Поселеніе оссовъ на Кавказѣ восходитъ, по грузинскому воззрѣнію, къ мифическимъ временамъ: ихъ мифическій родоначальникъ Уовосъ такъ же древенъ, какъ родоначальникъ грузинъ. Мы выше видѣли, что нельзя искать исторической достовѣрности въ раннихъ частяхъ грузинскихъ annalъ: но все же нужно допустить, что появленіе оссовъ на Кавказѣ восходитъ къ глубокой древности, такъ что не могло сохраниться въ историческихъ традиціяхъ ихъ южныхъ сосѣдей. Съ другой стороны поселеніе алановъ (въ составъ которыхъ должны были входить предки осетинъ), на Кавказѣ, по свѣдѣніямъ сообщаемымъ классическими и средневѣковыми писателями, также восходитъ въ глубь вѣковъ. Уже Апполинарій Сидонскій ¹⁾ упоминаетъ *saucasigenas alanos*, и Іосифъ Флавій, какъ мы видѣли выше, говоритъ объ аланахъ на Дону и берегахъ Мѣотиды. Въ какое время они появились въ этихъ мѣстахъ, объ этомъ такъ же мало извѣстно западнымъ писателямъ, какъ неизвѣстно грузинскимъ лѣтописцамъ время поселенія оссовъ на Кавказѣ.

Помимо историческихъ указаній на древность алановъ близъ Мѣотиды и Дона, есть другія указанія, имѣющія для насъ несравненно большую цѣну, къ разсмотрѣнію которыхъ мы переходимъ теперь. Сюда мы относимъ, во-первыхъ, иранскія топографическія и этническія названія, упоминаемыя классическими писателями въ названныхъ мѣстахъ и на побережьи Понта; во вторыхъ, иранскія личные имена, встрѣчающіяся въ значительномъ количествѣ въ греческихъ надписяхъ, найденныхъ въ мѣстностяхъ древнихъ греческихъ колоній—Тираса, Ольвіи, Пантикапеи, и особенно Танаиды ²⁾.

¹⁾ Epist. 4. 1.

²⁾ Сообщаемое нами ниже представляетъ извлеченіе изъ нашего изслѣдованія „Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи“, помещеннаго въ сентябр. книжкѣ Ж. М. Н. Прос. за 1886 г.

Вотъ нѣкоторыя изъ топографическихъ иранскихъ названій, сохраненныхъ древними писателями.

Анонимный компиляторъ, составившій *periplus* Понта изъ разныхъ источниковъ, вставилъ замѣтку, что Θεοδοσία на *аланскомъ* или *таврійскомъ* языкѣ называлась 'Ардаβда, *τοιούτου ἐπτάθεος* (т. е. семи божный). Хотя нельзя вполне полагаться на точность передачи греками *значенія* варварскихъ именъ; но въ данномъ случаѣ по крайней мѣрѣ половина этого сложнаго имени дѣйствительно означаетъ *семь*. Уже Мюлленгофъ ¹⁾ сопоставилъ *αβδα* съ авестійскимъ *hapta*—*ἐπτά* и отмѣтилъ несомнѣнное иранство этого слова, выражающееся въ томъ, что индоевропейское начальное *s* (санскр. *sapta*, лат. *septem*, *седмъ* и т. д.) перешло въ *h*. Но слѣдуетъ замѣтить, что изъ иранскихъ языковъ именно осетинскій представляетъ въ своемъ числительномъ *авд* (семь) форму наиболѣе близкую къ *αβδα*. Вторую часть *αρδ-*, которая будто бы значить *θεός*, Мюлленгофъ сопоставилъ съ древне-персидскимъ *arda*, латинск. *arduus*—*высокій*; вмѣстѣ съ тѣмъ Мюлленгофъ измѣняетъ порядокъ слагаемыхъ словъ и предполагаетъ, что какой-нибудь писецъ переставилъ правильное сложеніе 'Аβдарда въ 'Ардаβда. Согласно съ своей этимологіей *αρδ-*, Мюлленгофъ истолковываетъ названіе 'Аβдарда такъ: (городъ) возвышенный семью (богами). Перестановка частей сложнаго имени и намъ кажется необходимою; если передъ нами индоевропейское сложное слово, — а въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, — то имя числительное должно стоять въ первой части. Что касается *αρδα*, то ни въ одномъ иранскомъ языкѣ оно не значить *θεός*, и потому должно думать, что *значеніе* варварскаго имени не совсѣмъ точно передано чрезъ *ἐπτάθεος*; можетъ быть, на такой переводъ повлияло греческое названіе того же города Θεοδοσία (божій даръ). По звукамъ *αρδα* соответствуетъ авест. *агеда*—*сторона*, санск. *ardha*, осет. *ард-аг* (половина) съ позднѣйшемъ суффиксомъ—*аг*, такъ что 'Аβдарда могло бы значить *семисторонній*. Конечно, настаивать на этомъ словопроизводствѣ мы не станемъ и только напомнимъ, что, что бы ни значило *arda*, — это слово несомнѣнно иранское, являющееся, какъ вторая часть сложенія въ именахъ горо-

¹⁾ Ueber die Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten, въ Monatsbericht der K. Preuss. Akad. d. W. стр. 564.

довъ; напимѣръ, въ названіи города Вауарда (божья сторона?), упоминаемаго Птолемеємъ ¹⁾ въ Паропамисѣ, т. е. въ предѣлахъ несомнѣннаго иранства. Последнее названіе еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что арда стояло не въ началѣ, а въ концѣ сложенія.

Другой городъ, основанный въ Крыму, повидимому, иранцами, былъ Σουδαία или нынѣшній Судакъ, котораго названіе объясняется изъ иранскаго *suuda—чистый, святой; срав. осетинск. сугдэг—святой ²⁾. Это прилагательное мы находимъ въ названіи страны и главнаго города древнихъ иранскихъ согдіанъ, въ Авестѣ Suuḍa, въ древне-персидскихъ клинописныхъ текстахъ Suguda (у Птолемея Σούδια ³⁾).

Третье топографическое названіе, которому можно дать иранскую этимологию, упоминается Плутархомъ. Этотъ ик-

¹⁾ 6, 18, 5.

²⁾ Замѣтить, что современное названіе Судакъ содержитъ суффиксъ, сохранившійся въ осетинскомъ словѣ сугдэг. Броневскій называетъ этотъ городъ Сидагюсъ.

³⁾ Въ связи съ иранскими именами Θεοδοσίη и Σουδαка можно привести нѣсколько историческихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ этихъ иранцахъ слѣдуетъ видѣть алановъ. Такъ, по словамъ арабскаго географа Абульфеда, въ Крыму, въ Киркерѣ, области, находившейся въ сосѣдствѣ съ Судакомъ (см. Брунъ, Черноморье, II. 136), обиталъ народъ ol As. Къ этимъ крымскимъ, христіанскимъ аланамъ обращено посланіе епископа Θεοδωρα, на которое обратилъ вниманіе академикъ А. А. Бунинъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ упоминаются аланы во 2-й половинѣ XIII вѣка. „Посланники, отправленные въ 1263 г. египетскими султанами. Вабарсемъ къ Беркехану и приставшіе къ судакскому порту, свидѣлствуютъ, что они, достигнувъ вершинъ горы, были встрѣчены наместникомъ этой области Табукомъ или Таюкомъ, и что этотъ чиновникъ провожалъ ихъ до города Крыма (Солхатъ), населеннаго кипчаками, русскими и аланами“ (Брунъ, назв. соч. II. 137). Немногочисленные остатки алановъ въ Крыму сохраняются еще въ XIV в. По указанію проф. Бруна, „это явствуетъ изъ письма Марино Санудо къ французскому королю Филиппу VI отъ 13 октября 1334 г., гдѣ къ народамъ, зависѣвшимъ отъ Татаръ, причислены Готы съ небольшимъ числомъ алановъ (Gothi et aliqui Alani) въ Газаріи, т. е. въ Газаріи, (Хазаріи, Крыму); далѣе изъ того, что еще въ 1384 году въ числѣ спорныхъ между митрополитами херсонскимъ и готейскимъ приходовъ упоминается аланійскій, и что нафонецъ Барбаро не безъ основанія могъ сказать, что Аланія простиралась отъ крымскихъ горъ или Готіи до Монкастро, т. е. до Ажкермана“ (стр. 137).

сатель (flum) p. 54) говорить, что къ рѣкѣ Танаису прилежитъ гора, называемая на туземномъ языкѣ Вриксава (Βρίξαβα), что истолковывается по гречески *бираній лобъ* (χρῖοῦ μέτωπον). Нужно замѣтить, что, повидимому, у грековъ названіе χρῖοῦ μέτωπον прилагалось къ горамъ известнаго вида, напоминавшимъ баранью голову. Такъ, χρῖοῦ μέτωπον назывался мысъ на юго-западномъ берегу Крита (нынѣ Оаро Сгіо) и мысъ на южномъ берегу Тавриды (нынѣ Аюдагъ). Мы упоминаемъ это для того, чтобъ объяснить не совсѣмъ точный переводъ второй части сложнаго имени *Вриксава*, которая, по нашему толкованію, значить не *лобъ* а *рогъ*. Въ первой части *ерикъ*—мы видимъ осетинское слово ѣйрігъ—барашекъ, а во второй *сава*—осет. сіуѣ—*рогъ* (срав. авест. згца-га—рогатый, н.-п. surū—рогъ); ѣарігсіуѣ—значить рогъ барашка. Конечно, очертанія верхушки горы легко могли напомнить шишки или зачатки роговъ на головѣ барашка.

У Плинія (Н. Н. VI, 7) въ Сарматіи, близъ Танаиса, упоминается народъ Dandarii ¹⁾. Въ этомъ названіи не трудно признать иранскія слова: *dānu—рѣка, сравн. авест. dānu, осет. дон, и глаголъ *dag—держатъ (саяскр. dhaḡ, др.-перс. daḡ, осет. дар-ун), по осетински *дондар* значило бы „водо-держецъ“; такъ могли быть названы береговые жители, „бреговичи“.

Птолемей (V, 9, 5. 28) называетъ въ Азіатской Сарматіи рѣку Варданъ (Οὐαρδάνης), которую Укертъ ²⁾ считаетъ южнымъ рукавомъ Кубани. Названіе Οὐαρδάνης также звучитъ по ирански, хотя относительно этимологіи является нѣкоторое затрудненіе, именно въ томъ, считать-ли его за сложное или за простое. Въ первомъ случаѣ, во второй части—*δάνης*—не трудно найти иранск. dānu (осет. дон) *рѣка* (срав. осет. названія рѣкъ, сложенные съ этимъ словомъ, напримѣръ: Фіаг-дон, Гізел-дон, Аппа-дон, Кобан-дон, Цей-дон и друг.); первая часть напоминаетъ авест. vāga—*дождь* (ср. осет. ѣар-ун—дождить), такъ что Οὐαρδάνης могло бы значить *дождевая вода* или *рѣка* и прилагалась бы къ руслу, высыхающему во время жаровъ и наполняющемуся во время дож-

¹⁾ Такъ же называется одинъ народъ на восточномъ берегу Чернаго моря у Тацита (Анналы XII, 15).

²⁾ Skythien—III. 2, p. 202.

дей. Если же Οὐαρδάνης имя несложное, то может восходить къ иранск. корню *vard*, авест. *vared* — увеличивать, *vareda* — растущий, срав. санскр. *vardh*, и др. перс. *vardana* — *городъ*. Название упоминаемого въ Ольвийскихъ надписяхъ народа *Σαυδαράται* звучитъ совершенно по осетински: саудар — значить носящій черное платье, — таи окончанія мн. ч. — осет. та, такъ что *Σαυδαράται* по значенію соответствуетъ *Μελάγυχλοι* (отъ сау — черный, и дар — держащій).

Ограничиваясь этими примѣрами иранскихъ топографическихъ названій ¹⁾, переходимъ къ разсмотрѣнію иранскихъ личныхъ именъ, встрѣчающихся въ значительномъ количествѣ въ греческихъ надписяхъ понтійскихъ колоній. Благодаря обязательности В. В. Латышева, извѣстнаго знатока классической эпиграфики и издателя древнихъ надписей сѣвернаго побережья Понта Эвксинскаго греческихъ и латинскихъ, ²⁾ мы имѣли въ своемъ распоряженіи около 425 *варварскихъ* именъ, встрѣчающихся въ этихъ надписяхъ. Между этими именами лингвистическій анализъ обнаружилъ значительное количество именъ иранскихъ, причемъ наибольшій процентъ послѣднихъ приходится на имена ольвійскія и танайдскія. Такъ изъ сотни ольвійскихъ варварскихъ именъ, по нашему счету, нѣсколько менѣе половины поддается объясненію изъ иранскаго, а изъ 160 танайдскихъ значительное большинство (болѣе 100) носятъ яркіе признаки иранскаго происхожденія ³⁾. Отсылая читателей за подробностями къ нашей статьѣ, приведемъ здѣсь изъ числа разобранныхъ нами именъ лишь нѣкоторые, поддающіеся легче другимъ объясненію изъ иранскихъ языковъ:

Ἰζδ-αγ-ος: въ *Ἰζδ-* мы видимъ названіе божества или высшего духа; срав. авест. *uazata*; парсійск. *uazd*, и. пер. *uāid-ān* — Богъ, осет. *izāid* — небесный духъ; то же слово встрѣчается въ сложномъ имени *Ἰζδραδος*, которое можетъ значить: *Божій даръ* или *Богомъ данный*; срав. осет. *izāid-радт* (Богомъ данный) и авест. *gādanh* — даръ.

¹⁾ Для другихъ названій см. нашу статью стр. 241 и 242, и срав. еще этимологию названія Дона и города Сугрова (выше стр. 67).

²⁾ *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* t. I.

³⁾ См. наше изслѣдованіе, стр. 266 и 267.

Φῑδας = осет. фидā, отец, авест. pita.

Φούρτας = осет. фурт — сын; срав. сложное имя Радацо-
фуртос = сын Радама.

Λείψανος = осет. лѣпāн — друг, милый.

Φόσαχος = осет. фусаг — юдний из овец, отъ фусā — овца.

Φόρος = осет. фур — барин.

Σόρυαχος = осет. сурх — красный, сурхаг — id.

Σιαύаχος: срав. иранск. *syāva черный, осет. сау, ново-перс.
siyāh.

Ῥάσογος — срав. осет. расог — чистый.

Ναύαγος и Ναύαχος — ср. осет. нāуāг — новый, авест. пава.
Для полной убедительности сравнения слѣдуетъ замѣтить,
что до сихъ поръ Нāуāг одно изъ употребительныхъ въ
Осетии мужскихъ именъ.

Νόμηνος, ср. осет. номгīн — именитый.

Ἐρδανος — отъ иранск. х̌šadga — мощь, сила и суффикса —
ана: срав. авест. — х̌šadga, осет. ä-хсарт — сила, подвижъ.

Ἄρδαρος — ср. осет. дигорск. әрдар — старшина.

Ζάρανδος — ср. осет. зāронд. — старый.

Ἰνσαύαχος: иранское числительное для двадцати *vīṣati
должно было по специальнымъ звуковымъ законамъ осетин-
скаго языка лишиться начального v и измѣнить ti въ ġ и
затѣмъ въ d, то есть, получить видъ insadi, совпадающій
съ разбираемымъ именемъ, которое по значенію соотвѣт-
ствуетъ латинскому Vicentius. По специальному закону ди-
горскаго діалекта осет. языка, конечное ġ перешло въ j и
дальше въ i; отсюда объясняется дигорская форма этого слова
insāi; въ иронскомъ же говорѣ начальное i перешло въ v (ы)
и затѣмъ исчезло, а n (русс. н), ассимилируясь звуку s,
вызывало его удвоение; этимъ объясняется иронская форма
есād. Такимъ образомъ, форма Ἰνσαϝ есть предокъ обычныхъ
осетинскихъ формъ.

Βόραχος: отъ осет. бор — бурый, сильный, желтый, съ настав-
кой -ак.

Γόσαχος можетъ быть образовано съ той же наставкой отъ
иранск. корня gauš — слышать; срав. осет. i-ġос-ун, слы-
шать, ġос — ухо; по дигорски iġосаг значить хорошо слыша-
щій, чуткій.

Κάσαχος и Κάσαγος: если это имя не взято отъ названія
народа касоговъ, по осет. кāsāг — черкесь, то можетъ быть

сопоставлено съ осет. кӕсаг — производнымъ именемъ отъ глагола кӕс-ун — *смотреть*: кӕсаг значить *зрячій, зоркій*.

Фӕрнӕгос, Фӕрнӕхъс сводятся къ иранскому farna. Въ осет. языкѣ фарн значить: *миръ, счастье, обиліе*; фарнаг осӕ — *приносящая счастье жена*; имя Фарнуг встрѣчается доселѣ въ осет. обрядовыхъ текстахъ.

Аспӕхос отъ иран. aspa — *конь*; ср. авест. aspa, н. пер. asb, осет. ӕсӕ — *кобыла* и др.

Врадӕхъс можетъ быть сведено къ иранскому *brātaka „*братецъ*“; срав. авест. brātā, н.-перс. bārādār, осет. ӕрвадӕ — *родственникъ*.

Вӕнӕи, — зват. пад. отъ женск. имени, напоминаетъ дигорск. бӕндӕ, иронск. бунд — *пчела*, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что у осетинъ до сихъ поръ употребительно женское имя Бӕндӕ, даваемое дѣвочкамъ какъ будущимъ соперницамъ пчелъ по трудолюбію.

Спадӕхъс и Спадӕхос сопоставляются съ авест. spāda — *войско*, др.-перс. spāda, ново-перс. sipāh, осет. ӕссад; Спадӕхъс, вѣроятно, значить *воинъ*.

Имена Вӕхъс, Вӕхъос сводятся къ иранскому *baṣa или bāṣa, сравн. авест. baṣa — *богъ*, др.-перс. бага, авест. bāṣa — *удѣлъ*, санскр. bhāga — *доля*. Эти слова являются во многихъ персидскихъ собственныхъ именахъ, напимѣръ: Вӕхъа-ζос, Вӕхъапӕтхъс, Вӕхъаѿос и др.

Сӕнӕхос производится отъ корня san, срав. авест. sāna — *разрушеніе*, др.-перс. глаголѣ vi+san — *разрушить*; въ осет. языкѣ этотъ корень употребляется только съ предлогомъ ӕм (иранск. ham): ӕн-совун — *толкать*; т. о. *Sanaka можетъ значить *поражающій*.

Отсылая за другими простыми именами къ нашему изслѣдованію, упомянемъ нѣсколько сложныхъ именъ, состоящихъ изъ иранскихъ словъ. Таковы:

Авдӕрахос = *вододержецъ*, ср. осет. ав — *вода* (въ словѣ ав-дѣу водяной демонъ и глаг. дарун — *держать*).

Авнӕζос = *водопійца*, ср. осет. нӕз-ун — *пить*.

Ариарӕдхъс, Ариарӕмхъс — имена чисто персидскія: Агуӕгафа и Агуӕгампа; послѣднее носилъ прадѣдъ Дарія Гистаспа.

Ваѿр-аспос = *многоконный*, ср. авест. baevare — *большое количество*, 10,000, осет. беурӕ — *много*.

Βαίόρμαιος — „многоискусный“, срав. авест. *пāуа* — *искусство, мудрость*.

Στόρ-μαίς = *великомудрый*, ср. для первой части осет. стур — *великий*.

Φαρνόζαρδος — „мирновластный“.

Ὀσ-μάραχος — „женоубийца“, ср. осет. *осä* — жена и *марäг* — убивающий.

Φανδάρζος — „путеправитель“, срав. осет. *фäнд-аг* — *путь*, авест. *райтä*, и глаголз аразун — *направлять* и также обычное осет. пожелание: *фäндаг раст!* *прямой путь* т. е. будь счастливъ.

Σχν-δάρζιος „винодержецъ“, срав. осет. *сän* — вино.

Βόρ-ασπος — „буроконный“ и мног. друг.

Оставляя въ сторонѣ имена пантикапейскія, изъ которыхъ сравнительно немногія (15 изъ 110) находятъ объясненіе изъ иранскаго, а также имена тирасскія, анапскія и таманскія, дошедшія до насъ лишь въ незначительномъ количествѣ, можно сказать, что слѣды иранскаго элемента всего ярче на нижнемъ Дону, въ Танаидѣ, и затѣмъ на нижнемъ Бугѣ и Днѣпрѣ въ области древней Ольвіи, въ странѣ скивовъ земледѣльцевъ. Что касается до иранскаго языка, сохранившагося въ разсмотрѣнныхъ нами названіяхъ, то здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе *два* явленія. Съ одной стороны, значительное большинство иранскихъ именъ (преимущественно танаидскихъ) представляютъ такія звуковыя черты, которыя роднятъ ихъ съ осетинскимъ языкомъ. Съ другой, нѣкоторыя имена совпадаютъ съ древне-персидскими и не могутъ принадлежать поэтому живому иранскому языку, отразившемуся въ именахъ первой категоріи. Въ нашемъ изслѣдованіи мы сдѣлали предположеніе о пути, посредствомъ котораго зашли въ припонтійскія страны чисто персидскія имена ¹⁾ и потому здѣсь не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ, какъ не имѣющемъ прямого отношенія къ предкамъ осетинъ. Для насъ важны въ настоящемъ случаѣ такія иранскія имена, въ которыхъ либо проявляются звуковыя черты осетинскаго языка, либо черты, представляющія древнѣйшую фонетическую ступень этого языка. Обратимъ вниманіе лишь

¹⁾ См. о. с. стр. 277—280.

на нѣкоторыя типическія черты иранскаго языка, сохранившіяся въ личныхъ припонтіеискихъ именахъ:

1) Аріиское р (русск. п) въ началѣ слова передъ гласнымъ, сохранившееся въ другихъ иранскихъ языкахъ въ видѣ р, перешло въ осетинскомъ языкѣ въ звукъ f, и то же явленіе находимъ въ разсмотрѣнныхъ личныхъ именахъ; напр.: Φούρτος — осет. фурт (сынъ), но авест. руθга, н.-перс. rusär, rug; Φίδας, осет. фидä (отецъ), но авест. ritä, н.-перс. rädär и друг.

2) Аріиское р, обратившееся въ иранскомъ передъ г въ f, въ осетинскомъ совсѣмъ отпадаетъ; то же явленіе въ разсматриваемомъ языкѣ, срав. Λεῖψανος = осет. лиман (другъ), отъ иранск. корня *grī — любить, авест. grī-ti — любовь.

3) Начальное v передъ слѣдующимъ i отпадаетъ въ осетинскомъ и въ разсматриваемомъ языкѣ; срав. Ἰνσάζαρος, съ дигорск insäi (двадцать), праосетинскимъ *insadz и авест. visaiti, н.-перс. bist.

4) Иранское начальное h передъ гласн. a исчезаетъ въ обоихъ языкахъ; срав. осет. авд (семь), Ἀβδ-αρδα съ авест. hapta, н.-перс. häft.

5) Иранское г передъ i переходитъ въ осет. въ l, и то же явленіе въ разсмотрѣнныхъ нами именахъ Λεῖψανος, Φαλδάρανος; фал = иран. *ragi.

6) Иранское t передъ i переходитъ въ осет. языкѣ въ ц (цїрі — острый = *tiγa) и въ д на концѣ и передъ звучнымъ (ср. ссд = *vinsati, viginti); подобное же явленіе въ имени Ἰνσάζαρος и др.

7) Аріиская группа согласныхъ tr является въ осетинскомъ въ видѣ rt и та же перестановка въ языкѣ надписей; напр.: Φούρτος, осет. фурт, но авест. руθга, -ξαρθος, осет. ä-хсарт, но авест. χῶαθга.

8) Иранская группа χг переставливается въ осетинскомъ и въ иранскихъ именахъ надписей въ гχ; срав. осет. сурх (красный) съ авест. суχга, др.-перс. Фухга и съ именемъ Σόρυαχος.

Ограничиваясь этими немногими явленіями фонетики и отсылая за подробностями къ нашему спеціальному изслѣдованію, упомянемъ еще, что въ иранскихъ понтіеискихъ именахъ являются многія весьма употребительныя осетинскія слова. Такъ изъ существительныхъ въ разсмотрѣнныхъ нами име-

нахъ нашлись названія: небеснаго духа, демона, отца, сына, головы, жены, старшины, барана, овцы, счастья, пути, года, вина и друг.; изъ именъ прилагательныхъ отмѣтимъ названія: красный, черный, чистый, новый, бурый, строгій, многій и друг.; изъ числительныхъ: семь, двадцать; изъ глаголовъ: держать, убивать, хватать, править и нѣкот. другіе. Нельзя не замѣтить при этомъ, что нѣкоторые личные иранскія имена припонтійскихъ надписей оказываются еще доселѣ употребительными у осетинъ, напр.: "Αβραχος — Абрѣг, Ναύαχος — Нѣуѣг, Δάδαχος — Дадѣг. Но есть среди припонтійскихъ варварскихъ именъ и такія, которыя, не поддаваясь объясненію изъ иранскаго, тѣмъ не менѣе весьма близки къ современнымъ осетинскимъ, также неизвѣстнаго происхожденія. Сравнимъ, напримѣръ, имя Βάβος съ осет. Баба и Βάβο, Βόλας съ осет. Бола, Γορύβοιχς съ осет. Горга, Δάδος съ осет. Додо, Δαδαίος съ осет. Додоі. Конечно, быть можетъ, эти совпаденія случайны, но возможно и то, что осетины сохранили эти имена отъ старины, какъ наслѣдіе тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда ихъ предки жили при Мѣотидѣ и Понтѣ, гдѣ эти имена были употребительны, каково бы ни было ихъ происхожденіе.

Припоминая теперь свидѣтельства древнихъ писателей о народахъ, жившихъ близъ Танаиса и Мѣотиды, не трудно найти и историческое подтвержденіе факту, добытому путемъ лингвистики, т. е. существованію иранской національности въ этихъ мѣстахъ.

Изъ показаній Геродота извѣстно, что за Танаисомъ жили савроматы, кочевой народъ, говорившій будто бы испорченнымъ скинскимъ языкомъ¹⁾. У римлянъ этотъ народъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Σαγματοε. Вскорѣ послѣ Геродота, въ концѣ IV вѣка, Скилакъ упоминаетъ сарматовъ на западѣ отъ Танаиса и сауроматовъ на востокѣ отъ него. Въ томъ же вѣкѣ (въ 379 г. до Р. Х.) Евдокъ, цитируемый Стефаномъ Византійскимъ, также указываетъ сарматовъ на западѣ отъ Танаиса. Во времена Геродота савроматы повидимому уступали скинамъ, но впослѣдствіи, хотя неизвѣстно когда именно, они, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго (2, 48), размножившись, опустошили большую часть Скиніи, такъ что, по

¹⁾ Herod. IV, 117.

показанію Страбона (7, р. 306), вся страна между Дунаемъ и Днѣпромъ занята: гетами, далѣе тирангитами, затѣмъ язигами, сарматами, царскими, ургами, ... а сѣвернѣе, между Днѣпромъ и Дономъ, таянутся роксолане. Птолемей (3,5) помѣщаетъ роксоланъ и язиговъ вдоль по берегу Мѣотиды.

Конечно, нельзя требовать географической точности отъ этихъ писателей, особенно относительно племенъ номадныхъ, перекочевывающихъ въ извѣстное время года изъ одного края области въ другой; но нельзя не отмѣтить, что большинство племенъ, упоминаемыхъ писателями по Танаису, Мѣотидѣ и даже на западъ до Борисеена, представляютъ колѣна одного обширнаго племени сарматовъ. Такъ Страбонъ называетъ сарматами язиговъ, Птолемей тирангитовъ (иначе *Τυρανγίται*, *Τυρρηνίται*), Тацитъ — роксолановъ (*sarmatica gens*); Эфоръ считаетъ яксматовъ сарматскимъ народомъ, и это мнѣніе сохраняется въ анонимномъ „Периплѣ“, а также у Скимна и Стефана Византійскаго.

Къ какой же вѣтви народовъ относили сарматовъ древніе писатели? Конечно, ихъ этнографическія понятія бывають часто крайне смутны, но иногда они повторяють какое-нибудь народное преданіе о происхожденіи того или другого племени, и такія преданія представляютъ для насъ несомнѣнный интересъ. Такъ, по отношенію къ сарматамъ, Плиній сообщаетъ (6, 7), что, по слухамъ, они родственны съ мидянами: *Tanaim amnem colunt Sarmatae, Medorum, ut ferunt, soboles et ipsi in multa genera divisi*; Діодоръ Сицилійскій (2, 43) прямо утверждаетъ, что савроматы были поселены при Танаисѣ скиѣами, которые вывели ихъ изъ Мидіи.

Еще раньше Геродотъ, вѣроятно на основаніи показаній еракійцевъ, упоминаетъ о мидійскихъ выходцахъ еще западнѣе близъ Дуная. Онъ говоритъ (V, 9), что *σινηνναι* (*Σινύννοι*), какъ говорятъ, носятъ мидійскую одежду и называютъ себя выходцами изъ Мидіи, хотя прибавляетъ, что самъ онъ не можетъ понять, какимъ образомъ они могутъ быть колонистами мидянъ.

Трудно думать, что такое убѣжденіе древнихъ писателей въ родствѣ сарматовъ съ мидянами не имѣетъ никакого основанія. Мидяне и персы были хорошо извѣстны грекамъ и римлянамъ, и едва ли безъ основательной причины могла какому нибудь древнему географу явиться мысль сближать

между собою по происхождению два такіе другъ отъ друга отдаленные народа, какъ сарматы и мидяне. Мы можемъ не придавать значенія утвержденію Діодора Сицилійскаго, что сарматы были *выведены* скиѣами изъ Мидіи; но должны допустить, что это утвержденіе было вызвано желаніемъ объяснить положительный фактъ, представлявшійся страннымъ, именно этническую близость сарматовъ съ мидянами, состоявшую, конечно, въ томъ, что оба народа говорили близкими другъ къ другу иранскими языками. Родство сарматскаго языка съ мидо-персидскимъ должно было быть извѣстно грекамъ, изъ которыхъ многіе, вслѣдствіе извѣстныхъ отношеній къ персамъ, имѣли случай хорошо изучить персидскій языкъ. Впрочемъ, помимо сарматовъ, мидійское происхожденіе приписывалось, вѣроятно на такомъ же основаніи, придунайскимъ сигиннамъ, такъ что, по мнѣнію самихъ древнихъ писателей, иранство въ припонтійскихъ странахъ простиралось далеко на западъ.

Иранство сарматовъ можетъ найти нѣкоторое подтвержденіе со стороны лингвистической; изъ немногихъ, дошедшихъ до насъ у древнихъ писателей сарматскихъ личныхъ именъ нѣкоторыя отмѣчены яркими признаками иранства. Такъ, имя царя язиговъ Βασιδάσπος (у Діона Кассія 71, 16) содержитъ во второй части иранское асра—*комъ*, а въ первой, по видимому, причастную форму отъ глагольнаго корня *vaп*, авест. *vaп* — *поражать, побѣждать* (срав. авест. *vaпad-реѣапа*—побѣдоносная битва); имя другого царя язиговъ, упоминаемое тѣмъ же писателемъ, Ζαυτιχός, сводится къ иранскому глагольному корню *zap*—*рождать*, срав. авест. *zañtu*—*родъ, заñtuma*—*родичъ*; воинственный сарматскій крикъ *marha*, упоминаемый Амміаномъ Марцелиномъ (19, 11, 10), сопоставляется съ авестійск. *mañrka* — *смерть*, ново-перс. *marǵ* — *смерть*, осет. *марг* — *ядъ*. Намъ кажется возможнымъ объяснить изъ иранскаго также названіе одного изъ сарматскихъ народовъ Ῥωξολανοί, которое, по нашей этимологіи, значитъ *свѣтлые алане* (срав. бѣлые хорваты, сербы, угры и т. п.); съ словомъ Ῥωξ срав. авест. *raoṽs-па*—*свѣтлый*, осет. *рохс*—*свѣтъ*, *рохсаг*—*свѣтлый*. Мюленгофъ объясняетъ изъ иранскаго и названіе другого сарматскаго народа Ῥαζυγες, сопоставляя его съ авестрійскимъ *yaṽu* — *большой, высокій* ¹⁾. Но

¹⁾ Можетъ быть, къ Ῥαζυγες ближе имя прилаг. *yoziγ*—*бѣдный*, извѣстное намъ изъ иранскаго языка кавказскихъ евреевъ.

этимъ, кажется, и исчерпывается запасъ сарматскихъ именъ, входящихъ себѣ объясненіе изъ иранскаго.

Что касается свѣдѣній, сообщаемыхъ древними писателями о сарматахъ, то ими слѣдуетъ пользоваться съ крайней осторожностью въ виду того, что названіе *сарматы* только въ древнѣйшихъ источникахъ можетъ считаться этнографическимъ, въ позднѣйшихъ же оно становится понятіемъ географическимъ и обнимаетъ цѣлый рядъ народовъ, жившихъ въ разное время на огромномъ пространствѣ отъ Дуная и Карпатъ на западѣ, до Дона, Волги и Урала на востокѣ. Въ виду пристрастія писателей къ древнимъ народнымъ названіямъ, трудно опредѣлить, когда названіе сарматовъ стало чисто книжнымъ, когда ему перестала соответствовать извѣстная, опредѣленная народность. Во всякомъ случаѣ уже до Р. Х. къ сарматамъ причисляются вообще народы, извѣстные въ европейской и азіатской Сарматіи, хотя, быть можетъ, различные по языку и племени.

Мы видѣли, что первое и самое важное извѣстіе о савроматахъ принадлежитъ Геродоту, который помѣщаетъ ихъ на восточной сторонѣ Дона и сообщаетъ греческое преданіе объ ихъ происхожденіи ¹⁾. Они живутъ въ это время (V в.) въ кочевомъ быту на пространствѣ пятнадцати дней пути отъ угла Меотійскаго озера по направленію къ сѣверу ²⁾ и отдѣляются рѣкою Танаидомъ отъ царственныхъ скиновъ ³⁾. О бытѣ и нравахъ савроматовъ Геродотъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній, конечно потому, что такихъ свѣдѣній не имѣлось у понтіискихъ грековъ, такъ какъ торговый путь, ведшій чрезъ скинскія области на сѣверо-востокъ къ исседонамъ, не проходилъ чрезъ земли савроматовъ. Геродотъ сообщаетъ только анекдотическій рассказъ о происхожденіи савроматовъ отъ связи скинскихъ юношей съ амазонками, рассказъ несомнѣнно греческаго происхожденія и сочиненный досужей фантазіей какаго нибудь грека съ цѣлью объяснить тотъ фактъ, что сарматскія жены сопровождали мужей на войнѣ, были отважными наѣздниками и одѣвались одинаково съ мужчинами ⁴⁾.

¹⁾ Кн. IV. 117.

²⁾ Кн. IV гл. 21.

³⁾ Тамъ же гл. 57.

⁴⁾ Тамъ же гл. 116.

Не придавая значенія баснѣ объ амазонкахъ, все же слѣдуетъ отмѣтить черту сарматскихъ нравовъ, вызвавшую эту басню и замѣтить, что женщина занимала у сарматовъ иное положеніе, чѣмъ у ихъ сосѣдей скиѳовъ по сю сторону Дона. Едва ли можно также считать простымъ вымысломъ два другія показанія Геродота, что сарматы произошли отъ скиѳовъ и что они „говорятъ языкомъ скиѳскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ“¹⁾. Происхожденіе сарматовъ отъ скиѳовъ, конечно, не домыслы самого Геродота или грековъ, а свѣдѣніе, полученное Геродотомъ вѣроятно въ Ольвіи и основанное на увѣреніи самихъ скиѳовъ. Геродотъ, заноса это извѣстіе, не замѣчаетъ, что оно не согласуется съ тѣмъ мнѣніемъ о происхожденіи скиѳовъ — именно ихъ пришествіемъ изъ Азіи въ VII в., — которое ему самому кажется наиболее вѣроятнымъ²⁾. Возводя происхожденіе сарматовъ къ встрѣчѣ скиѳовъ съ амазонками, онъ возводитъ начало сарматскаго народа ко временамъ полумифической старины, къ которой относится битва грековъ съ амазонками у р. Термодонта. Такое противорѣчіе у Геродота объясняется именно тѣмъ, что онъ точно передаетъ слышанное имъ преданіе о происхожденіи сарматовъ отъ скиѳовъ, не пытаясь хронологически согласить его съ другимъ преданіемъ о приходѣ скиѳовъ, въ значительно болѣе позднее время, изъ Азіи. Точно такъ же на показаніи скиѳовъ основано и сообщеніе, что сарматскій языкъ есть тотъ же скиѳскій, но нѣсколько искаженный. Это извѣстіе слѣдуетъ толковать въ томъ смыслѣ, что оба народа говорили на діалектахъ одного языка, причемъ скиѳы, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, считали свое нарѣчіе наиболѣе чистымъ. Изъ этихъ скудныхъ извѣстій Геродота о савроматахъ, повидимому, можно вывести, что скиѳы (точнѣе — часть ихъ) и сарматы были колѣнами одного народа, различавшимися діалектически, а также въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, причемъ главное отличіе между ними было въ положеніи женщинъ.

Ближайшій къ Геродоту писатель, сообщающій нѣкоторыя свѣдѣнія о скиѳахъ и сарматахъ, Гиппократъ (470—376 до Р. Х.) сохранилъ для насъ слѣдующее извѣстіе

¹⁾ Глава 117.

²⁾ Кн. IV гл. 11.

о сарматскихъ женщинахъ: „Въ Европѣ есть народъ скифскій, живущій у Мэотійскаго озера, который *значительно* отличается отъ другихъ народовъ; названіе этого народа — савроматы. Ихъ женщины ѣздятъ на лошадяхъ, стрѣляютъ изъ луна, мечутъ дротики, сидя на лошадяхъ, и сражаются съ непріятелями, пока еще дѣвственны. Онѣ не выходятъ замужъ, пока не убьютъ трехъ непріятелей, и не живутъ съ мужьями, пока не принесутъ жертвъ, предписанныхъ закономъ. Выйдя замужъ, онѣ перестаютъ ѣздить верхомъ, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда приходится всѣмъ отправляться въ походъ. У нихъ нѣтъ правой груди, потому что пока онѣ еще находятся въ раннемъ дѣтствѣ, матеря выжигаютъ раскаленнымъ мѣднымъ инструментомъ у нихъ правой сосокъ, такъ что онѣ теряютъ способность расти и вслѣдствіе силы и изобиліе соковъ переходитъ въ правое плечо и руку“¹⁾. Едва ли во всѣхъ подробностяхъ можно довѣрять этому извѣстію о сарматскихъ женщинахъ: такъ, можетъ быть, по названію о томъ, что у нихъ выжигалась правая грудь основана на народной этимологіи иностраннаго имени Ἀμαζών, которое греки могли сблизить съ α (priv.) и μάχος — сосокъ; но во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ главномъ фактѣ, въ участіи сарматскихъ дѣвушекъ въ войнѣ наравнѣ съ мужчинами. Приуроченіе классическаго преданія объ амазонкахъ въ Мэотидѣ и Кавказу²⁾, повидимому, находится въ какой то связи съ тѣмъ, что у черкесовъ до сихъ поръ сохраняется преданіе о воинственныхъ женщинахъ. Это преданіе было записано Рейнегтсомъ³⁾ и потомъ проверено другими путе-

¹⁾ De Aetibus, aquis et locis, 15. См. перев. г. Гана въ Извѣстіяхъ древнихъ греч. и римск. писателей о Кавказѣ.

²⁾ Страбонъ говоритъ, слѣдуя Метродору Скепсію и Гипсирату, что Амазонки жили въ смежности съ Гаргареями (Γαργάρεις) у подножій по сѣверному скату той части Кавказа, которая извѣстна подъ названіемъ Кераунскихъ горъ. Срав. также Плутарха, Vita Romae, гл. 35. Амазонки на Кавказѣ занимаютъ полосу земли, простирающуюся вдоль къ Гирканскому морю. Впрочемъ земля ихъ не граничитъ съ землею абхазцевъ, но между ними живутъ еще Гелы (Γέλας) и Лези (Λέζης). Съ этими народами онѣ сходятся ежегодно на два мѣсяца у рѣки Оериодонта, послѣ чего опять удаляются и живутъ отдѣльно. Ср. также: Аппіанъ, Рим. Ист., о Митридатѣ 103.

³⁾ Beschreibung des Kaukasus, I. 238.

ишественниками ¹⁾. Приводимъ его со словъ бар. Услара ²⁾. „Въ то время, рассказываютъ черкесы, когда предки наши жили еще на берегахъ Чернаго моря, вели они частыя войны съ *еммечъ*. Такъ назывались воинственные женщины, жившія около Сванетіи и къ востоку до Ахло-Кабакъ (въ малой Кабардѣ). Онѣ не пускали къ себѣ мужчинъ, но принимали всѣхъ женщинъ, которыя желали участвовать въ военныхъ подвигахъ ихъ. Нѣкогда, послѣ многихъ переворотовъ военного счастья, оба ополченія сошлись для рѣшительнаго боя. Вдругъ предводительница *еммечей*, которая слыла за великую пророчицу, потребовала свиданія наединѣ съ Тульме, предводителемъ черкесовъ, который тоже обладалъ даромъ пророчества. Поставленъ былъ шатеръ, въ которомъ сошлись пророкъ съ пророчицей. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, предводительница *еммечей* вышла и объявила своимъ женщинамъ, что она, склонясь на вѣщія убѣжденія Тульме, вступаетъ съ нимъ въ супружество, прекращаетъ вражду и что оба ополченія должны послѣдовать примѣру своихъ военачальниковъ. Такъ и случилось. Женщины вступили въ супружество съ черкесами и разошлись съ ними по настоящимъ ихъ жилищамъ³⁾. Эта туземная легенда такъ близко подходитъ къ разсказу Геродота о происхожденіи сарматовъ, что можно думать (говоритъ бар. Усларъ), что она дошла до слуха греческихъ колонистовъ, которые передали ее Геродоту съ легкими добавленіями и съ измѣненіями театра дѣйствія. Даже названіе *еммечъ* близко подходитъ къ названію *амизонокъ*, если откинуть окончаніе и припомнить, что въ греческомъ алфавитѣ нѣтъ буквы ч⁴⁾. Мнѣніе, будто бы въ глубинъ кавказскихъ горъ, и именно къ сѣверу отъ Сванетіи вблизи Эльбруса, живутъ воинственные женщины, существовало въ Мингреліи не далѣе какъ два вѣка тому назадъ. Патеръ Ламберти ⁴⁾ разсказываетъ, что сванеты и ка-

¹⁾ Potocky—Voyage dans les steps etc. I 225, II 77.

²⁾ Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ, стр. 515 въ Сборн. Свѣд. о Кавказ. горцахъ, т. X.

³⁾ Не имѣя никакихъ данныхъ для вопроса о происхожденіи греч. названія *Амиζόνες*, мы полагаемъ, что это имя было искажено предками Адигѣ, слышавшими его отъ грековъ въ имя *еммечъ*, не имѣющее этимологіи въ кабардинскомъ.

⁴⁾ Recueil des voyages au Nord VII, pp. 180, 181.

рачаевцы отразили напавших на них черкесовъ и что въ числѣ убитыхъ найдено было множество женскихъ тѣлъ. Дадіану, сванетскому князю, было принесено полное вооруженіе этихъ женщинъ и патеръ Ламберти описываетъ его во всей подробности. Дадіанъ, присовокупляетъ онъ, объявилъ, что дастъ большую награду тому, кто приведетъ къ нему одну изъ этихъ женщинъ живою.

Итакъ мы видимъ, что на сѣверномъ Кавказѣ долго и упорно держалось преданіе о воинственныхъ женщинахъ, которое было сообщено еще Геродоту о сарматкахъ. Едва ли можно думать, чтобы это преданіе не было основано на реальномъ фактѣ, хотя, можетъ быть, послѣдній и былъ приукрашенъ народною фантазіей. Любопытно, что черкесское преданіе указываетъ даже мѣста, гдѣ жили воинственными *аммечъ*; это гдѣ то около (т. е. на сѣверѣ) Сванетіи и въ восточной части нынѣшней Кабарды. Припомнимъ, что на сѣверѣ отъ сванетовъ живутъ въ настоящее время горскіе татары, но что эти мѣста, какъ доказываютъ топографическія названія, раньше были заняты осетинами, часть которыхъ, дигорцы, до сихъ поръ частью пограничны со Сванетіей. Изъ этого, повидимому, вытекаетъ, что черкесы, въ глубокой древности, воевали съ *аммечъ* на территоріи предковъ нынѣшнихъ осетинъ. Съ другой стороны, по мингрельскому извѣстію, воинственныя женщины оказываются у самихъ черкесовъ, если вѣрить сообщенію патера Ламберти, а жили онъ около Эльбруса, опять таки въ мѣстахъ, нѣкогда принадлежавшихъ осетинамъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, въ нартскихъ осетинскихъ сказаніяхъ не сохранилось намековъ на воинственныхъ дѣвъ, быть можетъ, вслѣдствіе мусульманскаго вліянія, которое сильно отразилось на положеніи женщины вообще у кавказскихъ народовъ. Есть впрочемъ преданіе,

¹⁾ Припомнимъ, что по армянскому извѣстію, занесенному Моисеемъ Хоренскимъ въ его исторію Арменіи изъ пѣсенъ готхенскихъ пѣвцовъ, дочь царя алановъ (оссовъ) Сатинникъ играетъ значительную роль въ войнѣ армянъ съ аланами. Она самостоятельно переговаривается съ армянскимъ царемъ Арташесомъ и въ пѣсняхъ поется, что Арташесъ поймалъ ее арканомъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ и увлекъ въ свой лагерь. Пѣснь такъ отрывочна, что трудно судить, была ли Сатинникъ *воинственной* дѣвой, но послѣднее возможно. См. перев. Эммина, стр. 122.

что въ древности женщины въ Осетіи пользовались большою свободой и раздѣляли съ мужчинами опасности войны и охоты, искусно владѣя оружіемъ. Вообще при постоянныхъ военныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ въ теченіе многихъ вѣковъ протекала жизнь кавказскихъ народовъ, естественно, что воинственность мужчинъ отразилась и на женщинахъ. Такъ, напримѣръ, абхазская женщина въ дѣтствѣ училась владѣть холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, умѣя совершенно необходимому въ виду того, что абхазцы, отправляясь на грабежъ и разбой, часто оставляютъ свои семьи на продолжительное время, и женщины должны умѣть защищаться въ случаѣ какого нибудь нападенія; иногда же женщины сопровождаютъ и сами мужей въ ихъ ночныхъ походахъ¹⁾. Понятно, что въ глубокой древности въ той части Сарматіи, которая прилежала къ Кавказу и Мѣотидѣ и гдѣ жили предки осетинъ и адигскихъ народовъ, типъ воинственныхъ женщинъ, раздѣлявшихъ съ мужчинами опасности воинскихъ набѣговъ, былъ широко распространенъ и извѣстія о нихъ, доносясь до понтійскихъ грековъ, конечно, въ приукрашенномъ видѣ, должны были вызвать приуроченіе преданія объ амазонкахъ къ этимъ мѣстамъ Азіатской Сарматіи.

Возвращаемся послѣ этого отступленія къ другимъ свидѣтельствамъ древнихъ о сарматахъ.

У Плинія, какъ мы выше видѣли, сохранилась любопытная замѣтка, что сарматовъ, жившихъ около береговъ Танаиса, считали потомками мидянъ²⁾. Однако тотъ же писатель употребляетъ названіе сарматовъ, какъ географическій терминъ. Такъ, онъ говоритъ, что сарматы раздѣляются на многія племена, изъ коихъ первымъ считаются савроматы „побѣжденные женщинами“, потому что амазонки принудили ихъ сойтись съ ними. Въ другомъ мѣстѣ (VI, 5, 2) онъ помѣщаетъ на кавказскомъ хребтѣ сарматское племя эпигеритовъ (*Epi-geritae*), а за нимъ *савроматовъ*; далѣе, при перечисленіи народовъ восточнаго Кавказа, онъ говоритъ объ албанцахъ: народъ албанцы распространены на Кавказскихъ горахъ и

¹⁾ См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. IV, 1884 г. статью г. Мачаваріани о положеніи женщины въ Абхазіи.

²⁾ Hist. Nat. VI, 7, 1.

земля ихъ простирается до рѣки Кира (Куры), составляющей границу между Арменіей и Иберіей. За этииъ берегомъ и за удинами живутъ *сарматы*, утидорсы (аорсы?) и аротеры (?), а за ними савроматскія амазонки ¹⁾. Очевидно, что эти извѣстія, выхваченныя изъ разныхъ источниковъ безъ критики, не даютъ намъ точнаго понятія о территоріи сарматовъ, но они доказываютъ, что это нѣкогда этническое названіе получило такой же характеръ географическаго понятія, какъ названіе скифовъ.

У Страбона также названіе сарматовъ терминъ географическій: „гора Кавказъ, говоритъ онъ ²⁾, тинется надъ обоими морями, Понтскимъ и Каспійскимъ, укрѣпляя стѣнами тотъ перешеекъ, который раздѣляетъ моря. Съ южной стороны гора отдѣляетъ Албанію и Иберію, а съ сѣверной *пола сарматическа*“. Въ другомъ мѣстѣ говорится: „подлѣ скифовъ живутъ *сарматы*, а также скифы (?) аорсы и сираки, простирающіеся къ югу до Кавказскихъ горъ ³⁾. Сарматы и скифы помышляютъ тѣмъ же географомъ ниже роксоланъ (живущихъ выше Борисеена) и простираются до мѣстъ жительства восточныхъ скифовъ ⁴⁾“.

Другой географъ (I-го в. по Р. Х.) Помпоній Мела, говоря о сарматахъ, находитъ, что по внѣшнему виду и оружію они всего ближе къ парянамъ, но отличаются болѣею дикостью ⁵⁾. Это сближеніе сарматовъ съ арійскими парянами могло бы быть сопоставлено съ указаніями Плинія и Діодора Сицилійскаго на индійское происхожденіе сарматовъ. Но къ сожалѣнію во времена Мелы имя сарматовъ не обнимало уже одного опредѣленнаго народа. Нельзя также воспользоваться, какъ этнографической чертою, указаніемъ Тацита, противопоставляющаго тѣсно облегающую одежду германцевъ—широкой, развѣвающейся одеждѣ сарматовъ и парявъ ⁶⁾. Вообще

¹⁾ Н. N. VI, 15, 1.

²⁾ Кн. XI, гл. 2, 15.

³⁾ Кн. XI, гл. 2, 1.

⁴⁾ II, 5, 7.

⁵⁾ Du situ orbis, III, 4: gens habitu armisque Parthicae proxima, verum ut coeli asperioris ita ingenii.

⁶⁾ Germania XVII. Locupletissimi (Germanorum) veste distinguuntur non fluitante sicut Sarmatae et Parthi, sed stricta et singulos artus exprimente.

на образъ жизни сарматовъ мы имѣемъ лишь крайне неопредѣленные указанія, изъ которыхъ можно только вывести, что они жили въ кочевомъ состояніи, занимались скотоводствомъ и грабежомъ. Какъ мало страны, лежащія по лѣвому берегу Дона (т. е. территорія сарматовъ), были извѣстны грекамъ еще въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х., видно изъ показанія Страбона. „Выше устьевъ Танаида, говоритъ этотъ географъ, только небольшая часть рѣки извѣстна, причиною чего холодъ и бѣдность лежащихъ тамъ странъ. Такія неудобства могутъ быть переносимы туземцами, которые по обычаю номадовъ питаются мясомъ и молокомъ, но они невыносимы для иностранцевъ. Кромѣ того, номады, будучи негостепріимными въ иностранцамъ, будучи многочисленными и сильными, закрываютъ доступъ въ тѣ части страны, которыя сколько нибудь доступны, или въ рѣкамъ, позволяющимъ плаваніе вверхъ... На рѣкѣ (Танаидѣ) находится городъ того же имени... Онъ служилъ общимъ мѣстомъ торговли для азіатскихъ и европейскихъ кочевниковъ съ одной стороны, а съ другой для народовъ, прибывающихъ на судахъ въ (Меотійское) озеро изъ Боспора. Первые (кочевники) доставляютъ рабовъ, кожи и другіе предметы кочевниковъ, вторые (пріѣзжіе торговцы) привозятъ для обмѣна платье, вино и прочіе предметы, свойственные нашему образу жизни“¹⁾. Эти слова Страбона указываютъ намъ на значеніе, которое имѣлъ городъ Танаидъ для сарматовъ и другихъ кочевыхъ племенъ территоріи Дона, какъ торговый центръ, гдѣ сталкивались культурные народы юга съ полудикими кочевниками, и вмѣстѣ съ тѣмъ уясняютъ, почему въ греческихъ танаидскихъ надписяхъ мы находимъ такое множество варварскихъ личныхъ именъ, и въ томъ числѣ множество иранскихъ.

Въ виду неопредѣленности названія сарматовъ въ періодъ около Р. Х. и въ послѣдующіе вѣка мы не считаемъ возможнымъ воспользоваться тѣми этнографическими данными, которыя сообщаются о сарматахъ у греческихъ и римскихъ писателей²⁾. Затѣмъ уже съ первыхъ вѣковъ нашей эры въ

¹⁾ XI, гл. 2, 2 и 3.

²⁾ Такъ о наружности сарматовъ говоритъ Клавдій Клавдіанъ (XIV, 15) писатель 4-го в. по Р. Х., что они *русы*; Овидій (Trist. V, 7, 17) приписываетъ имъ бородатость и дикій видъ; Плиній (XXII, 1) говоритъ объ

мѣстахъ, гдѣ Геродотъ и другіе писатели помѣщали сарматовъ, оказываются новыя имена народовъ, причисляемыхъ къ сарматамъ, какъ имена видовыя къ родовому. Таковы аланы, роксоланы, изиги и друг., причемъ мы опять не можемъ составить себѣ понятія о томъ, отличались-ли эти народы въ своемъ быту отъ древнихъ сарматовъ Геродота. Выше мы привели свидѣтельства писателей объ алавахъ и старались показать, что подъ этимъ именемъ, столь же расплывчатымъ, какъ имя сарматовъ, должны были въ числѣ другихъ племенъ скрываться и иранцы, предки осетинъ. Привода данныя въ подтвержденіе этой мысли, мы ничего не говорили объ языкѣ алановъ, въ виду того, что свидѣтельства объ этомъ языкѣ крайне скудны. Тѣмъ не менѣе считаемъ не лишнимъ привести единственное, на сколько намъ извѣстно, упоминаніе объ этомъ языкѣ, содержащееся въ приписываемомъ Луціану (2-го в. по Р. Х.) сочиненіи. Въ Токсарисѣ (51), выводится скивъ Маконтъ въ роли алана, причемъ авторъ говоритъ: такъ сказалъ Маконтъ, будучи по вооруженію и языку подобенъ аланамъ: ибо это (одежда и языкъ) обще аланамъ со скивами, съ тѣмъ различіемъ, что аланы не отрицаютъ себѣ такихъ волосъ какъ скивы¹⁾. Нельзя думать, говоритъ Цейсъ²⁾, что это свидѣтельство о тождественности вооруженія и языка скивовъ и алановъ сочинено Луціаномъ, такъ какъ этотъ писатель обнаруживаетъ и болѣе точныя свѣдѣнія о нравахъ скивовъ и сѣверныхъ приконтійскихъ народовъ. Съ своей стороны замѣтимъ, что хотя это извѣстіе весьма удобно для тѣхъ, которые считаютъ скивскій языкъ иранскимъ (что и намъ съ извѣстными ограничениями кажется болѣе вѣроятнымъ), однако воспользоваться

употребительности у нихъ татуировки. Одеждой имъ служили: плащъ безъ рукавовъ, открытый спереди и державшійся на плечахъ посредствомъ застежки (все это очень напоминаетъ кавказскую бурку) и шаровары; голова покрывалась башлыкомъ; женщины носили длинныя платья, туники или куртки со шнурками, на головахъ носили шапки вроде шашиновъ (что опять напоминаетъ черкесскіе серебряныя женскіе шапки) см. Ovid. Trist. V, 7, 49, III, 10, 19, Tacit. Germ. 17; Lucan. I, 430.

1) Ταῦτα δὲ ἔλεγεν ὁ Μακόντης ὁμόσκιμος καὶ ὁμόγλωττος τοῖς Ἀλανοῖς ὦν, κοινὰ γὰρ ταῦτα Ἀλανοῖς καὶ Σκύθαις πλὴν ὅτι οὐ πάντε κομῶσιν οἱ Ἀλανοὶ ὡς περ οἱ Σκύθαι.

2) Die Deutschen u. die Nachbarstämme, p. 703.

появленіемъ діалога, *примисляемо* Лупіану, мы не считаемъ возможнымъ именно вслѣдствіе того, что въ это время *жили* было понятіе географическое а не этническое и могло обнимать, помимо той народности, къ которой принадлежали *древнѣйшіе* скифы временъ Геродота, другія народности, быть можетъ, болѣе поздняго происхожденія.

Изъ названій, упоминаемыхъ какъ аланскія, одно несомнѣнно иранскаго происхожденія: это названіе города Θεοδοσία 'Ардаβда (см. разборъ выше на стр. 76), которое, по свидѣтельству анонимнаго составителя перипла Чернаго моря, на языкѣ тавровъ или аламовъ значитъ *семьбожнй*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ извѣстіи имя тавры употреблено, какъ древнее названіе крымскихъ народовъ и что народъ, называвшійся Θεοδοσίῳ 'Ардаβδᾶ, были аланы. Отмѣтимъ также, что у византійскихъ и латинскихъ писателей встрѣчается нѣсколько личныхъ аланскихъ именъ, изъ коихъ нѣкоторые, по видимому, находятъ объясненіе въ осетинскомъ. Такими: Βεοργος — м. б. объяснимо изъ осет. беуръ — много, и гор-ун — просить; Εοσχαг — м. б. сопоставлено съ осет. јеушар — прозо (јеу) ѣднѣй (отъ хуар-ун — воть), 'Αραβᾶτης м. б. объяснимо изъ осет. арвадъ — родичъ, братъ; Χασχάρης м. б. отъ хас — полный и қар — сила¹⁾; 'Ιταζης — ср. осет. ітадъ — вдовый, 'Αρδαβούριος — срав. для первой части осет. ард — князья, вторая часть намъ не ясна. Но есть и такіе, которые не поддаются иранской этимології (Γοδρ, Ρωσδῆτης, Καυρῶτης, 'Ιτῆλης, Τσιῆρης) и вообще въ виду искаженій, которымъ въ рукописяхъ особенно часто подвергаются собственные имена, имъ не можемъ и разбору аланскихъ именъ придавать болѣе важное значеніе, особенно же въ виду того, что и къ иранскимъ аланамъ могли переходить неиранскія имена, и подъ аланами могли скрываться народы разнаго происхожденія.

Резюмируемъ теперь въ главныхъ чертахъ ходъ нашего изслѣдованія о прошломъ осетинъ и о происхожденіи этого народа.

Обозрѣвая территорію, занимаемую въ настоящее время осетинами на Кавказѣ, мы указали въ топографической по-

¹⁾ Впрочемъ м. б. вторая часть этого имени объясняется изъ иранскаго *кага въ концѣ сложенія *оплающий*, ср. 'Αρχαί-καροι — названіе гадателей у веспоранцевъ (Strabo XVI, 762).

менклатурѣ областей на западъ отъ нихъ слѣды того, что осетинскія поселенія доходили нѣкогда до верхняго теченія Кубани, откуда осетины были вытѣснены тюркскимъ племенемъ, котораго потомками являются карачаевцы, урусбиевцы, чегемцы и балкарцы. Первые столкновения осетинъ съ тюрками, начавшіяся вѣроятно съ появленіемъ гунновъ, продолжаются въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ при владычествѣ хазаръ и пріазовскихъ болгаръ. Постепенное давленіе тюркскихъ племенъ на сѣверномъ Кавказѣ было главной причиной постепеннаго сокращенія древней территоріи осетинъ. Иранское племя, отъ котораго сохранился въ настоящее время лишь незначительной остатокъ, въ древности занимало своими кочевьями огромную территорію, которая, можетъ быть, простиралась на сѣверъ отъ западной части кавказскаго хребта до восточнаго берега Мѣотиды и нижняго теченія Дона; сѣверные и восточные предѣлы этой иранской территоріи не могутъ быть опредѣлены даже приблизительно. Существованіе иранскаго языка въ названныхъ предѣлахъ доказывается лингвистическимъ разборомъ личныхъ „варварскихъ“ именъ въ греческихъ танаидскихъ надписяхъ. На западъ отъ этой иранской территоріи, на средней и нижней Кубани и ея притокахъ въ нынѣшней Кубанской области жили древніе сосѣди иранцевъ касожскія или адигейскія племена, доходившія на западъ до береговъ Мѣотиды и Чернаго моря. Полное исчезновеніе иранскаго элемента въ большей части выше названныхъ предѣловъ—на Мѣотидѣ, нижнемъ Донѣ и сѣверо-кавказской плоскости—указываетъ прежде всего на то, что сравнительно съ обширностью территоріи иранское населеніе не было густо. Не слѣдуетъ забывать, что такое отношеніе количества населенія къ территоріи есть обычное явленіе въ кочевомъ быту, въ виду того, что скотоводство вообще требуетъ значительнаго пространства для прокормленія населенія. Если мы читаемъ у западныхъ и византійскихъ писателей извѣстія о томъ, что аланы, въ составъ которыхъ входили и предки осетинъ, были народъ сильный и воинственный, снаряжавшій въ битвы многочисленныя войска, и если съ другой стороны грузинская лѣтопись говоритъ о вторженіяхъ оссовъ въ Закавказье съ значительными силами (иногда 40,000 всадниковъ), то и въ этихъ фактахъ нельзя видѣть доказательства густоты аланскаго или осскаго населенія на сѣверѣ

Кавказа, во-первыхъ, потому, что процентъ готовыхъ къ битвѣ воиновъ у номадныхъ народовъ вообще несравненно большій по отношенію къ общему числу населенія, чѣмъ у народовъ осѣдлыхъ, земледѣльческихъ, во-вторыхъ, потому, что къ войску одного народа, отправляющемуся на войну, т. е. за добычей, обыкновенно присоединяется много добровольцевъ изъ ближайшихъ сосѣдей, такъ что контингентъ аланскаго войска могъ состоять и не изъ однихъ алановъ ¹⁾).

Что касается времени, когда окончательно иранскіе предки осетинъ исчезли съ Кавказской равнины, а также съ Мѣотида и Дона, то съ достаточной точностью оно не можетъ быть опредѣлено. Еще въ X в., судя по извѣстію нашей лѣтописи о пораженіи Святославомъ ясовъ и касоговъ послѣ взятія Саркела, можно думать, что часть ясовъ еще жила въ плоскости близъ Дона. Послѣ паденія хазарскаго могущества, другое сильное тюркское племя, половцы, должно было стать въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ясами и тѣснить ихъ отъ Дона и съ Кавказской равнины въ горы. Но вѣроятно окончательно исчезъ иранскій слой населенія въ этихъ мѣстахъ послѣ погрома Кавказа полчищами Чингисъ-хана въ 1-й четверти XIII в. Вспомнимъ замѣтку Вахушты (см. стр. 35), что послѣ опустошенія Оссети татарами и бѣгства оссовъ на Кавказъ, Осетія была названа Черкезъ и Кабарда. Это извѣстіе слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что мѣста на плоскости, раньше принадлежавшія осетинамъ, были впослѣдствіи заняты адигейскими племенами, которыя, подобно осетинамъ, были также тѣснимы съ запада на востокъ и къ горамъ. Самое сильное и многочисленное изъ адигейскихъ племенъ—кабардинцы—удержалось на плоскости до нашихъ дней и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ держало замкнувшихся и запертыхъ въ горахъ осетинъ въ экономической зависимости отъ себя. „Заграждая осетинамъ, говоритъ М. М. Ковалевскій ²⁾, и въ частности дигорцамъ, доступъ къ нѣкогда занимаемой ими сѣверной плоскости, кабардинцы пріобрѣли тѣмъ самымъ возможность непосредственнаго вліянія на своихъ горскихъ сосѣдей... Весною, когда снѣгъ еще не сошелъ

1) Вспомнимъ, что по грузинскимъ свидѣтельствамъ оссы обыкновенно являются въ Закавказьѣ съ дурдзуками, леками и *народами свѣра*.

2) Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 28.

съ занимаемыхъ ими горныхъ покатоствъ, дигорцы высылаютъ свой скотъ на кабардинскія пастбища; изъ Кабарды же получаютъ они въ случаѣ частыхъ въ ихъ странѣ неурожаевъ, необходимое для пропитанія просо, а также нужную имъ соль. Въ свою очередь, кабардинцы высылаютъ лѣтомъ, когда ихъ поля сожжены солнцемъ, весь свой скотъ въ Дигорию, на ея горныя пастбища...

Эта экономическая зависимость горскихъ жителей отъ плоскостныхъ повела даже къ установленію особой дани, которою княжескій кабардинскій родъ Тау-Султановыхъ облагалъ еще во второй половинѣ XVIII в. нѣкоторые дигорскія селенія¹⁾. Прослѣдить судьбы осетинъ въ теченіе этого періода, по недостатку данныхъ, нѣтъ возможности; но въ главныхъ чертахъ представить себѣ ихъ жизнь можно слѣдующимъ образомъ: 1) Вслѣдствіе замкнутости территоріи, затруднительности выхода на плоскость, недостаточности земли годной для земледѣльческой культуры, число осетинъ должно было значительно сокращаться: этому содѣйствовали также повальные болѣзни, неурожаи и войны между отдѣльными обществами¹⁾. 2) Загнанные изъ плоскости обильной пастбищами на горы, предки осетинъ должны были привыкать къ горнымъ условіямъ жизни, заняться земледѣліемъ и научиться искусственному орошенію пахотныхъ участковъ, безъ котораго въ горахъ не могутъ быть получаемы урожаи. 3) Вслѣдствіе сосѣдства съ болѣе сильными кабардинцами, державшими осетинъ въ экономической зависимости, послѣдніе должны были въ нѣкоторыхъ формахъ быта подчиниться ихъ вліянію: этимъ вліяніемъ объясняется развитіе въ средѣ сѣверныхъ осетинъ сословной организаціи, по своему типу во многомъ сходной съ той, какая развилась въ средѣ самихъ кабардинцевъ съ XIII в. эпохи занятія ими сѣверо-кавказской плоскости²⁾; изъ Кабарды же главнымъ образомъ шла мусульманская пропаганда въ среду осетинъ, изъ которыхъ многіе смѣнили на ученіе корана свое древнее одичавшее христіанство; кабардинское вліяніе отразилось и на одеждѣ, вооруженіи, домашнемъ и общественномъ этикетѣ, такъ какъ

¹⁾ См. напримѣръ: Преданіе о войнахъ алагирцевъ съ дигорцами. Осет. этюды I, стр. 138 и слѣд.

²⁾ М. Ковалевскій. Ibid. стр. 29.

во всемъ этомъ воинственное и могучее племя кабардинцевъ считалось образцомъ для подражанія у всѣхъ своихъ сосѣдей ¹⁾).

Таковы были главные факты исторіи сѣверныхъ осетинъ вплоть до періода ихъ подчиненія русскимъ, періода, въ которомъ начинается значительное измѣненіе къ лучшему прежнихъ тяжелыхъ условій ихъ жизни.

Что касается южныхъ или закавказскихъ осетинъ, мы видѣли (гл. I, стр. 34), что они приблизительно уже со временъ династїи багратидовъ на грузинскомъ престолѣ подпадаютъ подъ культурное и политическое вліяніе Грузїи. Опредѣлить болѣе точно время, когда туальцы (или по крайней мѣрѣ часть ихъ) подпали окончательно подъ вліяніе грузинскихъ феодаловъ, невозможно по недостатку историческихъ данныхъ. „Несомнѣнно только то, что въ эпоху водворенія въ странѣ русскаго владычества, туальцы были подчинены двумъ грузинскимъ княжескимъ фамиліямъ: Эристовыхъ и Мачабеловыхъ“ ²⁾). Такова въ общихъ чертахъ историческая судьба предковъ нынѣшнихъ осетинъ.

Резюмируя все выше изложенное по другому вопросу, вопросу о происхожденіи осетинъ и ихъ появленіи на сѣверномъ Кавказѣ, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

1. Осетины принадлежатъ по языку къ иранской группѣ индоевропейской семьи народовъ, къ которой относятся многіе народы въ передней и средней Азіи — персы, афганцы, балучи, нѣкоторые памирскія племена, а на Кавказѣ курды, талышшцы и таты.

2. Предкомъ осетинскаго языка было одно изъ нарѣчій, развившееся въ сѣверной части древнѣйшей территоріи, занятой иранцами, приблизительно на сѣверѣ отъ Оксуса и Яксарта въ степяхъ Средней Азіи.

3. Выдѣленіе этого нарѣчія изъ общеиранскаго праязыка восходитъ къ доисторическимъ временамъ, къ періоду существовавшему началу исторической жизни культурныхъ народовъ Ирана—мидійцевъ и персовъ.

¹⁾ Въ виду того, что подробное изложеніе этого вліянія кабардинцевъ на осетинъ не входитъ въ планъ нашего изслѣдованія, отсылаемъ читателя къ превосходной работѣ М. Ковалевскаго, особенно къ т. I-му.

²⁾ См. М. Ковалевскій. Ibid. стр. 22 и слѣд.

4. Предки осетинъ входили въ составъ тѣхъ иранскихъ кочевыхъ племенъ, которыя были извѣстны за многія столѣтія до Р. Х. подъ именемъ сарматовъ и отчасти скиновъ, и занимали припонтійскія и пріазовскія степи на протяженіи отъ нижняго Дуная (гдѣ они сталкивались съ еракійскими племенами) до Волги и Урала. Можетъ быть, къ тѣмъ же иранскимъ племенамъ принадлежали далѣе на востокѣ массагеты и нѣкоторыя другія племена, извѣстныя древнимъ персамъ подъ именемъ саковъ. Но можно допустить и другое предположеніе, что названіе Sakā уже въ древности имѣло характеръ не этнографическій и обнимало вообще кочевыя и разбойничьи племена Турана, вторгавшіяся въ Иранъ, безъ отношенія къ ихъ національности, такъ что подъ этимъ названіемъ могли скрываться, на равнѣ съ кочевниками иранскими, и кочевники урало-алтайской вѣтви. Во всякомъ случаѣ, сѣверныя иранскія племена, къ которымъ относились сарматы, частью скины, быть можетъ, массагеты, племена отъ которыхъ мы ведемъ предковъ осетинъ, были искони еще въ Азіи ближайшими сосѣдями урало-алтайскихъ племенъ. Вѣроятно натискъ послѣднихъ племенъ на иранцевъ съ сѣвера и востока былъ основною причиною, вызвавшей движеніе иранцевъ на западъ въ Европу.

5. Согласно съ этимъ, путь, которымъ слѣдовали предки осетинъ (сармато-скинскія племена) изъ среднеазиатскихъ степей шелъ на сѣверъ отъ Каспія, чрезъ р. Уралъ и Волгу. Предки осетинъ не пришли въ мѣста занимаемыя въ настоящее время этимъ народомъ изъ Азербейджана (Мидіи).

6. Наконецъ согласно со всѣмъ тѣмъ, что изложено нами въ главѣ III объ аланахъ, сарматахъ и въ экскурсѣ о скинахъ, мы должны принять, что поселеніе иранцевъ въ припонтійскихъ и пріазовскихъ областяхъ, а въ томъ числѣ и предковъ осетинъ, произошло по меньшей мѣрѣ раньше X в. до Р. Х. Другими словами, предки осетинъ не могли появиться на сѣверо-кавказской равнинѣ, у Дона и Мэотиды, позже временъ Геродота. Вѣроятно, до Р. Х. отдѣльные роды предковъ осетинъ занимали уже и нѣкоторыя долины сѣвернаго склона кавказскаго хребта, хотя окончательно осетины замкнулись въ горныхъ ущельяхъ не позже XIII в. по Р. Х., когда были вытѣснены другими народами изъ сѣверо-кавказской равнины.

Экскурсъ о болгарахъ и аланахъ

въ новомъ спискѣ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому.

О кавказскихъ болгарахъ сохранилось важное извѣстіе въ армянской географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, но относящейся, по всѣмъ признакамъ, къ болѣе позднему времени, вѣроятно къ концу VII столѣтія. Недавно открытый новый списокъ этого сочиненія, изданный въ 1881 г. въ Венеціи, содержитъ гораздо болѣе обстоятельныя географическія свѣдѣнія, чѣмъ списки раньше извѣстные, и между прочимъ упоминаетъ въ Азіатской Сарматіи нѣсколько такихъ народовъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашимъ изслѣдованіямъ. Въ виду этого, пользуясь русскимъ переводомъ извѣстнаго армениста К. П. Патканова ¹⁾, мы извлечемъ изъ переведенныхъ имъ главъ нѣкоторыя нужныя для насъ свѣдѣнія.

1) „Изъ Кавказа текутъ двѣ рѣки: Валданисъ (Vardanes) т. е. Кубань, текущая до горы Кораксъ, которая начинается у Кавказа и тянется на сѣверо-западъ между Мэотисомъ и Понтомъ. Другая рѣка, Псевхросъ (Psychrus) отдѣляетъ Боспоръ отъ тѣхъ мѣстъ (?), гдѣ находится городокъ Никопсъ. Къ сѣверу отъ нихъ (нея) живутъ народы турковъ и болгаръ, которые именуются по названіямъ рѣкъ: Купи-будгаръ, Дучи-будкаръ, Огхондоръ (Woghkhondor) Блкаръ-пришельцы, Чдаръ-болкаръ. Изъ Гиппійскихъ горъ бѣжалъ сынъ Худбадра (читай: Хубраата)“.

¹⁾ См. его статью: Изъ новаго списка географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1883. Мартъ.

Оставивъ въ сторонѣ спутанное показаніе о теченіи Кубани и рѣкѣ Псевхросъ, можно отмѣтить, что на сѣверѣ отъ Кубани составитель географіи помѣщаетъ разныя колѣна болгаръ, что совершенно согласно съ показаніемъ (приведеннымъ выше на стр. 60) Теофана, который говоритъ, что между Мѣотійскимъ озеромъ и рѣкою Куфисъ (Кубанью) лежитъ Древняя или Великая Болгарія. Уже К. П. Паткановъ замѣтилъ, что Купи-булгаръ обозначаетъ болгаръ кубанскихъ; Чдаръ-булгаръ принимаютъ за котраговъ; Огхондоръ-булгаръ соответствуютъ оногундурамъ византійскихъ писателей и Вгидуръ-булгарамъ исторіи Моисея Хоренскаго. Кто такое Дучи-булгаръ и насколько можно довѣрять этому имени, — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, въ словахъ составителя географіи мы имѣемъ прямое указаніе на 4 колѣна тѣхъ болгаръ, которые оставались на Кавказѣ, послѣ того какъ обширная болгарская орда раздѣлилась по смерти Кубрата, властителя котраговъ и болгаръ. Эти вѣтви принадлежали къ удѣлу Кубратова сына Батбая, оставшагося на родинѣ, т. е. въ Приазовьи, на сѣверѣ отъ Кубани. Сынъ Кубрата (Хубраата) бѣжавшій, по приведенному отрывку, изъ Гиппійскихъ горъ, конечно Аспарухъ, какъ видно изъ статьи о Тракіи по новому же списку, въ которой говорится: „Данубъ (Дунай), дѣлясь на шесть рукавовъ, образуетъ озеро и островъ, называемый Пюки (Рейсе). На этомъ островѣ живетъ Аспаръ-Хрукъ, сынъ Хубраата, бѣжавшій отъ хазаръ изъ горъ Булгарскихъ и прогнавшій аваръ на западъ. Онъ поселился на этомъ мѣстѣ“. (Отмѣтимъ, что древнее названіе *Гиппійскія юры* замѣнено здѣсь болѣе позднимъ: *Бумарскія юры*).

Любопытно, что названіе болгаръ встрѣчается у составителя географіи въ разныхъ формахъ: булгаръ, булкаръ, бикарь, болкаръ, и что ни ему, ни какому нибудь переписчику не пришло въ голову привести къ одной формѣ столь близкія между собою названія. Кажется, отсюда слѣдуетъ вывести, что составитель отнесся къ мѣстнымъ именамъ весьма добросовѣстно и сохранилъ намъ діалектическія формы имени болгаръ. Огромныя пространства, занимаемыя болгарами, распаденіе ихъ на вѣтви и передвиженіе ихъ на западъ къ Дунаю и сѣверъ къ Волгѣ и Камѣ — все это указываетъ на то, что подъ именемъ болгаръ было соединено нѣсколько колѣнъ

тюркского племени, различавшихся вѣроятно въ отгнѣнахъ говора. Такъ одно колѣно называло себя буларь, другое произносило свое родовое имя съ звукомъ *к* и быть можетъ съ нѣскольکو иной вокализацией (болкаръ). Въ видѣ предположенія высказываемъ догадку, что, быть можетъ, въ названіи тюркского общества, живущаго на востокъ отъ дигорцевъ, въ долинѣ Черека, — Балкаръ — сохранилось то же древнее имя. Преданія балкарскія, записанныя нами ¹⁾, указываютъ на то, что предки балкарцевъ пришли въ занимаемые ими мѣста съ сѣвера изъ Маджаръ ²⁾ и застали въ долинѣ Черека осетинское населеніе. Изъ Балкара уже вышла дальнѣйшая тюркская колонизація въ аулы Бизенги, Хуламъ, Чегемъ и Урусбій, лежащій у подножья Эльбруса. Въ русскихъ извѣстіяхъ XVII в. названіе балкаръ приводится въ формѣ болхары. Отправленные въ 1650 г. отъ царя Алексѣя Михайловича къ имеретинскому царю Александру послы, Никифоръ Толочановъ и дьякъ Алексѣй Іевлевъ, ѣхали туда и обратно чрезъ балкарскія земли. Они называютъ тамошнихъ жителей и жилища ихъ общимъ именемъ *Болхары* ³⁾. Тюркская народность балкарцевъ и близость ихъ имени къ одной изъ формъ имени болгаръ (болкаръ), приводимой армянской географіей VII в., невольнó наводитъ на предположеніе, не скрываются ли въ балкарцахъ послѣдніе потомки одной изъ вѣтвей кавказскихъ болгаръ.

2) „Народы въ Сарматіи (Азіатской) распредѣлены слѣдующимъ образомъ, начиная съ запада и направляясь къ востоку. Во-первыхъ, народъ агвановъ, аштигоръ на югѣ. Съ ними вмѣстѣ живутъ хебуры, кутеты, аргвелы, мардуйлы и такуйры. За дигорами въ области Ардозъ кавказскихъ горъ живутъ аланы, откуда течетъ рѣка Армна (?), которая, направляясь на сѣверъ и пройдя безконечныя степи, соединяется съ Атлемъ. Въ тѣхъ же горахъ за ардозцами живутъ даджаны, двалы, цехои, пурка, цанарка, въ землѣ которыхъ находятся ворота Аланскія и еще другія ворота Кцкенъ,

¹⁾ См. статью Вс. Миллера и М. Ковалевскаго: Въ горскихъ обществахъ Кабарды, напеч. въ Вѣстникѣ Европы. 1884. Апрель.

²⁾ Маджаръ — соответствуетъ древнему (хазарскому) городу Маджаръ, котораго развалины находятся на берегу р. Кумы.

³⁾ См. Осет. этюды, ч. I, стр. 162.

названия по имени народа. За ними дуцы и хужи, кисты-людофды, цховаты, гудамакары, дурцки, дидои, леки, тапотараны, агутаканы, хеноки (хенавы), шигпы, чигбы, пуики¹⁾.

Опредѣлить хотя приблизительно мѣста, занимаемые болѣею частію перечисленныхъ армянскимъ географомъ народностей, нѣтъ никакой возможности, точно такъ-же, какъ нельзя поручиться и за точность названій, которыя иногда значительно расходятся въ прежнихъ и новомъ спискѣ географіи. Но все же нѣкоторыя имена напоминаютъ современные, какъ было уже указано К. П. Паткановымъ въ его изслѣдованіи объ армянской географіи²⁾, и мы можемъ воспользоваться вышеприведеннымъ перечнемъ кавказскихъ народовъ для нѣкоторыхъ выводовъ.

Прежде всего можно вывести, что предки осетинъ скрываются въ этомъ спискѣ подъ тѣмъ же именемъ алановъ, подъ которымъ они упоминаются, какъ мы видѣли выше (стр. 28), у Моисея Хоренскаго. Въ прежнихъ спискахъ упоминалось только названіе народа алановъ между амазонками и хебурами (иначе хебарами), подъ которыми, по мнѣнію г. Патканова, скрываются хевсуры. Въ новомъ—аланы помѣщены за дигорами въ области Ардосъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дигоры

¹⁾ См. въ статьѣ г. Патканова на стр. 30. Мехитаристъ о. Сукри, издавшій и переведшій новооткрытый списокъ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, переводитъ и интерпунктируетъ приведенную выписку нѣсколько иначе: „Les peuples de Sarmatic sont ainsi dispersés de l'ouest à l'est: d'abord *des Albaniens et Aschligors du côté du sud, habitant avec eux*; les Khebouri, les Coutheti, les Argueéli, les Mardoil, les Thacufi; les Alans, après Ticor, dans le pays d'Ardos, dans les montagnes du Caucase, d'où coule le fleuve Armena, qui en passant par le nord, dans de vastes plaines, se mêle au fleuve d'Athil. Dans la même montagne, après le peuple Ardosien, viennent les Daticiani, les Douali, les Zhikhui, Phurca, Zanarca, où sont les portes des Alans, et l'autre porte, qui s'appelle Zeken, synonyme du peuple qui y demeure. Ensuite viennent les *Barbares terribles anthropophages*, puis les

Zilavadi,	Cucamacari,	Durzki,	Djilpi
Didoi,	Leghi,	Dapotarani,	Phyi.
Aludacani	Khenavi,	Schipi	

См. Géographie de Moïse de Corène etc. 1881 p. 36.

²⁾ Армянская географія VII в. по Р. Х., текстъ и переводъ, С.-Петербургъ, 1877.

армянской географіи никто иное, какъ современные дигорцы (дигор), западная вѣтвь осетинъ, сидящая по ущелью Уруха, но простиравшаяся нѣкогда, какъ мы показали выше (гл. I, стр. 7 и слѣд.), вплоть до долины Баксана и Эльбруса, а можетъ быть и далѣе на западъ. Ближайшее къ дигорцамъ тюркское общество балкарцы до сихъ поръ называются у дигорцевъ Асі, именемъ подъ которымъ раньше они сами, до появленія тюркской колонизаціи, были извѣстны сванетамъ и грузинамъ. Это обстоятельство побуждаетъ насъ предположить, что дигорцы, упоминаемые географіей *передъ* аланами, т. е. по направлению, принятому географомъ, на *западъ* отъ нихъ, тождественны съ ранѣе названными въ новомъ спискѣ *Аш тигорами*, такъ какъ первая часть этого имени очевидно содержитъ названіе *Асъ* (Асі). Итакъ на востокъ отъ Асъ-дигоровъ сидѣли аланы въ области Ардоэъ. Уже непосредственное сосѣдство алановъ съ дигорцами должно указывать на то, что подъ аланами слѣдуетъ видѣть восточную вѣтвь осетинъ, ироновъ, сидящихъ въ настоящее время на востокъ отъ дигорцевъ по ущельямъ притоковъ Терека (Ардону, Фіагъ-дону, Гизель-дону); но еще болѣе ясное указаніе на тождество алановъ съ осетинами находимъ въ названіи области Ардоэъ: это названіе есть осетинское слово означающее въ настоящее время *поляннѣ средѣ лѣса* (дигорск. *ардоэъ*, иронск. *ардѣзъ*), и такимъ образомъ аланы помѣщаются въ области, носящей *осетинское* названіе.

К. П. Паткановъ въ примѣчаніи къ названію Ардоэъ, говоритъ слѣдующее ¹⁾: названіе этой области напоминаетъ одно мѣсто изъ исторіи Моисея Хоренскаго, заимствованное имъ изъ народныхъ сказаній (II, 50 и 52): во 2 в. по Р. Х. при Арташесѣ, царѣ армянскомъ, аланы въ соединеніи съ другими сѣверными народами вторглись въ предѣлы Арменіи. Встрѣченные Арташесомъ, они отступили за Куру. Въ одной изъ стычекъ попадается армянамъ въ плѣнъ царевичъ аланскій. Послѣ долгихъ переговоровъ Арташесъ соглашается возвратить царевича отцу, съ тѣмъ условіемъ, чтобы за него (Арташеса) выдали сестру царевича Сатиникъ. Послѣ смерти царя аланскаго, не сынъ его, братъ армянской царицы, а нѣкто другой завладѣлъ престоломъ. Чтобъ возвратить пре-

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. Ibid. стр. 30.

стелъ законному наслѣднику, Арташесъ отправляетъ на Кавказъ полководца своего Сибата, который не только съ успѣхомъ исполняетъ данное ему порученіе, но изъ владѣній своего противника выводитъ большое число плѣнныхъ и поселяетъ ихъ въ области Шаваршанъ, которая съ тѣхъ поръ начинается называться Артазъ, *по названію той аланской области, откуда происходили плѣнники.* Дѣйствительно-ли армянская область получила свое названіе отъ аланской, или народное сказаніе воспользовалось случайнымъ созвучіемъ именъ двухъ областей для объясненія происхожденія имени армянской области, — мы не беремся рѣшить, но сходство между Ардозъ и Артазъ бросается въ глаза⁴.

Это сопоставленіе именъ Ардозъ и Артазъ и намъ кажется правдоподобнымъ и мы даже склонны воспользоваться вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ Моисея Хоренскаго для опредѣленія направленія, въ которомъ слѣдуетъ искать аланскую область Ардозъ. Изъ разсказа грузинской хроники о вторженіи оссовъ и народовъ сѣвера въ Закавказье при Арташесѣ армянскомъ и его полководцѣ Сибатѣ (см. гл. I, стр. 7 и слѣд.) видно, что оссы (аланы) дѣйствовали противъ армянъ въ союзѣ съ грузинами, которые ихъ пропустили, какъ своихъ союзниковъ, конечно, аланскими вратами, т. е. ущельемъ Даріала. Когда впослѣдствіи Сибатъ вступилъ въ Аланію на помощь брату царицы Сатиникъ, то, вѣроятно, онъ проходилъ на сѣверъ тѣмъ же ущельемъ. Отсюда нетрудно заключить, что и область Ардозъ (Артазъ) лежала по ту сторону Аланскихъ вратъ и соответствовала владикавказской равнинѣ, къ которой вполне примѣнимо осетинское названіе Ардозъ — *поляна*.

Область Ардозъ, читаемъ мы въ армянской географіи, орошается рѣкою Армна, *которая, направляясь на сѣверъ и пройдя безконечныя степи соединяется съ Атлемъ.* Въ виду того, что въ дѣйствительности нѣтъ рѣки, вытекающей изъ кавказскихъ горъ и соединяющейся съ Волгой, конечно, послѣдняя часть вышеприведеннаго извѣстія основана на недоразумѣніи. Упоминаемая здѣсь рѣка не соединялась съ Атлемъ, но подобно ему впадала въ Каспійское море и слухи объ этомъ, достигшіе до армянскаго географа (или его источника) заставили его предположить соединеніе этой рѣки съ Атлемъ. Какая же рѣка скрывается подъ именемъ Армна (можетъ быть

испорченнымъ)? Дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ нѣтъ возможности: можетъ быть Терекъ, можетъ быть его притокъ Ардонъ, который могъ быть принимаемъ за главную рѣку. Последняя рѣка по имени нѣсколько напоминаетъ названіе Армена и своимъ теченіемъ съ юга на сѣверъ, такъ же какъ и Терекъ, подходитъ къ указанію армянскаго географа. Притомъ по ущелью Ардона расположены древнѣйшія поселенія осетинъ, аулы алагирцевъ.

Относительное положеніе области, населенной аланами (Ардозъ) опредѣляется отчасти и называемыми вслѣдъ за аланами другими народами: „Въ тѣхъ же горахъ за ардозцами живутъ дачаны, двалы, цехои, пурка, цанарка, въ землѣ которыхъ находятся ворота Аланскія и еще другія ворота Кцкенъ, названныя по имени народа“. Имя *Дачаны*, извѣстное и изъ прежнихъ списковъ армянской географіи, не приурочивается ни къ какому современному; въ *Дваалахъ* слѣдуетъ видѣть жителей области Двалетіи, южныхъ осетинъ, извѣстныхъ до сихъ поръ сѣвернымъ ихъ соплеменникамъ подъ именемъ Тѹалтѣ. Имена народовъ *цехои* и *пурка* (вар. *во-спуры*, *апулы*) не встрѣчаются въ другихъ источникахъ; народъ *цанарка* напоминаетъ племени *Σαχαράοι*, которыхъ онъ помѣщаетъ впрочемъ надъ Албаніей, но быть можетъ это сходство и случайно. Во всякомъ случаѣ *цанары* тождественны съ народомъ *санаровъ*, о которомъ Масуди говоритъ слѣдующее: между Тиблисомъ и замкомъ алановъ находится владѣніе *санаровъ*, которыхъ владетели носятъ титулъ *корискоа*. Этотъ народъ исповѣдуетъ христіанскую религію, хотя производитъ себя отъ арабовъ, потомковъ Низара, сына Мадда, сына Модара изъ боковой линіи вѣтви *Окаиль*, которая въ древности водворилась въ этой области, гдѣ въ настоящее время пользуется большимъ значеніемъ¹⁾.

Если аланскія ворота, въ странѣ *цанарковъ* отождествляются съ *Даріальскими*, то другія ворота *Кцкенъ* (вар. *Цеканъ*) лежали вѣроятно восточнѣе, такъ какъ за ними упоминаются народы, повидимому, чеченскаго племени: *дуцы* (вар. *туши*, предки нынѣшнихъ *тушинцевъ*, народности смѣшаннаго происхожденія, *хужи* (вар. *хуши*) (?), *кисты-людофды*

¹⁾ Prairies d'or XVII, переводъ Barbier de Meynard. Т. II. р. 67.

(нын. кистинцы чечен. племени), цховаты (?), гудамакары (рѣка Гудамакаръ—притокъ Арагвы съ лѣвой стороны). Далѣе идутъ дурцки (въ грузинской лѣтописи называемые дурцукъ или дуцуцъ), дидои (нынѣш. дидоевцы), леки (лезгинны), тапатараны (табасаранцы?) и вѣроятно другіе народы Дагестана—агутаканы, хенавы, шигпы, чигбы, пуйкы,—которыхъ трудно отождествить съ современными народностями этой „горы языковъ“.

Итакъ вышеприведенныя извѣстія армянской географіи содержатъ драгоценныя для насъ указанія на территорію, занимаемую осетинами на сѣверномъ Кавказѣ въ VII в. Въ этомъ извѣстіи впервые является названіе западной вѣтви осетинъ—дигорцевъ въ формѣ, въ которой оно сохранилось до нашихъ дней. Въ то же время восточная часть осетинъ, предки нынѣшнихъ ироновъ, — совершенно опредѣленно названы аланами, живущими въ области Ардогъ. Отсюда видно, что осетины въ VII в., какъ и въ настоящее время, не имѣли общенароднаго имени, а раздѣлялись на роды, носившіе родовыя имена или имена, заимствованныя отъ мѣстности. Напомнимъ, что главная восточная вѣтвь осетинъ называетъ только себя иронами (ірон лăг) и не даетъ этого имени ни западнымъ осетинамъ—дигорцамъ, ни южнымъ—туальцамъ.

Загадочнымъ въ спискѣ народовъ Азіатской Сарматіи представляется имя того народа агвановъ, который упоминается передъ аштигорами (асами, дигорцами) и котораго, повидимому, послѣдніе составляли вѣтвь ¹⁾. Перечень идетъ съ запада на востокъ, причемъ, начиная съ агвановъ, перечисляются послѣдовательно народы южной части Азіатской Сарматіи. Очевидно, въ агванахъ, сидящихъ на западѣ этой части Сарматіи, т. е. приблизительно на верхней Кубани, нельзя видѣть дагестанскихъ албанцевъ, извѣстныхъ армянамъ подѣ

¹⁾ Изъ перевода г. Патканова явствуетъ, что онъ считаетъ агвановъ за отдѣльный народъ отъ аштигоровъ („во первыхъ, 15) народъ агвановъ, 16) аштигоръ на югъ“). Но армянскій текстъ, какъ сообщаетъ намъ Г. А. Халатьянцъ, буквально значитъ: „народъ агвановъ—аштигоръ, который къ югу“ (azg Aṭuanas Aštigor vor ʿest haravo), такъ что можно думать, что аштигоръ былъ *агванскій* народъ. Еслибы географъ имѣлъ въ виду агвановъ, какъ особый народъ, онъ назвалъ бы ихъ просто агванъ, а не azg Aṭuanas.

именемъ Агованк. Но нельзя также думать, что армянскій географъ просто сочинилъ народъ, котораго въ дѣйствительности не было въ этихъ мѣстахъ. Доказательствомъ тому, что подъ именемъ *западныхъ* агвановъ (называемъ ихъ такъ изъ отличіе отъ восточныхъ) скрывается какой-то дѣйствительно существовавшій народъ, можетъ служить другое мѣсто той же географіи и того же списка. Перечисливъ 4 вѣтви кавказскихъ болгаръ (см. выше), сидящихъ на нижнемъ (а быть можетъ и среднемъ) теченіи Кубани, географъ продолжаетъ: „Между болгарами (слѣд. приблизительно между нижней Кубанью) и Понтійскимъ моремъ живутъ народы: гарши, куты и сваны до города Питинунта (Питіуса, нынѣ Пицунда) на морскомъ берегу страны авазовъ (авасги), гдѣ живутъ апшилы и абхазы до приморскаго своего города Севастополиса (Діоскуріи), и далѣе до рѣки Дракона, текущей изъ *Аванъ* и отдѣляющей Абхазію отъ страны Эгеръ“.

Не гоняясь за точнымъ опредѣленіемъ, какимъ современнымъ кавказскимъ народностямъ восточнаго побережья Понта соотвѣтствуютъ гарши, куты и сваны ¹⁾, отмѣтимъ, что абхазцы простирались до Діоскуріи (нынѣ Сухумъ) и рѣки Дракона, отдѣлявшей ихъ отъ страны Эгеръ. Последнее имя обнимало нынѣшнюю Мингрелію, хотя въ составъ Эгера входили и другія области. Спрашивается, какой современной рѣкѣ соотвѣтствуетъ р. Драконъ. Въ настоящее время границей между Мингреліей и Абхазіей считается небольшая рѣчка Галица, но едва-ли можно отождествлять ее съ р. Дракономъ, *текущей изъ Аванъ*. Едва-ли подъ Дракономъ скрывается рѣка Ингуръ, такъ какъ она течетъ слишкомъ далеко къ югу и не можетъ считаться поэтому границей между Абхазіей и Эгеромъ. Думаемъ, что рѣкѣ Дракону всего скорѣе соотвѣтствуетъ нынѣшній Кодоръ, которой составляется изъ трехъ рѣкъ — Секкена, Клыча и Хыцкорвы, берущихъ свое начало близъ истоковъ Кубани изъ снѣговаго хребта, служащаго здѣсь

¹⁾ По Птолемеею на этомъ берегу Понта съ сѣвера на югъ живутъ: ахен, керкеты, геніохн и сваповолхи. Въ Периплѣ Арріана въ противоположномъ направленіи упоминаются санны (Σάννοι), махелонъ (Μαχέλωνες), гепіохн (Γηπίοχοι), зидрейти (Ζυδρεῖται), апсилы (Ἀψίλαι), абаски (Ἀβασκοί), саниги (Σανίγαι).

границей Цебельды и карачаевцевъ Кубанской области. За переваломъ, по сѣверную сторону хребта, начинаются восточники Кубани и ея притоковъ, т. е. та область, гдѣ еще въ средніе вѣка сидѣли осетины (аланы), впоследствии вытѣсненные тюркскимъ племенемъ (карачаевцами, урусбиевцами и др.). Если наше отождествленіе рѣки Дракона съ Кодоромъ вѣрно, то не трудно объяснить себѣ замѣтку армянскаго географа, что р. Драконъ *течетъ изъ Агванъ*. Названіе Агванъ по смѣшенію кавказскихъ албанцевъ съ аланами, часто встрѣчающемуся у средневѣковыхъ европейскихъ, а также у армянскихъ историковъ и географовъ, было внесено какимъ нибудь переписчикомъ армянской географіи ошибочно вмѣсто названія Аланъ, причемъ переписчикъ могъ сдѣлать эту ошибку даже сознательно, въ виду того, что нѣсколько далѣе уже упоминается народъ *аланъ* и такое повтореніе могло показаться ему подозрительнымъ.

Такимъ образомъ, если мы предположимъ, что имя Агванъ обозначаетъ алановъ, то оба мѣста, гдѣ оно встрѣчается въ армянской географіи, получаютъ объясненіе. Въ первомъ мѣстѣ, какъ мы видѣли, народъ агвановъ (алановъ) поставленъ во главѣ перечня племенъ сидящихъ, по южной сторонѣ Сарматіи, т. е. какъ самый западный. Ближайшими сосѣдями его должны были быть кавказскіе болгары на Кубани. Это не говорится въ самомъ текстѣ географіи, но явствуетъ изъ *порядка*, котораго придерживается географъ въ своемъ перечнѣ. Порядокъ же этотъ таковъ: сначала идетъ опредѣленіе границъ Азіатской Сарматіи, перечисленіе горъ и рѣкъ, причемъ на сѣверъ отъ Кубани упоминаются болгары; затѣмъ перечисляются народы по побережью Чернаго моря до Эгера, области входящей уже въ составъ Колхиды; далѣе перечисляются народы сѣверной половины Сарматіи, мало извѣстной армянскому географу, и потому онъ главнымъ образомъ придерживается Птолемея съ нѣкоторыми добавленіями; здѣсь упоминаются царственные сарматы, гиппофаги, (Ἱπποφάγοι) нахчаматьяны, кларджи, суракійцы (сираки Σιραχῆνοι), мидосдесенъ (вар. митрикаци, т. е. Μιδριδάτου χώρα), амазонки (Ἀμαζόνες); далѣе современные географу народы: баслы (басилы), хазары, бушхи. Изъ Птолемея же почерпнуты названія народовъ восточной части Сарматіи: адонъ (Οὔδαί), аландонъ (Ολόνδαί), сондасъ (Ισόνδαί) и геруа (Γέρροι). Послѣ этого

перечня составитель неожиданно вносить другой перечень сарматских народов, начинающийся словами: „Народы въ Сарматіи распредѣлены слѣдующимъ образомъ, начиная съ запада и направляясь къ востоку: во-первыхъ, народъ Агвановъ Аштигоръ“ и т. д. Этотъ новый перечень, особенно цѣнный для насъ, уже не представляетъ заимствованій изъ Птолемея, которымъ составитель пользовался до тѣхъ поръ, пока говорилъ о сѣверѣ Сарматіи, очевидно ему мало извѣстномъ. Притомъ этотъ перечень естественно примыкаетъ и по времени и по мѣсту къ началу главы о Сарматіи, къ тому мѣсту, гдѣ составитель упомянулъ о кавказскихъ болгаряхъ, которыхъ онъ покинулъ, занявшись перечисленіемъ народовъ побережья Чернаго моря. Такимъ образомъ, отправившись отъ крайняго запада Азіатской Сарматіи, географъ снова возвращается къ западу и ведетъ отсюда новый перечень народовъ, начиная отъ агвановъ (алановъ) и доходя до Каспійскаго моря, нисколько не заботясь о согласованіи именъ дагестанскихъ народовъ съ именами, раньше почерпнутыми изъ классическаго источника. Видно, что у него, какъ у компилятора, работа спитъ на живую нитку; видно, что онъ выкраивалъ свои перечни народовъ изъ источниковъ разнаго времени, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ. Такимъ образомъ, если пристальнѣе всмотрѣться въ его работу, то не трудно замѣтить, что агваны (т. е. аланы) должны логически и географически слѣдовать за наиболѣе западнымъ народомъ Азіатской Сарматіи VII вѣка, т. е. за кубанскими болгарями. Это сосѣдство алановъ съ болгарями, выводимое нами изъ разбора показаній армянской географіи, подтверждается тѣми историческими извѣстіями, которыя мы привели въ текстѣ главы II (на стр. 60 и слѣд.) и изъ которыхъ видно, что оба народа должны были въ концѣ VII вѣка подчиниться Турксанту.

Предполагая, что въ народѣ агвановъ, сидящемъ, повидимому, близъ источниковъ Кубани слѣдуетъ видѣть вѣтвь алановъ, т. е. предковъ осетинъ, мы получаемъ указаніе на то, что во время составленія географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, въ областяхъ, прилежащихъ къ Эльбрусу, еще не было тюркской народности, такъ какъ болгарскія племена, сидѣли въ это время гораздо болѣе на западъ и сѣверъ отъ названныхъ мѣстъ. Важно было бы знать, къ какому вре-

меня относится поселеніе тюрков-карачаевцевъ въ области на западъ отъ Эльбруса, на верховьяхъ Кубани. Но историческихъ указаній на эту тюркскую колонизацію не существуетъ, а по мѣстному карачаевскому преданію—карачаевцы живутъ въ своей горной мѣстности около четырехъ-сотъ лѣтъ ¹⁾. „Сначала ихъ поселилось здѣсь немного, но съ теченіемъ времени численность ихъ увеличилась отъ наплыва разныхъ пришельцевъ: сванетовъ, мингрельцевъ, абхазцевъ, кабардинцевъ и русскихъ бѣглецовъ“. Родоначальникомъ карачаевцевъ народное преданіе называетъ Карчу, который нѣкогда съ небольшимъ своимъ племенемъ вышелъ изъ *Крыма* и, послѣ долгихъ скитаній, поселился на одномъ изъ верховьевъ рѣки Баксана ²⁾, а затѣмъ перешелъ на истоки Кубани. Если, давая вѣру этому преданію, поселеніе тюркского племени въ нынѣшнемъ Карачаѣ нельзя отнести глубоко въ древность, то является вопросъ, какъ назывались занятія карачаевцами мѣста раньше ихъ водворенія и имѣтъ ли указаній на то, что къ нимъ было прикрѣплено имя *алановъ*? Вполнѣ точнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ, но, кажется, есть глухія указанія на то, что названіе алановъ, существовавшее здѣсь въ VII в., продолжало существовать до поздняго времени, чуть ли не до нашего столѣтія, хотя, конечно, это названіе обнимало уже не потомковъ древнихъ (иранскихъ) алановъ, а перешло вмѣстѣ съ мѣстностью къ новому населенію, подобно тому, какъ имя Аси перешло вмѣстѣ съ мѣстностью на тюркскихъ балкарцевъ. Представимъ факты, говорящіе въ пользу этого предположенія, не ругаясь, впрочемъ, за ихъ достовѣрность.

Извѣстный путешественникъ конца прошлаго столѣтія графъ Потоцкій занесъ въ дневникъ своего путешествія по Кавказу слѣдующія извѣстія. „19 ноября 1797 г. я сдѣлалъ визитъ епископу моздокской и маджарской епархіи, родомъ грузину ³⁾. Онъ увѣрялъ меня, что аланы еще до сихъ поръ существуютъ въ одной долинѣ Кавказа близкой къ сване-

¹⁾ См. статью г. Алейникова — Карачаевскія сказанія — въ III вып. „Журника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ (1883).

²⁾ Назван. сочин. стр. 164.

³⁾ Это извѣстный епископъ Гай.

тамъ, но что онъ (Гай) никогда не видалъ ни одного алана и полагаетъ, что къ нимъ нельзя проникнуть" ¹⁾.

15 декабря. Я нашелъ въ канцеляріи по черкесскимъ дѣламъ (повидимому близъ Солдатской станицы) доказательство существованія алановъ, которыхъ въ настоящее время считается не болѣе 1000 душъ. Если-бъ была возможность вступить въ сношенія съ остаткомъ этого народа и узнать его языкъ, мы нашли бы рѣшеніе великой исторической проблемы ¹⁾....

По поводу перваго указанія издатель путешествія гр. Поттоцаго, извѣстный оріенталистъ Клапротъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Страна этихъ алановъ подъ названіемъ Alania нанесена на карту Грузіи и Арменіи составленную De l'Isle'омъ на основаніи грузинскихъ данныхъ. Она помѣщена на одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ Кубани на сѣверо-западъ отъ Сванетіи и на сѣверъ отъ Бедіаса и источниковъ Эгрисси въ Одиши. О. Ламберти указываетъ алановъ приблизительно на томъ же мѣстѣ въ своей картѣ Мингреліи.... Согласно съ нѣкоторыми свѣдѣніями, которыя я собралъ въ теченіе моего пребыванія на Кавказѣ, племя Azge (Azghé), живущее на источникахъ Убуха (Ouboukh), притока верхняго теченія Шагваши (Chag'wacha), также называется аланами. Это племя имѣетъ особый языкъ и носитъ шляпы“.... Далѣе Клапротъ ссылается на малодостовѣрные показанія Рейнеитса, который упоминаетъ объ аланахъ рядомъ со сванетами. Онъ утверждаетъ, что на сѣверъ отъ города Анаклеи живетъ небольшое племя, называемое Лази или Ласси на рѣчкахъ Алатисъ и Цупи (въ Абхазіи). „На сѣверо-востокъ отъ этихъ Лази, тамъ гдѣ Кераунійскія (?) горы отдѣляются отъ Гордіенскихъ (?), живетъ въ долинахъ главнаго хребта бѣдный немногочисленный народецъ, который называется аланами и котораго татары называютъ ѳей или эдеки-аланъ, вѣроятно потому, что они зависятъ отъ князей Айтековыхъ темиргоевскихъ черкесовъ. Этотъ народецъ говоритъ особеннымъ нарѣчіемъ кавказско-татарскаго (?) языка“....

¹⁾ См. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, изд. Клапрота 1829 г. стр. 146.

²⁾ Ibid. стр. 181.

Какъ видно, всѣ эти показанія — Потоцкаго, Клапрота, Рейнгогса — не отличаются опредѣленностью; но все же нѣтъ основанія отрицать, что имя *алановъ*, къ какому-бы племени ни принадлежали его носители, существовало еще въ прошломъ столѣтіи гдѣ-то по близости отъ границы Сванетіи близъ источниковъ Кубани, въ главномъ кавказскомъ хребтѣ. Больше вѣсое подтвержденіе этому находимъ въ грузинской географіи, составленной въ прошломъ столѣтіи царевичемъ Вахуштой. Царевичъ упоминаетъ страну алановъ, сначала очерчивая границы Сванетіи, а затѣмъ опредѣляя границы самой Аланетіи. „Сванетія, говоритъ онъ ¹⁾, со всѣхъ сторонъ окружена кавказскимъ хребтомъ; она лежитъ на сѣверъ отъ Радши и Лечхума, на востокъ отъ Одиши; ея восточную границу составляетъ вѣтвь Кавказа, отдѣляющая ее отъ Басіана; сѣверную границу составляетъ другой хребетъ, отдѣляющій ее отъ Большой Кабарды и Черкеза; южную — другой, отдѣляющій ее отъ Радши и Лечхума; на западѣ хребетъ отдѣляетъ ее отъ Одиши, а также отъ границы *Алана*“. *Аланетія*, (Alaneth) говоритъ онъ далѣе ²⁾ лежитъ на западъ отъ Сванетіи и на сѣверъ отъ Бедіа (Bédia); на востокъ она прилегаетъ къ кавказскому хребту и границѣ Сванетіи; на югѣ хребетъ отдѣляетъ ее отъ Бедіа и Одиши; на сѣверѣ и западѣ — хребетъ Кавказа. Черезъ Аланетію протекаетъ рѣка Сванетіи; она имѣетъ тѣ же произведенія почвы и такихъ же животныхъ, какъ Сванетія. Жители — язычники и не имѣющіе религіи, хотя нѣкогда были христіанами. Нѣкоторые изъ нихъ магометане, хотя несвѣдущіе и въ этой религіи“.

Наконецъ можно отмѣтить, что на картахъ Кавказа (напримѣръ Кондратьева (1872), Риттиха и друг.) близъ впаденія въ р. Кодоръ ея притока Секена нанесено селеніе *Аланда*, котораго названье, можетъ быть, находится въ связи съ именемъ алановъ. Вспомнимъ, что по новому списку армянской географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, область, въ которой, согласно съ нашей поправкой, слѣдуетъ видѣть Аланію, лежитъ на источникахъ Дракона, отождествленнаго нами съ р. Кодоромъ.

¹⁾ См. Description géographique de la Géorgie par le tsarévitch Wakhoucht publiée par M. Brosset, S. Petersbourg, 1842. p. 418.

²⁾ Ibid. p. 413.

Изъ всего вышесказаннаго, кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что названіе *Алаи* на Кавказѣ пережило древнихъ иранскихъ носителей этого имени, предковъ осетинъ. Последніе слѣды его сохранились въ главномъ хребтѣ приблизительно близъ источниковъ Кубани и Кодора, на югѣ нынѣшняго Карачая и на сѣверо-западѣ отъ Сванетіи. Подъ *последними* носителями этого имени слѣдуетъ разумѣть не осетинъ, а вѣтъ того же тюркскаго племени, которое живетъ въ Карачаѣ.

Экскурсъ о Скивахъ.

Въ нашей статьѣ „Черты старины въ преданіяхъ и бытѣ Осетинъ“¹⁾, приведа рядъ параллелей между чертами быта, являющимися въ осетинскихъ сказаніяхъ о нартахъ (богатыряхъ) и чертами быта скивовъ, занесенными Геродотомъ въ его описаніе этого народа, мы въ немногихъ словахъ воспользовались вопросомъ о національности скивовъ, именно *иранской* гипотезы, которой придерживаются Цейсъ, Мюлленгофъ, Шингелъ²⁾, Эдуардъ Майеръ³⁾ и друг. ученые, причемъ выразили о ней слѣдующее мнѣніе: „Мы думаемъ, что эту гипотезу нужно ограничить въ томъ смыслѣ, что имена *скивъ* и *иранцы* не покрываютъ другъ друга; мы считаемъ вѣроятнымъ только то, что подъ именемъ скивовъ скрывались племена индо-европейскія, и въ числѣ ихъ, въ восточныхъ частяхъ Скивіи, по сѣверному побережью Понта, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Дона, были и иранцы. Безъ этого предположенія едва-ли можно объяснить несомнѣнное присутствіе иранскаго элемента въ Восторскомъ царствѣ временъ династїи Савроматовъ, а также существованіе иранцевъ-осетинъ (оссовъ-исовъ) на Кавказѣ“.

Эта наша замѣтка вызвала замѣчанія и возраженія со стороны почтеннаго кievскаго ученаго О. Г. Мищенко въ его статьѣ „Къ вопросу о царскихъ скивахъ“, читанной въ годичномъ собраніи Историч. общества преп. Нестора лѣтописца⁴⁾. Выводы, къ которымъ пришелъ относительно ски-

¹⁾ Журн. М. Н. Пр. 1882, августъ.

²⁾ Eranische Alterthumskunde.

³⁾ Geschichte des Alterthums 1 Band (1884).

⁴⁾ Напеч. въ „Кіевской Старинѣ“, май 1884 г.

еовъ Ѳ. Г. Мищенко, сводятся имъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Отецъ исторіи замѣнилъ прежнее слишкомъ общее *географическое* названіе скиеовъ терминомъ *политическимъ* и тѣмъ ограничилъ географическое понятіе скиескихъ народовъ; но политическое единство скиеовъ и недостаточность приемовъ наблюденія помѣшали ему различить въ составѣ скиескаго населенія племена различныя по расѣ, *арійскія* ¹⁾ и *урано-алтайскія*; 2) къ арійскимъ слѣдуетъ причислить каллипидовъ, алазоновъ, скиеовъ-земледѣльцевъ и пахарей, остававшихся въ томъ полукочевомъ-полуосѣдомъ образѣ жизни, къ которому перешли общіе арійскіе предки индоевропейскихъ народовъ еще до расселенія ихъ на отдѣльныя мѣста жительства въ Азіи и Европѣ; 3) къ урано-алтайской группѣ принадлежали скиеи кочевники, прежде всего царскіе скиеи, пришедшіе сюда послѣ арійскихъ народовъ и раньше тѣхъ нескиескихъ племенъ, которыя въ описаніи Геродота ограничиваютъ скиеское населеніе юга Россіи съ запада, сѣвера, востока, и отчасти юга“.

Въ настоящее время мы уже не рѣшились бы утверждать, что подъ именемъ скиеовъ *вообще* скрываются племена индоевропейскія, но за то болѣе, чѣмъ прежде, убѣждены въ присутствіи среди скиеовъ, въ числѣ другихъ этническихъ элементовъ, — элемента иранскаго. Присутствіе послѣдняго элемента можетъ быть, какъ мы увидимъ ниже, обставлено доказательствами, между тѣмъ какъ приуроченіе прочихъ элементовъ, входившихъ въ составъ политическаго единства Скиеи, къ тому или другому племени до сихъ поръ остается вопросомъ, не разрѣшимымъ на основаніи невѣстныхъ намъ фактовъ. Ѳ. Г. Мищенко, отдѣляя въ этническомъ отношеніи *скиеи кочевники* и *царскіе* отъ скиеовъ *земледѣльцевъ* и *пахарей*, считаетъ первыхъ урано-алтайской ордою, которыя для подтвержденія своего мнѣнія всѣ тѣ доказательства, которыя были приводимы Нибуромъ, Нейманомъ и другими учеными въ пользу монголизма скиеовъ. Эти доказательства исчерпываются указаніемъ на грубость и жестокость скиеовъ, на сходство нѣкоторыхъ обычаевъ съ обычаями урано-алтайскихъ народовъ и наконецъ

¹⁾ Во избѣжаніе недоразумѣнія замѣтимъ, что г. Мищенко употребляетъ терминъ *арійскій* въ смыслѣ *индоевропейскій*.

упоминаніемъ свидѣтельства Гиппократа о типѣ скифовъ. Что касается до доказательствъ, основанныхъ на грубости скинскихъ нравовъ, то мы опять должны повторить, что было заявлено и всѣми, доказывавшими нравство скифовъ, именно, что примѣры меньшей жестокости и грубости нравовъ можно указать и у народовъ индоевропейскихъ въ ихъ докультурномъ состояніи, особенно же жестокости, связанной съ религиозными представленіями и культомъ. Если, напримѣръ, Ѳ. Г. Мищенко, говоря о чествованіи скинами бога войны принесеніемъ въ жертву военнопленныхъ, ссылается при этомъ на Палласа, нашедшаго подобное же чествованіе бога войны у монгольскихъ народовъ, то такіа же человѣческія жертвоприношенія можно указать и у индоевропейскихъ народовъ: грековъ, германцевъ, литовцевъ, римлянъ, кельтовъ и др. ¹⁾ Вообще нѣтъ такой черты жестокости и

¹⁾ Напр. у грековъ человѣческія жертвоприношенія практиковались въ культахъ: Зевса Ликейскаго въ Аркадіи, Артемиды *Таυροκόλος* въ Фокидѣ, Деметры у города Патній въ Віотин, Діониса въ Ахен, Зевса *Λαρίσσιος* въ Фессалии, Діониса *ῶνιδος* или *ῶνιδης* (сыроядца) у кіосцевъ и въ другихъ культахъ. Германцы, по Тациту, приносили человѣческія жертвоприношенія Меркурію; скандинавскія саги изобилуютъ примѣрами подобныхъ жертвъ; про кельтовъ читаемъ у Страбона: священныя пророчица сѣдовласныя, въ бѣлыхъ одеждахъ, босоногія, выступаютъ окруженныя толпою прислужницъ: онѣ съ мечемъ въ рукахъ схватываютъ пленныхъ, ведутъ ихъ къ большому бронзовому котлу, выѣщающему 20 амфортъ, поднимаются къ нему по ступенямъ и перерѣзываютъ надъ нимъ горло у пленныхъ: онѣ пророчатъ по крови, стекающей въ котелъ, въ то время какъ другія взрѣзываютъ желудки и гадаютъ по внутренностямъ. „Кто не знаетъ, говорятъ Евсевій (IV в.) (Pгаерар. Evang.), что до сего дня въ великомъ городѣ (Римѣ) человѣкъ приносится въ жертву Юпитеру *Latiaris*“. По Діодору Сицилійскому, когда храмъ богини войны былъ разрушенъ въ Римѣ, были найдены чаны, наполненные человѣческимъ мочемъ. У литовцевъ, дольше другихъ народовъ сохранявшихъ обряды старинныя, еще въ половинѣ XIV в. (1341 г.), слѣдовательно во времена Цетрави, мы находимъ такое описаніе похоронъ Гедимина у Стрыйковскаго (Кга-pika polska XI кн.): воздвигли костеръ изъ сосноваго дѣса, на него возложили пышноодѣтый трупъ со всѣмъ оружіемъ; затѣмъ двухъ соколовъ и охотничьихъ псовъ, осѣдланнаго коня и любимаго слугу; за нимъ послѣдовали на костеръ три пленныхъ нѣмецкихъ рыцаря. Вообще можно было бы написать цѣлый трактатъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у индоевропейскихъ народовъ, и намъ неизвѣстно ни одного народа древности, у котораго ихъ нельзя было бы указать.

звѣрства, которая была бы исключительно свойственна монгольскимъ народамъ и чужда индоевропейскимъ. Въ нашей статьѣ о чертахъ старины въ бытѣ осетинъ мы приводили нѣкоторые обычаи этого народа, сходные съ обычаями скиеовъ, но при этомъ нисколько не смотрѣли на эти параллели, какъ на вѣское доказательство иранства скиеовъ. Мы замѣтили только, что „указаніе чертъ весьма низкаго быта у иранцевъ-осетинъ можетъ ослабить ту теорію о національности скиеовъ, которая именно на основаніи грубости скиескихъ обычаевъ видитъ въ скиеахъ монголовъ“. *О. Г. Мищенко* подвергаетъ критикѣ нѣкоторыя изъ нашихъ параллелей и находитъ, что хотя нѣкоторыя черты (напримѣръ, обряды при похоронахъ) и напоминаютъ скиескія, но что „аналогіи болѣе многочисленныя и болѣе полныя содержатся въ трудахъ новыхъ ученыхъ о монгольскихъ народахъ“. Оставляя открытымъ вопросъ о большей полнотѣ и численности монгольскихъ аналогій скиескимъ обычаямъ, замѣтимъ только, что разъ обычаямъ скиеовъ не составляютъ исключительной и характерной особенности урало-алтайскихъ народовъ, (что допускаетъ и самъ *г. Мищенко*), то теорія монголизма скиеовъ должна искать другихъ опоръ помимо бытовыхъ аналогій. Мы знаемъ, что *Нейманъ* искалъ ихъ между прочимъ въ скиескихъ именахъ и словахъ, которымъ онъ старался найти этимологіи въ урало-алтайскихъ языкахъ; но эта попытка вышла крайне неудачной, какъ доказалъ это *Шифнеръ*, знатокъ урало-алтайскихъ языковъ ¹⁾). Затѣмъ послѣдней опорой монголизма скиеовъ остается свидѣтельство *Гиппократа* о ихъ внѣшнемъ видѣ: „они похожи только на самихъ себя и нисколько на другихъ; цвѣтъ кожи у нихъ желтый, тѣло ихъ тучное; отсутствіе бороды уподобляетъ мужчинъ женщинамъ“ ²⁾). Изъ этихъ признаковъ первый ничего не говоритъ въ пользу принадлежности скиеовъ тому или другому племени; второй признакъ—желтизна кожи, какъ понимаетъ это *г. Мищенко*, подверженъ нѣкоторому сомнѣнію. *Гиппократъ*, какъ ученый врачъ, ищетъ объясненія физическихъ свойствъ людей въ условіяхъ физической природы и говоритъ про ски-

¹⁾ См. его статью: Sprachliche Bedenken gegen das Mongolenthum der Skythen, *Mélanges asiatiques*, 1856, т. 2, стр. 531—547.

²⁾ См. статью *О. Г. Мищенко*, стр. 15 и 16 отд. оттиска.

еовъ: родъ скиескій вследствие холода отличается цвѣтомъ, который греки называли πυρρόν (πυρρόν δὲ τὸ γένος ἐστὶ τὸ Σχυθικὸν διὰ τὸ ψυχρὸς) и далѣе прибавляетъ: отъ холода бѣлизна загораетъ и становится πυρρή (ὑπὸ δὲ τοῦ ψυχροῦς ἡ λευκότης ἐπικαίεται καὶ γίνεται πυρρή). Спрашивается, можно-ли понимать πυρρός въ значеніи *желтый*, отступая отъ обычнаго значенія этого прилагательнаго, которое, какъ производное отъ πύρ—*огонь*, обозначаетъ цвѣтъ огненный, красноватый, пожалуй смугловатый ¹⁾. Мы знаемъ, что холодъ красить щеки и это наблюденіе конечно зналъ Гиппократъ, но едва-ли онъ могъ бы желтизну кожи объяснить дѣйствіемъ мороза. Третій признакъ — тучность тѣла — не представляетъ ничего типическаго урало-алтайскаго; наконецъ четвертый — безбородость, точнѣе отсутствіе растительности на тѣлѣ (ψιλὴ σάρξ), находится въ странномъ противорѣчій съ изображеніями скиеовъ на греческихъ вазахъ, гдѣ мы видимъ ихъ надѣленными густыми бородами. Не менѣе страннымъ представляется и то обстоятельство, что Геродотъ предъ своими читателями ни словомъ не обмолвился о наружности скиеовъ, которые, по Гиппократу, отличались ею отъ всѣхъ другихъ людей. Тѣхъ-ли скиеовъ описываетъ Гиппократъ, которыхъ приходилось видѣть Геродоту?

Впрочемъ, не считая доказательными всѣ тѣ доводы, которые до сихъ поръ были приводимы въ пользу монгольства или урало-алтайства скиеовъ, мы этимъ еще нисколько не отрицаемъ возможности того, что *царскіе* и *кочевые* скиены принадлежали къ не арійскому племени, какъ полагаетъ Θ. Г. Мищенко. Скажемъ болѣе: это предположеніе кажется и намъ вѣроятнымъ, хотя и мы не можемъ прибавить никакого новаго довода къ числу существующихъ, въ доказательности которыхъ мы сомнѣваемся. Кажется, слѣдуетъ пока оставить этотъ вопросъ in suspense, и заняться другими вопросами, вызываемыми извѣстіями древнихъ о скиенахъ, вопросами, для рѣшенія которыхъ мы имѣемъ болѣе матеріала.

Нѣтъ-ли въ извѣстіяхъ Геродота о скиенахъ указаній на то, что между скиескими родами (колянами) были этнические

¹⁾ Слово πύρρος обозначается особенно цвѣтъ *первой* бороды, и смѣсъ цвѣтовъ сѣраго съ желтымъ, рыжимъ: πυρρόν ξανθεὸν τε καὶ φασὶν κραινα γίνεται. (Plat. Tim. 68, c.).

различія, или на то, что скифы не представляли однородную племенную массу, занявшую одновременно южные части нынѣшней Россіи? Кажется, такіа указанія можно найти.

I. Прежде всего, скифы дѣлились на два класса: скифовъ свободныхъ, вѣстителей и скифовъ несвободныхъ, подчиненныхъ первымъ. Свободными называются скифы царскіе, жившіе, по словамъ Геродота (IV 20) „къ востоку отъ скифовъ номадовъ, по ту сторону рѣки Герроса, простирався на югъ до Тавриины, на востокъ—до рва, вырытаго рабами, и до торжища на Мѣотійскомъ озерѣ, называющагося Кремнами, частью до Танаиса. Такимъ образомъ скифы вѣстители жили въ области нижняго Дона, быть можетъ Дона, и по западному побережью Азовскаго моря до Таврическаго полуострова.¹⁾ По словамъ Геродота, они храбрѣйшіе и многочислѣннѣйшіе изъ скифовъ и почитаютъ всѣхъ прочихъ своими рабами. Отъ царскихъ скифовъ (гл. 22) отдѣлилась часть, живущая далеко на сѣверо-востокъ, за Тиссагетами и Иирками, слѣдовательно, отдѣленная отъ родичей несклонскими племенами. Въ виду того, что, по словамъ Г—та (гл. 23), начиная отъ этихъ *отдѣлившихся* скифовъ „земля камениста и неровна“, а далѣе идутъ горы, у подножья которыхъ живутъ аргиппаны, можно думать, что эта вѣтвь царскихъ скифовъ жила въ части нынѣшней Оренбургской и Уфимской губерній близъ предгорьевъ Урала.

Геродотъ, получившій только смутныя свѣдѣнія о племенахъ, сидѣвшихъ на востокъ между Танаисомъ, Волгою и Ураломъ, не могъ узнать, когда и вслѣдствіе чего произошло это отдѣленіе части царскихъ скифовъ отъ главной орды, и мы склонны раздѣлять мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые полагаютъ, что мѣста, занимаемыя приуральской частью скифовъ, были древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ всей орды царскихъ скифовъ, и что *отдѣлившимися* были тѣ царскіе скифы, которые жили по сю сторону Танаиса, а не на оборотъ. Дѣйствительно, это предположеніе согласуется съ извѣстіемъ,

¹⁾ По мнѣнію г. Латышева, скифы царскіе занимали часть Крыма, уѣзды Мелитопольскій, Бердянскій и далѣе южную часть Екатеринославской губерніи и западъ Войска Донскаго. См. его „Изслѣдованіе объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвии, въ Ж. М. Н. Пр. Январь 1887, стр. 23.

сообщаемымъ въ гл. 11-й, что скифы-кочевники жили сначала въ Азіи и перешли въ Европу вслѣдствіе давленія массагетовъ, которые, повидимому, жили между Каспійскимъ и Аральскимъ моремъ.

Въ гл. 99 Геродотъ говоритъ, что та часть Скиѳіи, которая начинается отъ Истра и простирается до города Каркинитиды, называется *древней* Скиѳіей. Такимъ образомъ, древнѣйшей частью Скиѳіи считалась между прочимъ область молшшидовъ, алазоновъ и скифовъ *пахарей*. Это извѣстіе можетъ, кажется, быть истолковано въ томъ смыслѣ, что земледѣльческая, западная часть скифскаго населенія, подчинявшаяся отчасти греческой культурѣ, считала себя элементомъ болѣе древнимъ, чѣмъ скифовъ кочевыхъ и царскихъ, которые вѣроятно явились въ Европу въ болѣе позднее время и, подчинивъ своей власти туземное населеніе въ бассейнахъ Днѣстра, Буга, Днѣпра, заняли болѣе восточныя части южнорусской равнины, на востокъ отъ Днѣпра.

Въ западной части Скиѳіи, какъ болѣе древней, находятся и скифскія святилища. Здѣсь между рѣками Днѣпромъ и Бугомъ упоминается священная мѣстность Ексампай, — *селенные мумы*, — гдѣ между прочимъ хранился мѣдный сосудъ, сдѣланный изъ наконечниковъ стрѣлъ, долженствовавшихъ опредѣлять, по желанію царя Аріанта, численность скифовъ (IV 81); здѣсь же, въ западной Скиѳіи, на берегу Тиръ (Днѣстра), показывали въ скалѣ ступню Геракла, т. е. мѣстнаго бога, отождествленнаго греками съ Геракломъ (IV 82); здѣсь же, вѣроятно, слѣдуетъ искать, священное мѣсто погребенія скифскихъ царей — *Герросъ*, область простиравшуюся, какъ полагаютъ, отъ устья р. Самары до устья Десны (IV 56, 71). Казалось бы страннымъ, что царей скифскихъ хоронили не въ области царскихъ скифовъ, а гораздо западнѣе, надъ областью скифовъ-земледѣльцевъ; но это именно должно указывать на то, что западная часть скифской территоріи была освящена преданіемъ и потому болѣе поздніе насельники, скифы-кочевники, питая уваженіе къ мѣстнымъ святынямъ, хоронили своихъ царей тамъ, гдѣ покоились вѣроятно прежніе власти подчиненной имъ области.

Говоря такъ, мы предположили, что до завоеванія южнорусскихъ областей скифами царскими, въ этихъ областяхъ могли быть у туземцевъ-земледѣльцевъ свои цари, и дѣй-

Ворисеенеса. Такое происхождение приписывается Таргитаю. У него было три сына: Липоксансь, Арпоксансь и самый младшій Колаксансь. При жизни ихъ упали съ неба на скинскую землю золотые предметы: плугъ, ярмо, сѣкира и чаша. Первымъ увидѣлъ эти предметы самый старшій изъ братьевъ; онъ приблизился къ нимъ съ цѣлю ихъ взять, но при его приближеніи золото запылало, и онъ отступилъ назадъ. Засимъ подошелъ средній братъ, но съ золотомъ повторилось то же самое. Такимъ образомъ, золото горѣніемъ своимъ оттолкнуло ихъ отъ себя; съ приближеніемъ третьяго, наимладшаго брата, оно потухло, и онъ отнесъ золото къ себѣ въ домъ. Въ виду этого старшіе братья согласились уступить наимладшему царство. Отъ Липоксаяса, рассказываютъ дальше, произошли тѣ изъ скиновъ, которые носятъ названіе *асхатомъ*, отъ средняго, Арпоксайса, произошли скины, именуемые *катіарамы* и *трапіями*, а отъ наимладшаго, царя, тѣ, которые называются *паралатами*“.

Прежде всего, нужно отмѣтить, что эта легенда несомнѣнно принадлежала скинамъ осѣдлымъ, земледѣльцамъ, а не кочевникамъ и царскимъ: она рассказывалась на Диѳпрѣ, такъ намъ скины вели свой родъ отъ союза ихъ бога съ рѣчною богиней этой рѣки; на осѣдность указываютъ и священное орудіе—плугъ,—безполезный для кочевниковъ, и упоминаніе о домѣ (а не кибиткѣ), куда Колаксай отнесъ золото.

Что касается именъ отца и сыновей, то несомнѣнно они переданы не совсѣмъ точно либо самимъ Геродотомъ, либо искажены переписчиками. Тѣмъ не менѣе въ нихъ безъ натяжки можно узнать иранскія слова. Всѣ три имени сыновей, можетъ быть, попорченныя въ первой половинѣ (срав. вариантъ Νίτοξαις при Λαίτοξαις), содержатъ во второй части сложенія древне-иранское слово *х̣šaуа*—властитель (срав. авест. *х̣šaуа*—могучій, господинъ; др.-пер. *х̣šaуа-δйуа*—царь; осет. *й-хсін*—княгиня). Во второй части имени Тарγί-ταος нетрудно узнать иранское **tava*—сильный (сравн. авест. *tava*—могучій, санскр. *tavas*—сильный, сила и производныя отъ этого имени: *tavasya*—сила, *tavas-vat*—сильный; отъ того же корня: *taviša*—сильный, *taviši*—сила, *tavya*—сильный, въ сложеніи во второй части: *sva-tavas*—самосильный, αὐτάρης, авест. *tevisi*—сила и друг.); что касается до первой части, то сопоставляя съ именемъ Тарγί-ταος засвидѣтельствовавшее Полиномъ (8, 55)

ния царяцы сянтовъ мѣотіянки Тірүатао, можно предположить, что первое, не поддающееся этимологии, искажено и звучало у туземцевъ Тірүа-таос; въ такомъ случаѣ и первая часть Тірүа — находить этимологию въ иранскомъ, именно, соответствуетъ авест. тіуга—*острый*; срав. осет. тіргъ, авест. тіүгі—*стрѣла*, др.-перс. tigra (Μῆδοι γὰρ τίγριν καλοῦσι το τό-ζωμα Eusthat. Dionys. 976), ново-перс. tigr и друг.; согласно съ этимъ Тірүатаос = тіүтатаваз и значило бы *острый моты*, съ *острой силой* или, можетъ быть, *стрѣломощный*.

Доказать иранскій характеръ легенды о ниспаденіи золотыхъ орудій съ неба труднѣе, чѣмъ обнаружить иранство собственныхъ именъ. Но все же можно сослаться на сохранныую Авестой иранскую легенду о ниспосланіи богомъ Агурамаздой родоначальнику царей Іимъ *золотыхъ орудій* — *стрѣкала* и *сошника* (или плуга) ¹⁾, какъ символовъ его власти надъ землею. Посредствомъ этихъ орудій Іима расширилъ землю. Отмѣтимъ также, что авестійское названіе древнѣйшихъ царей parađāta — *первозаконные*—(напр. Наошъанхо parađāto ut, 5, 21. Гаошъангъ *нарадатъ*) ²⁾ напоминаетъ скинскій родъ паралатаи, происшедшій отъ царя Колаксанса, основателя царской древнѣйшей династіи. Если здѣсь совпаденіе не случайное, то слѣдуетъ предположить, что въ паралатаи буква Λ искажена изъ Δ.

Другая легенда о происхожденіи скиновъ была разсказана Геродоту понтійскими греками и также прикрѣпляетъ происхожденіе скиновъ къ нижнему теченію Днѣпра, т. е. къ древней Скиѣи. По разсказу эллиновъ, Гераклъ, *иоля передъ собою быковъ Геріона*, прибылъ въ Скиѣю, еще необитаемую, и заснулъ, закутавшись въ львиную шкуру. Во время его сна, какимъ-то чудомъ исчезли изъ подъ повозки его кони. Проснувшись, Гераклъ пустился на поиски, обошелъ всю страну, пока не прибылъ въ землю, называемую Гилеѣй. Здѣсь, въ пещерѣ нашелъ онъ странное существо — на половину дѣвушку, на половину змѣю (очевидно мѣстное бо-

¹⁾ См. Vendidad, Fargard II.

²⁾ Эпитетъ parađāta состоитъ изъ словъ para—*прежде* и dāta—*законъ* и по толкованію туземному значитъ *первозаконникъ*; но смыслу parađāta тоже что н.-пер. pāsdād—обозначающее первую иранскую династію, см. Spiegel-Commentar über das Avesta, I p. 459.

жество). Оказалось, что эта дѣвушка задержала коней Геракла и согласилась отдать ихъ ему лишь подѣ условіемъ, чтобъ онъ произвелъ съ нею дѣтей. Отъ связи Геракла съ дѣвушкой-эхидной произошли родоначальники трехъ народовъ—агаѳирсовъ, гелонровъ и скировъ. Только младшій сынъ Скиръ былъ въ состояніи натянуть оставленный отцемъ лукъ и опоясаться его поясомъ; потому онъ и остался въ странѣ; двое же старшіе—Гелонъ и Агаѳирсъ — не могли исполнить заданной задачи и были матерью изгнаны изъ страны. Отъ Скира произошли, говоритъ преданіе, „всегдашніе цари скировъ“, а въ воспоминаніе геракловой чаши (укрѣпленной къ прыжкѣ на его поясѣ) скиры до сихъ поръ носятъ чаши на поясахъ (гл. 10) ¹⁾.

Очевидно греческая легенда не что иное, какъ эллинизированная туземная скирская. Въ скирскомъ богѣ, вѣроятно имѣвшемъ атрибутомъ быковъ, греки признали своего Геракла, въ томъ періодѣ его подвиговъ, когда онъ похитилъ чудесныхъ быковъ Геріона и гонитъ ихъ къ Евриссею. Можетъ быть, къ отождествленію послужила и носимая скирами чаша, которая напомнила грекамъ золотой кубокъ (δῶπας), данный Геліосомъ Гераклу именно во время этого его подвига изъ удивленія къ его смѣлости ²⁾. Какъ бы то ни было, Гераклъ замѣнилъ въ греческой легендѣ скирскаго бога родоначальника скировъ, котораго Діодоръ называетъ Зевсомъ (II 43) и который называется этимъ же именемъ въ выше-разсмотрѣнной скирской легендѣ. Дочери Бориссена соответствуетъ женщина-эхидна, живущая въ пещерѣ въ Гилеѣ, т. е. туземная богиня этой придиѣпровской области. Обои мифическимъ типамъ—*богу юнцему быковъ* и *богине, связанной со змѣей*—можно указать параллель въ иранскихъ представленіяхъ, соединенныхъ съ культомъ Миеры. Намъ кажется, что скирскимъ, эллинизированнымъ типамъ божествъ можетъ служить комментариемъ слѣдующее мѣсто изъ трактата Фирмика Матерна (Firmicus Maternus IV в. по Р. X.) de errore

¹⁾ На изображеніяхъ скировъ въ греческихъ произведеніяхъ искусства мы не видимъ у скировъ чашъ на поясахъ; но не напоминаетъ ли обычай ношенія при себѣ чашъ нашихъ каменныхъ бабъ, обыкновенно держащихъ чаши на срединѣ живота?

²⁾ Страдая отъ жара, Гераклъ дерзнулъ пустить стрѣлу въ солнце.

prof. relig. c. V: Persae et Magi omnes, qui Persicae regionis incolunt fines, ignem praeferunt et omnibus elementis ignem putant debere praeponi. Hi itaque ignem in duas distribuunt potestates, naturam ejus ad utrumque sexum transferentes et viri et feminae simulacro ignis substantiam deputantes: *et mulierem quidem triformi vultu constituunt monstrosam serpentibus illigantes*. Quod ideo faciunt, ne ab auctore suo diabolo aliqua ratione dissentiant, sed ut dea sua serpentibus pullulans maculosis diaboli insignibus adornetur. *Virum vero abactorem bouum colentes sacra ejus ad ignis transferunt potestatem*, sicut propheta ejus tradidit nobis dicens: Μύστα βοοκλοπίης, υἱὲ δέξμ πατρὸς ἀγαθοῦ. *Hunc Mithram dicunt, sacra vero ejus in speluncis abditis tradunt*, ut semper obscuro tenebrarum squalore demersi gratiam splendidi ac sereni luminis vitent.

Оставляя въ сторонѣ объясненія и благочестивыя разсужденія Firmicus'a, мы видимъ, что въ приведенномъ мѣстѣ содержатся черты, живо напоминающія греческо-скиескую легенду о Гераклѣ и женщинѣ-эхиднѣ: 1) Миера, изображенный какъ vir abactor bouum—напоминаетъ Геракла, гонящаго быковъ Геріона; 2) женщина связанная съ чудовищными змѣями (Гелата?)—дѣвушку-эхидну; 3) культъ Миеры, совершавшійся въ пещерахъ, напоминаетъ пещеру, въ которой поселился временно Гераклъ. Напомнимъ, что Миера иранское (и даже арійское) солнечное божество, котораго культъ былъ широко распространенъ въ Иранѣ, какъ видно изъ Зендавесты и клинописныхъ надписей Ахеменидовъ. Не свидѣтельствуетъ-ли о существованіи этого культа у предѣловскихъ (иранскихъ) скивовъ разсматриваемая скиеско-эллинская легенда?

Мы не станемъ останавливаться на мифологическомъ толкованіи легенды и на культѣ Миеры ¹⁾, что отклонило бы насъ слишкомъ далеко въ сторону, и обратимъ вниманіе на другія стороны разсматриваемой легенды. Такъ, слѣдуетъ отмѣтить, что эта легенда, въ отличіе отъ предыдущей, можетъ быть названа *международной*: она касается не только

¹⁾ См. Windischann-Mithra, p. 61 и слѣд. Объ отголоскахъ преданій о Миерѣ, именно о его рожденіи изъ скалы, въ осетинскихъ *нартскихъ* сказаніяхъ см. въ нашей статьѣ о 4-мъ вып. Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа въ Ж. М. Н. Пр. 1885.

происхожденія скиеовъ, но и происхожденіи сосѣднихъ народовъ—агаеирсовъ, жившихъ, какъ полагаютъ, приблизительно въ нынѣшней Трансильваніи, и гелоновъ, жившихъ среди будиновъ, кажется, по ту сторону р. Танаиса и считавшихся эллинами по происхожденію. Легенда, отвѣчая національному чувству скиеовъ, указываетъ на то, что оба эти народа, хотя и восходятъ къ одному предку съ родоначальникомъ скиеовъ, однако уступаютъ скиеамъ въ достоинствѣ и должны были уйти изъ родины. Дѣйствительно, относительно гелоновъ Геродотъ (въ 108 гл.) заявляетъ, что они были тѣ же эллины, удалившіеся изъ торговыхъ городовъ (слѣдовательно отъ моря) и поселившіеся среди будиновъ; относительно же агаеирсовъ нѣтъ другого указанія, кромѣ легенды, на ихъ выселеніе изъ *древней Скиеи*, точнѣе изъ придиѣпровья. Какъ бы то ни было, содержитъ-ли легенда воспоминаніе о выселеніи агаеирсовъ и гелоновъ или нѣтъ, она должна была, какъ и первая, принадлежать *осѣлымъ*, древнимъ скиеамъ, а не кочевникамъ (номадамъ) и царскимъ, жившимъ гораздо восточнѣе территоріи, гдѣ эта легенда сложилась.

Третье преданіе, имѣющее уже историческій характеръ, говоритъ (гл. 11), что *кочевники-скиеы* сначала жили въ Азій, а затѣмъ, тѣснимые массагетами, перешли Араксъ и вторгнулись въ киммерійскую землю.

Сопоставляя это преданіе съ двумя предыдущими можно прийти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Два первыхъ преданія относятся къ скиеамъ западнымъ, *осѣлымъ*, иначе къ древнѣйшей части населенія геродотовой Скиеи, третье же преданіе принадлежитъ скиеамъ-кочевникамъ, болѣе позднимъ пришельцамъ изъ Азій.

2. Западные скиеы, какъ болѣе древніе обитатели, связывали свое происхожденіе съ *мѣстностью* и религіозными вѣрованіями. Ихъ легенда говоритъ объ ихъ *происхожденіи*. Восточные же скиеы сохранили въ своемъ воспоминаніи преданіе о своемъ *приходѣ* изъ Азій; сказанія же о началѣ ихъ племени мы не знаемъ.

3. Въ именахъ, упоминаемыхъ первой скиеоской легендой, а также въ содержаніи обѣихъ легендъ можно указать черты иранской національности; въ историческомъ преданіи скиеовъ-кочевниковъ нѣтъ никакой черты, намекающей на ихъ національность и потому если и нельзя выводить съ *успречен-*

ностию, что они отличались от западных скифов въ этническомъ отношеніи, то по крайней мѣрѣ *предполагать* это есть возможность.

III. Обращаемся теперь къ этимологическому разсмотрѣнію скинскихъ дошедшихъ до насъ словъ, именно собственныхъ именъ царей и божествъ. Въ числѣ именъ первой категоріи есть несомнѣнно иранскія и несомнѣнно неиранскія, но есть и такія, о которыхъ только и можно сказать: *pop liquet*. Къ первымъ могутъ быть отнесены:

'Охтарамаздъ (Her. 4, 80): Уже Мюлленгофъ правильно разложилъ это сложное имя на иран. *uxta—(прош. прич. страд. отъ глагольн. корня vac—*говорить*)=*сказанный* и *mazda, *мудрый*, такъ что 'Охтарамаздъ можетъ значить *славномудрый*; срав. авест. Mazdā; въ Ahuramazdā, Ормуздъ, фригійск. Máoδης и авест. сложное слово Mazdāuxta,—состоящее изъ тѣхъ же элементовъ, какъ скинское имя, но въ обратномъ порядкѣ.

'Ариакейδης (Her. 4, 76); для первой части срав. персидскія имена: 'Ариарамъνης (Aryāgāma — прадѣдъ Дарія Гистаспа), 'Ари-βίγνης, 'Ариостης, 'Ариомардосъ, 'Ариамѣνης и мног. друг.; во второй части Мюлленгофъ видитъ слово авест. раеза — *видъ, образъ, наружность*, срав. авест. загапуōраеза — *злато-оидный*, vīsrōраеза — *всеобразный*.

То же слово находится во 2-й части сложнаго имени Σπαργакейδης (Her. 4, 76), царя скифовъ и царя агаеирсовъ (ib. 78), причемъ другое начертаніе, указывающее на произношеніе θ находимъ въ имени Σπαργакίσης, сына массагетской царицы Томириды (Her. I, 211, 213). Spareya значитъ въ языкѣ Авесты: *зубецъ стрѣлы*, срав. н.-перс. aspaṭag.

Τάξαις — можетъ восходить къ корню taxš — *пускать бжаты*, или къ корню авест. taš — *творить, рѣзать, тесать*, др.-перс. taxš, санскр. takṣ, сравн. авест. tašan — *творецъ*, санскр. takṣan, греч. τέκτων, санскр. takṣaka — *строитель*, эпитетъ бога Viṣvakaṣman'a и собств. имя, ново-перс. tāšidān и друг.

'Οριχος (Herod. 4, 78) можетъ быть произведено отъ корня *var, срав. авест. var — *охранять, удерживать, или var избирать, желать, любить*.

'Αρσάβριμας (Luc. Тохар. 44) = Arša kāma; первая часть сопоставляется съ авест. arša (п. sg.) *мужчина, самецъ*, срав.

авест. *aršōkaṇa*, по Justi: *Bewirker der Mannheit*; это слово встрѣчается во множествѣ иранскихъ именъ: 'Αρσάκης = др.-перс. *Aršaka*, 'Αρσακίδαи, 'Αρσάκιον γένος, 'Αρσης и друг., вторая часть восходить къ корню *kaṇ* — *любить*, срав. авест. *kaṇ*, др.-перс. *kaṇ*, авест. *kāmti* — *желаніе*, *воля*, др.-перс. *кама-на* — *любящій*, н.-перс. *kām*; авест. *kāmya* — *желаніе*, *χθαθρό-κάμυα* — *желаніе власти*.

То же слово въ имени скиѳа (?) 'Ατα-κάμ (Prisc. Pan. fr. 1, ed. Müll. IV, 72) и перса 'Αβροχόμας — Her. 7, 224).

Названіе импотентовъ у скиѳовъ 'Ενάρεες (Herod. 4, 67, 1, 105) состоитъ изъ иранскаго слова *paṇa* — *мужчина*, срав. авест. *paṇa*, санскр. *paṇa*, н.-перс. *paṇ*, осет. *nal* — *самецъ*, авест. *пагуа* — *мужской* и друг., и такъ назыв. а privativum, *апага* = *не мужчина*, *апагуа* — *не мужской*.

Но вмѣстѣ съ этими именами у писателей встрѣчаются и такія скиѳскія имена, которыя не поддаются объясненію изъ иранскаго. Таковы, на примѣръ, царскія имена: *Σάβλιος* (Her. 4, 76), *Σκύλης* (ib.), *Γνοῦρος* (ib.), *Ἰδάνθυρος* (ib.), *Σχώπας* (4, 120). Намъ извѣстно, что были попытки объяснить эти имена изъ иранскаго, но, на нашъ взглядъ, попытки мало-успѣшныя. Малоубѣдительными намъ представляются и этимологіи иранскія нѣкоторыхъ скиѳскихъ названій божествъ, на примѣръ, скиѳскаго Аполлона *Οἰτόσυρος* (Her. 4, 59), иначе *Οἰτόσυρος* (Inscr. B. 3, 6013), Посейдона — *Θαμιασάδας* (Her. 4, 59), богини земли 'Απί (ib.), Ураніи — 'Αρτίμπασα (вар. 'Αργίμπασα), Зевса — *Παταῖος* (ib.), а также нѣкоторыхъ другихъ скиѳскихъ названій: Амазонокъ — *Οἰόρπατα* (примечъ, по Геродоту, *οἰόρ* будто бы значить по скиѳски *мужъ*, а *пата* = *убивать*), мѣстности 'Εξамπαῖος (Her. 4, 52), по Гер. = *ἱραὶ ὁδοί*, народа 'Αρτιάσποі (IV, 27), которое по Геродоту значить одноглазые: *ἄρτια γὰρ ἐν καλέουσι Σκύθαι, σποῦ τὸν ὀφθαλμόν*. Мы не отрицаемъ возможности того, что эти названія могутъ быть иранскими ¹⁾, но слѣдуетъ, кажется,

¹⁾ Таковы, повидимому, входящія въ составъ нѣкоторыхъ именъ слова: *-μασάδας* въ *Θαμιασάδας*, *-συρος* (авест. *sūga*—сильный, санскр. *ṣṛga*—богатырь) въ *Οἰτόσυρος*, 'Αρτι... въ 'Αρτίμπασα, *-απα* (срав. авест. *азра*—бонъ) въ 'Αρτιάσποі, *-пата* (срав. авест. *paiti*, санскр. *patī*—господинъ) въ *Οἰόρ-пата* и нѣк. друг. Имя скиѳской богини домашнего очага *Ταβίτι* (IV, 59) можетъ быть восходить къ иранск. корню **tar*, срав. авест.

сознаться, что они сильно искажены либо греческой транскрипцией иранских звуковъ, либо переписчиками Геродота, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и что самъ Геродотъ не всегда передавалъ точно нарицательное значеніе скиѣскихъ именъ.

Если отъ временъ Геродота мы перенесемся черезъ нѣсколько столѣтій къ тому періоду, отъ котораго до насъ дошли греческія надписи изъ Ольвіи, то найдемъ, что и въ нихъ еще сохранились слѣды иранскаго элемента въ населеніи этой Милетской колоніи и ея области. Ссылаясь на наше изслѣдованіе объ эпиграфическихъ слѣдахъ иранства на югѣ Россіи, отмѣтимъ, что изъ 100 слишкомъ ольвійскихъ „варварскихъ“ именъ, по нашему счету, немного меньше половины поддаются объясненію изъ иранскаго. Сюда относятся, напримѣръ, имена, которыя были выше (стр. 79) нами разобраны: Κάλαρος, Ἰνσάχαρος, Νάμυηνος, Σάναρος, Σπαδάκης, Ἀβνωζος, Ἰέζδραδος, Βαίβρμαιος, а также многія другія, которыя разсмотрѣны нами въ помянутомъ изслѣдованіи¹⁾. Къ несомнѣнно иранскимъ принадлежитъ и упоминаемое въ надписяхъ имя скиѣскаго царя Сантафарна (Σανταφάρνου τοῦ βασιλέως, у Латышева № 16), опущенное нами въ нашемъ изслѣдованіи. Оно заключаетъ во второй части иранское слово *farna — *миръ*, (срав. осет. фарн — *миръ, счастье, обилие*, персид. имена: Фарнапѣтисъ, Фарнасптисъ, Фарноухисъ, Ἰνταφέρνης), а первая часть находитъ себѣ объясненіе изъ авестійск. šāiti — *радость*, производнаго отъ глагольнаго корня šā — *радоваться*; срав. также др.-перс. šiyāti — *благоденствие*, парс. šāf, ново-перс. šād — *радость*, афган. šādī, курдск. šā; Σανταφάρνης можетъ значить: *радостно-мирный, счастливо-мирный*. Вѣроятно, еще нѣкоторыя другія изъ ольвійскихъ „вар-

тар—горѣть, прош. прич. tafta, санскр. tap=id., tapas=жаръ, осет. тавд грѣтый, н.-перс. taftān; въ европ. языкахъ е: теплѣ, tēper, terep.

¹⁾ Напримѣръ: Χούναρος (№ 90), Χουάρσαος (№ 83), Καρζόαος № 78), Βαδάκης и Βάδαος (№ 24), Ἰάραος (№ 31), Φάρναος (№ 37), Ἀργουάναος (№ 41), Αρσάνης (№ 43), Ἀβραος (№ 45), Μήτακος и Μήταος (№ 49), Ὀρόνης (№ 57), Ζούρης (№ 57), Καράναος (№ 59), Ἀρσηοῦαος (№ 67), Τούμβαος (№ 71), Ουάρζβαλος (№ 73), Ραδάγωσος (№ 75), Χωδαρζος (№ 76), Ὀσπινμάζας (№ 77), Ἀμώμαιος (№ 79), Σαράξασος (№ 80), Μαίφαρνος (№ 81), Κούζαιος (№ 90), Ἀμώδαστος (№ 92), Καινάξαρος (№ 94), Ἀμώσπαδος (№ 93), Φλείμναος (№ 7), Δάδαος (№ 3), Βωρόφαος (№ 98), Ούργβαος (№ 99), Νάβαος (№ 99), Μάχαος (№ 107), Μανίαος (№ 107), Οὐμβηοῦαρος (№ 70) и другія.

варских⁴ личных именъ могли бы оказаться иранскими, еслибъ наши источники для древне-иранскихъ языковъ были богаче. Несомнѣнно, однако, что значительный процентъ ольвийскихъ именъ нужно считать не иранскими, а принадлежащими какому то другому, намъ неизвѣстному языку. Таковы, напр.: 'Αδός, 'Αλούθα(γ)ος, Βοττύλος, Γόλας, Ζάλας, Κοιχοῦναγος, Κοινοῦς, Μουχοῦναγος, 'Ρησπινδίαλος, 'Ρηχοῦναγος и другія.

Эти имена могутъ служить доказательствомъ тому, что „варварскій“ элементъ населенія области Ольвии не ограничивался одними иранцами. Греческая колонія своею промышленностью, торговлей, культурной жизнью могла притягивать къ себѣ „варваровъ“ на значительномъ пространствѣ, и вѣроятно въ числѣ этихъ „варваровъ“ были западные сосѣди иранцевъ — представители той этнической группы, которую довольно неопредѣленно называютъ Фракійской. Присутствіе другого этническаго элемента, кромѣ иранскаго, замѣтно и въ болѣе отдаленныя времена среди западныхъ скиноовъ или рядомъ съ ними. Едва-ли мы будемъ когда нибудь въ состояніи точно опредѣлить этотъ элементъ (или эти элементы) и уяснить, были то фракійцы или киммерійцы¹⁾ или агаеирсы, но о существованіи этого элемента говорятъ скинскія личные имена, сообщаемыя Геродотомъ (Иданеирсъ, Гиуросъ, Савліосъ и друг.) и необъясняющіяся изъ иранскаго. То обстоятельство, что это имена царей, — а цари были изъ царственныхъ скиноовъ, — еще не побуждаетъ насъ предполагать, что эти имена имѣли въ ихъ языкѣ нарицательное значеніе. Они могли быть и не скинскаго происхожденія, какъ, напримѣръ, имя скинскаго царя Λύκος, звучащее вполне по гречески. Въ виду того, что скинскіе цари брали женъ отъ разныхъ народовъ, женились на гречанкахъ, агаеирсинахъ, которыя, какъ мы знаемъ изъ примѣровъ, имѣли вліяніе на воспитаніе своихъ сыновей, не трудно допустить, что и въ царской династіи, помимо національныхъ именъ, могли встрѣчаться и иноземныя. Съ другой стороны, и изъ того обстоятельства, что имена нѣкоторыхъ скинскихъ царей объясняются изъ иранскаго, также нельзя дѣлать заключенія объ иранствѣ ихъ носителей. Эти имена сами по себѣ

¹⁾ Едва ли можно допустить видѣствъ съ Геродотомъ, что киммерійцы были искоренены въ Скиіи безъ остатка.

не говорят ничего ни въ пользу иранства, ни въ пользу уралоалтайства царскихъ скиновъ. Они только свидѣлствуютъ о томъ, что въ Скиіи *долженъ былъ быть иранскій элементъ населенія, оставившій слѣды въ личныхъ именахъ.* Всѣ другія заключенія идутъ дальше, чѣмъ позволяютъ факты, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи.

Къ какимъ же выводамъ приводить насъ нашъ экскурсъ о скинахъ?

1) Въ противоположность тѣмъ, которые видятъ въ Геродотовыхъ скинахъ уралоалтайцевъ и тѣмъ, которые считают ихъ иранцами, мы, вмѣстѣ съ Θ. Г. Мищенко, предполагаемъ этническое различіе между скинами восточными, — кочевниками и царскими, — и скинами западными — земледѣльцами.

2) Считаая послѣднихъ болѣе древнимъ населеніемъ и болѣе культурнымъ, мы считаемъ первыхъ болѣе поздними пришельцами изъ Азіи, болѣе дикими и воинственными, подчинившими себѣ *Древнюю Скиію.*

3) Сообщаемыя Геродотомъ двѣ легенды о происхожденіи скиновъ относятся къ скинамъ осѣдлымъ и приурочиваются къ Приднѣпровью. Обѣ легенды, на нашъ взглядъ, содержатъ черты, напоминающія легенды и религіозныя представленія Ирана.

4) Нѣкоторыя названія скинскихъ божествъ, а также нѣкоторыя занесенныя Геродотомъ личныя и нарицательныя имена находятъ объясненіе въ иранскомъ.

5) Значительный процентъ личныхъ „варварскихъ“ именъ Ольвійскихъ надписей носитъ яркіе признаки иранской національности.

6) Въ виду того, что Ольвія была въ сосѣдствѣ и общеніи съ скинами земледѣльцами, можно, на основаніи „варварскихъ“ именъ въ надписяхъ этого города, съ вѣроятностью предположить, что среди сосѣднихъ скиновъ однимъ изъ этническихъ элементовъ (и вѣроятно господствующимъ) былъ иранскій.

Напомнимъ при этомъ, что присутствіе иранскаго элемента въ западной Скиіи подтверждается косвеннымъ образомъ существованіемъ его еще западнѣе по ту сторону Истра, если мы допустимъ иранство народа сигинновъ, который, по свидѣтельству Геродота (V, 9), самъ производилъ себя отъ мидянъ и одѣвался по мидійски.

Конечно, всѣ эти выводы мы не считаемъ прочно доказанными, какъ вообще ничего нельзя прочно доказать въ вопросахъ подобныхъ скиѣскому; но эти выводы представляются намъ болѣе согласимыми съ наличными фактами.

Что же касается народности скиѣовъ кочевниковъ, то не считая убѣдительными всѣ доказательства Нибура, Неймана, Мищенко и другихъ, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть урало-алтайскую орду, мы однако не считаемъ убѣдительными и доказательства ихъ иранства, основанныя исключительно на лингвистическомъ анализѣ нѣсколькихъ собственныхъ именъ, въ виду возможности допустить заимствование послѣднихъ.

Въ нашей статьѣ „объ эпиграфическихъ слѣдахъ иранства на югъ Россіи“¹⁾ мы указали на присутствіе персидскихъ именъ въ Каппадокіи, Понтѣ, Арменіи, а также у ближайшихъ сосѣдей скиѣовъ, у еравійцевъ, которыхъ, кажется, никто на этомъ основаніи не считаетъ иранцами. Такого, напримѣръ, имя еравійскаго царя 'Αριφάρνης, союзника Евмега, сына Перисада I (Діод. XX, 22). Если мы вспомнимъ, что скиѣы въ VII вѣкѣ своими толпами обрушились на Мидію и Малую Азію и прохозяйничали тамъ чуть ли не въ теченіе цѣлаго поколѣнія, что съ азіатскими скиѣами (саками) не мало воевалъ и Киръ, который, можетъ быть, и погибъ въ этой борьбѣ, что Дарій Гистаспъ называетъ саковъ своими даннинами, то не трудно допустить возможность появленія персидскихъ именъ и у *царскихъ* (европейскихъ) скиѣовъ. Ношеніе благороднаго арійскаго имени, напр. 'Αριαπίδης, еще не позволяетъ намъ видѣть иранца въ какомъ нибудь скиѣскомъ кочевникѣ - царѣ, котораго подданные пьютъ кровь перваго убитаго врага, приносятъ человѣческія жертвы оетишу-мечу и котораго смерть сопровождается цѣлой бойней среди его приближенныхъ и отрѣзываніемъ ушей у множества народа; но, съ другой стороны, эти черты дикости и жестокости еще не могутъ служить доказательствами урало-алтайскаго его происхожденія. Словомъ, вопросъ о національности царскихъ скиѣовъ представляется намъ до сихъ поръ открытымъ и подающимъ весьма мало надежды на окончательное рѣшеніе.

¹⁾ См. стр. 277.

Грамматическіе экскурсы въ области осетинскаго языка¹⁾.

ФОНЕТИКА.

1. Въ главѣ II—о діалектахъ осетинскаго языка—мы говоримъ слѣдующее о „заставочномъ“ дигорскомъ *ä*: „Во многихъ именахъ существительныхъ, нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ и глагольныхъ формахъ, исходящихъ на согласный, въ дигорскомъ является гласная заставка *ä*, которой нѣтъ въ иронскомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дигорское заставочное *ä* соответствуетъ конечному гласному въ иранскомъ, который долженъ былъ отпасть по закону исхода словъ въ осетинскомъ; но восходитъ-ли дигорское *ä* дѣйствительно къ древнему иранскому гласному или представляетъ фонетическое явленіе позднѣйшаго происхожденія,—сказать трудно. Можетъ быть, въ однихъ случаяхъ онъ наслѣдіе древняго гласнаго, въ другихъ-же является подъ вліяніемъ аналогій. Вывести какой нибудь опредѣленный законъ, объясняющій присутствіе или отсутствіе конечнаго *ä* въ дигорскомъ намъ не удалось“ (стр. 34).

Просмотрѣвъ перечисленные у насъ (на стр. 34 и слѣд.) случаи присутствія „заставочнаго“ *ä* въ дигорскомъ, проф. Фортунатовъ приходитъ къ предположенію, что „конечное иранское *ä* сохранилось въ дигерской заставкѣ *ä*. Въ пользу

¹⁾ Въ этой статьѣ мы помѣщаемъ дополненія и поправки къ грамматической части „Осетинскихъ Этюдовъ“. Мы воспользовались замѣчаніями, сдѣланными намъ профессорами Ф. О. Фортунатовымъ и О. Е. Коршенимъ, а также указаніями проф. Залеманна въ его критической статьѣ о нашихъ „Этюдахъ“, помѣщенной въ *Literaturblatt für orient. Philologie* I, стр. 138—146. (1883) и трудомъ проф. Гюбшманна—*Etymologie u. Lautlehre der ossetischen Sprache*, Strassburg 1887.

этого мѣнѣнія говорятъ многочисленныя примѣры: афсѣ—кобыла, *asrā, мадѣ—мать—mātā, фидѣ—отецъ—pitā, ѡрвадѣ—братъ—brātā, гадѣ—санскр. gadā, ав. gaḍa, бѣрзѣ—береза—Birke.

Дигорская заставка ѣ (общеосетинск. ѣ) восходитъ, повидимому, и къ иранскому ѣ *подъ удареніемъ* въ конечномъ слогѣ, по крайней мѣрѣ при томъ положеніи его, когда ему предшествовала въ иранскомъ одна мгновенная согласная. Такъ могла бы быть объясняема дигорск. заставка ѣ въ сѣдѣ—сто—с. sātā-, мѣгѣ—с. meghā-; въ именахъ съ суффиксомъ—агѣ, напр. въ тѣрсагѣ—робкій-, съ котор. сравн. по образованію ведійск. pavākā—(въ текстѣ pāvakā). Сравн. съ другой стороны дигор. хѣд—с. svēda и sētu.

Въ иронскомъ нарѣчій конечный гласный, соответствующій дигорской заставкѣ ѣ, вообще исчезъ (въ такихъ случаяхъ, какъ бѣрз—береза—д. bērzā, самое ѣ, а не а, на нѣ слѣдовало-бы ожидать (см. ниже стр. 141), указываетъ на то, что нѣкогда и здѣсь существовала заставка ѣ), но, повидимому, при извѣстнаго рода стеченіи согласныхъ такое ѣ (т. е. слѣдовательно первоначальное конечное -ā) и здѣсь сохранилось, напр. въ зѣнгѣ—с. gānghā¹⁾.

Считая съ своей стороны эти предположенія весьма вѣроятными, мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не уяснили себѣ законовъ, объясняющихъ присутствіе заставочнаго ѣ въ большинствѣ случаевъ, перечисленныхъ на стр. 35. Можемъ сдѣлать лишь нѣсколько предположеній:

а) Сопоставляя присутствіе заставочнаго -ѣ въ словахъ, перечисленныхъ подѣ буквами В и Д, мы рѣшаемся предположить, что сохраненіе ѣ находится въ связи въ эпентезой при и (п). Т. е. въ сугѣр-инѣ (изъ сугѣ-зѣр-инѣ) первоначальный суффиксъ былъ -pia, (срав. с. hīgaṇya). Движеніе фонетическихъ измѣненій могло быть такое: *zaḡa-pia, zaḡa-i-pa, zāḡinā; аналогія иннѣ—anā показываетъ, что диетонгъ, вышедшій изъ эпентезы, въ данномъ случаѣ не принимаетъ въ дигорскомъ вида ѣ¹⁾). Такимъ же образомъ для слова ѡнцѡинѣ — *покой* — можно предположить суффиксъ pia (или piā²⁾); изъ *-ā-pia чрезъ *onā, oīna вышло—oīnā.

¹⁾ О дигорскомъ ѣ, вышедшемъ изъ эпентезы, см. ниже.

б) Конечное *ä*, восходящее либо къ *ä* либо къ *ä* (-am), сохранилось, вследствие неудобнаго стечения согласныхъ, равно въ обоихъ нарѣчіяхъ въ словахъ: дәрґ-цä—*длина*, ўәрх-цä—*ширина*, имѣвшихъ кажется суффиксъ -tia (м. б. tiä или tiam) ¹⁾.

в) Къ I) на стр. 35 можно замѣтить, что и въ нѣкоторыхъ словахъ на -ўр находимъ въ дигорскомъ „заставку“ *ä*: қәдўр—*бобы*,—дигор. қәдорä. Слово хәз-гўл, д. хәз-гол, какъ сложное изъ хәст + гол (*близъ-лежащая*), слѣдовало оставить въ сторонѣ.

г) Къ именамъ на -äx, исходящимъ въ дигорскомъ на -änxä, напримѣръ, фуд-äx, фуд-änxä, можно присоединить и нѣкоторыя иронскія на -äg, имѣющія въ дигорскомъ суфф. -änxä: ўас-äg—*пѣтухъ*, ўас-änxä. Сохраненіе конечнаго *ä* объясняется, по видимому, сохраненіемъ въ дигорскомъ носоваго *n* передъ *g*, такъ какъ исходъ -äng и -änx не существуетъ въ этомъ діалектѣ.

2. Въ въ этой-же главѣ (стр. 32 § 5) у насъ сказано, что „въ глагольныхъ корняхъ, кончающихся на гласный и образующихъ основу настоящаго посредствомъ *j*, въ дигорскомъ этотъ *j* сохраняется, въ иронскомъ же выпадаетъ: äмбујун (*гнить*) ир. ämbiün (изъ ämbvün, ämbvjin)“ и т. д. Проф. Фортунатовъ находитъ, что это наблюденіе должно формулировать такъ: дигорскому ју (общеосетинск. ју) соответствуетъ иронское *i*, и подобнымъ же образомъ дигорскому ўи соответствуетъ иронское *u* (срав. стр. 38, 10, диг. ўин-ун (*видѣть*), ирон. унүн).

3. На стр. 35 ж. у насъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Коршъ, дигорское *ä* въ фудänxä (ир. фудäx) не точно названо *носовымъ*; ср. стр. 39, § 7, гдѣ говорится, что въ такихъ словахъ, какъ дигор. фудänxä, ана, слышится vocal+п того органа, къ которому принадлежитъ слѣдующій согласный, т. е. либо гортанный, либо зубной н. Что касается пропе-

¹⁾ Проф. Гюбшманъ (Et. и. Laut. p. 79) не раздѣляетъ нашъ взглядъ на происхожденіе „заставочнаго“ *ä* и видитъ въ послѣднемъ во многихъ случаяхъ *новый* суффиксъ, особенно въ формахъ Optativi: диг. фінсін-ä, фінсис-ä, фінсід-ä и т. д., соответствующихъ иронскимъ: фүссін, фүссис, фүссід. Такого же поздняго происхожденія дигорское конечное *ä* въ именахъ существительныхъ, исчезающее передъ суффиксомъ множ. числа -tä.

хожденія иронскихъ формъ, то точнѣе слѣдуетъ сказать, что общеосетинское *и*, сохранившееся въ данномъ случаѣ въ дигорскомъ, ассимилировалось въ иронскомъ слѣдующему согласному, причемъ, если послѣдній стоитъ на концѣ, геминація его не различается слухомъ: напримѣръ, срав. *хонх*—*хох* (но род. *хонху*) и *аи́гъа́д*—ир. *а́гъа́д*, *анз*—*аз*, но *о́а́нзун*—*о́а́нзун*.

4. Въ число примѣровъ дигор. *с* и *з* передъ *и* и *ё* (на стр. 38, § 3), какъ указываетъ проф. Коршъ, попало дигор. слово *изди́* (ирон. *здү*), гдѣ *з* не стоитъ передъ *и*. Здѣсь дигорск. *з* объясняется вліяніемъ *и* слѣдующаго слога.

5. Въ поясненіе описанія звуковъ *л* въ осетинскомъ (стр. 25), согласно съ замѣчаніями проф. Фортунатова, слѣдуетъ сказать, что *точнѣе* въ осетинскомъ существуетъ 3 звука *л*: 1) русское открытое (польск. *l*), 2) русское закрытое *ля* и 3) европейское (нѣмец. или франц.) закрытое *l*: *la*. Различеніе всѣхъ трехъ видовъ было бы затруднительно для печати и притомъ не всегда возможно; такъ передъ *а*, *о*, *у*, *а́*, *у́* въ дигорскомъ и иронскомъ, по разнымъ мѣстностямъ (ауламъ) и даже у отдѣльныхъ лицъ, слышится то *l*, то европ. *l*. Передъ *и* и *ё* слышится то-же *l*, что въ русскомъ языкѣ передъ *и*, *е*, *ю*. Особенно трудно уловить отѣнки въ произношеніи *l* передъ *а́* и *у́* въ иронскомъ. Въ южно-осетинскомъ говорѣ мы не слыхали вовсе открытаго *л* (*l*).

6. На стр. 34, § 6 у насъ упомянуто выпущеніе *ј* и *ѣ́* между гласными и стяженіе послѣднихъ, встрѣчающееся иногда въ иронскомъ. Для выпущенія *ѣ́* приведены примѣры: диг. *ра́ѣ́г*—легкій, ир. *ро́г* и *рог*, *на́ѣ́г*—новый, ир. *но́г* и *ног*, д. *ца́ѣ́н*, ирон. *ца́ѣ́н*, *цѣ́ом* и *цом*. Проф. Фортунатовъ замѣчаетъ, что изъ примѣровъ не видно, чтобы *ѣ́* между гласными выпадало и ссылается на стр. 63, гдѣ форма *но́г*, *ног* объясняется предварительнымъ выпаденіемъ звука *а́*, предшествовавшаго *ѣ́* (*на́ѣ́г*, **на́ѣ́г*, *но́г*), такъ что *ѣ́* уже не находилось между гласными.

7. Параграфъ 1, объ осетинскомъ *а́* (стр. 46), слѣдуетъ, по мнѣнію проф. Фортунатова, дополнить такимъ образомъ: Въ осетинскомъ *а́* является и иранскій гласный *α* (условное обозначеніе) передъ плавнымъ, образовавшійся изъ индоевропейскаго неслоговаго гласнаго въ сочетаніи съ слоговымъ плавнымъ; напримѣръ: *о́а́рсун* сскр. *ṛ̥ṣchati* etc; въ древне-персид. соотвѣтствуетъ *а*: *kartam*—сскр. *kṛtām*.

Примѣчаніе: Изъ примѣровъ соотвѣстія осет. *ä* иранскому *a* слѣдуетъ исключить: *нäm-үн*, которое по значенію трудно сопоставить съ ав. *пam* и слово *мäg*, въ которомъ слышится чистое *a* (см. опечатки).

8. Въмѣсто § 2 на стр. 48 и б на стр. 50, по замѣчанію проф. Фортунатова, слѣдовало бы сказать слѣдующее:

„Вмѣсто *ä* въ соотвѣствіи съ иранскимъ *a* и *a* является въ осетинскомъ *a* передъ двумя согласными въ общесетинскомъ конечномъ слогѣ, т. е. тамъ, гдѣ дигорское нарѣчіе не имѣетъ „заставки“ *ä*: срав. *тär-үн*, но *тард*, *тäh-үн*, но *тагд*; съ другой стороны *цäст*, а не *цаст*, такъ какъ въ дигорскомъ это слово имѣетъ заставку *ä*: *цäстä*; *jäфс*, а не *яфс* по той же причинѣ (дигор. *äфсä*); *бärз*—д. *бärзä* и т. д.

Такъ какъ въ случаяхъ, перечисленныхъ въ § 3 (стр. 48), чистое *a* въ винословныхъ глаголахъ объясняется изъ иранскаго долгаго *ä* въ основахъ Causativi (напр. *мар-үн*—убивать—изъ *mäg-ауа*), то эти случаи могли бы быть помѣщены подъ буквой б (на стр. 49) въ томъ параграфѣ, гдѣ говорится объ осет. *a* изъ иранскаго *ä* (стр. 49).

9. На стр. 51 г.) у насъ сказано, что „чистое *a* является въ осетинскомъ вмѣсто иранскаго *a*, какъ возмѣщеніе выпаденія согласнаго. Проф. Фортунатовъ находитъ приведенные примѣры неубѣдительными; такъ *ам*, д. *амі* „здѣсь“ едва-ли можно отдѣлять отъ дигор. *амі*—мѣстн. отъ *a*- (стр. 152); *Баз*—подушка—изъ **балз*, но и въ **балз* надо ожидать *a*, а не *ä* по закону, указанному выше; если *тар*—темный—дѣйствительно тождественно съ ав. *täðga*, то осет. *a* восходило бы здѣсь къ иранскому носовому *ä*; *тасäg*—гибкій—едва-ли родственно съ *сскр*, *tañs*, такъ какъ въ соотвѣствіи съ санскр. *s* послѣ носоваго гласнаго едва-ли можно ожидать осет. *s*; притомъ, по замѣчанію проф. Корша, дигорское нарѣчіе сохранило бы и передъ *s*. *Дас-үн*—родственное съ *s. däs*, имѣетъ то *a* (иранск. *ä*), какое является въ глагольныхъ основахъ X-го класса, какъ въ *дарүн*, *давүн* и друг.

10. Согласно съ замѣчаніями проф. Фортунатова, считаемъ нужнымъ слѣдующимъ образомъ формулировать § 7 на стр. 52:

а) Иранское *ä* передъ группой согласныхъ переходитъ въ дигорскомъ въ *ä*: *хäра*—авест. *hçarezu*; если же сохранилось древнее конечное *ä* въ видѣ „заставки“ *ä*, то (какъ въ

бәрәй) ўа переходитъ въ ўә, сравн. хуәрә изъ *hcaḡā изъ сильной основы *hcahāgam.

б) Общеосетинское и дигорское ўа переходитъ въ иронскомъ въ о: хорз=хўарз, хо изъ *хўар (безъ заставочнаго ä) ¹⁾.

в) Иранское ца въ открытомъ слогѣ переходитъ въ дигор. въ ўә: хўадәг=*hcaḡataka.

г) Дигорскому ўә соответствуетъ въ иронскомъ одно ä: хўәр-ун=хәр-ун, хўәд-әг=хәдәг, хўә-цун=хәц-ун.

д) Группа hva, съ иранскимъ hv а не hʷ, является въ дигорскомъ въ видѣ хо, въ иронскомъ въ видѣ хў: срав. авест. hvare=дигор. хор, ирон. хўр. Въ дигорскомъ хуссун, ирон. хуссун (н.-п. хусрідан) вѣроятно является слабая иранская основа *hufs, срав. санскр. sur- при svar-).

11. Изъ числа случаевъ svaḡabhakti слѣдуетъ исключить, согласно замѣчанію проф. Корша, слово мälät, которое, по-видимому, имѣетъ суф. -ät сравн. цäў-ät—*покольные*; цäу= *суава-. Прочіе случаи также весьма сомнительны, какъ мы замѣтили на стр. 53. Гюбшманнъ (стр. 80) приводитъ, какъ примѣръ svaḡabhakti, слово дарäs—*одежда*, которое онъ сопоставляетъ съ авест. dereza—*оковы*, узы, и ново-перс. darz—*шитье*; но это сопоставленіе несогласно съ фонетическими законами осетинскаго языка, такъ какъ мы ожидали бы въ осетинскомъ *дарз въ соотвѣтствіи съ dereza и ничѣмъ не можемъ объяснить перехода z въ осет. с; дарäs, кажется, производится отъ глаг. корня дар (дар-ун—*держатъ*, *носить*), хотя суффиксъ намъ не ясенъ.

12. Къ примѣрамъ соотвѣтствія осетинск. а (изъ ä) иранскому ä можемъ еще прибавить слѣдующіе:

1) а передъ группой гласныхъ: алḡ—*кончикъ пальца*, санскр. agta—*острие, край*; факс—*сторона, край, бокъ*, сравн. санскр. rakṣā—*бокъ, крыло, сторона, половина*; äхсарт—*подвигъ, мужество*, ср. авест. хšaḡra—*владычество*, с. kṣatra—*мощество*, др.-перс. хšatra въ имени Artaxšatra; арц—*штыкъ, копье*, можетъ быть родственно съ авест. arṣti—*копье, пика*, др.-перс. arṣti, санскр. rṣti, пеглев. arst; ахс-ун—*попастъ епископъ*, ср. санскр. akṣ—*попадать, достигать*, ākṣati и ākṣṇōti.

¹⁾ Гюбшманнъ производить иронск хо изъ именит. падежа, правран. hcaḡā, санскр. svāsā, ав. hcaḡha (стр. 70).

а́д—*лѡвѡ*, ав. haṣti (Unterleib), санскр. sakthi, sakthan; начальное h отпало, конечные ṣt стали звучными ḡd;

д. анз, ир. аз — *юдь* — родств. съ ав. azaṇ — *день*, с. ahaṇ, слаб. основа ав. azaṇ — с. ahaṇ —; суффиксъ неизвѣстенъ.

2) а въ глагольной основѣ, объясняющійся изъ ā въ causativ: ар-ун — *рождать*, ср. с. ar-, гномі, ѓр-ву-маи, ѓр-то, or-iog etc.

Примѣч. Протетическое ā находимъ еще въ слѣдующихъ словахъ: āḡā — *противность*, м. б. родственно съ сскр. корнемъ glā — *чувствовать отвращеніе*, праес. glāyati.

āḡsart — *сила, подвиж* (см. выше).

āḡsuro — *серпъ*, срав. сскр. kṣura-ḡa — *ножницы, коса*?

āḡsuvuṇ, диг. āḡsinuṇ — *модать*, м. б. сскр. kṣi — *уничтожать*, праес. kṣināti и kṣinoti.

13. Гласный i, диг. ē, въ словѣ mīdāḡ, д. mēdāḡ, сближаемомъ съ авест. maīduya, сскр. madhya (medius), мы объяснили (на стр. 56) вліяніемъ эпентезы. Можетъ быть, такимъ же вліяніемъ объясняется тотъ же гласный въ глаголѣ sīmūṇ, диг. sēmūṇ — *платать*, если онъ въ родствѣ съ сскр. śam, трудиться, работать, праес. śamyati, а также śimuyati.

Слово xīṇ — *коварство, обманъ* — мы считаемъ теперь заимствованнымъ (55). Въ виду неизвѣстности иранск. корня для слова oīstāḡ — ир. oīstāḡ — *тѣшій* — это слово лучше оставить въ сторонѣ (стр. 56).

14. Въ числѣ отличій дигорскаго діалекта отъ иронскаго мы упомянули (стр. 37, 9), что во многихъ случаяхъ въ началѣ словъ является въ дигорскомъ протетическое i (преимущественно передъ начальными p, c): ipāz-ун — *рости*, ир. pāz-ун, ipdāун — *восходить*, ир. spāун. Въ настоящее время намъ кажется сомнительнымъ, чтобы это начальное i было всюду протетическимъ гласнымъ въ дигорскомъ. Въ нѣкоторыхъ словахъ оно, повидимому, остатокъ предлога vi-, лишившагося начального v (сравни. insāi = сскр. viṇṣati). Такое i, обратившееся въ иронскомъ въ v и затѣмъ отпавшее, кажется, можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ:

i-xāḡ-ун — *развязываться*, i-xaḡ-ун — *развязывать, разорять*, м. б. с. khall — *быть свободнымъ, разрѣшеннымъ*, праес. khallate.

i-tīnd-ун — *растягивать*, *vi + ṭaṇḡ

i-ḡārd-ун — *разрѣзать* — *vi + kart.

i-нәр-ун — i-наротон — *иранть*, м. б. vi + nard (для выпадения d, перешедшаго однако въ с передъ т, срав. лә-мар-ун — *выдавливать*, ләмарстон отъ корня mard?)

i-ўаз-әг — *юсть*, ир. ўазәг, *vi + vāzaka?

i-ғал-нәнун — ир. ғал-нәнун — *будить* = *vi + gaḡ.

i-ўар-ун, ир. ўарун — *дѣлать*.

i-ғос-ун — *слышать*, ир. ғусун — vi + gauš-?

i-зај-ун — *оставаться*, ир. зајн — *vi + zā?

Примѣч. Начальное i (=предлогу vi) сохранилось и въ иронскомъ передъ звукомъ в: i-вај-ун (д.) i-ва-йн (ир.) *блѣдность*, івад — *блѣдность*, бонүвайн — *разсвѣтъ*, можетъ быть сопоставлено съ арійск. vi + bhā (сіять); i-вазә (д.) іваз — (ир.) *мѣра, сажень*, срав. авест. vībāzu — *известная мѣра*. (Впрочемъ можетъ быть іваз того же корня какъ глаголѣ i-вәз-ун — *растягиваться*, i-ваз-ун — *растягивать*, котораго начальное i также сводится къ предложной приставкѣ vi-).

15. Къ приведеннымъ въ § 4 (стр. 58) примѣрамъ соотвѣтствія дигор. о, иронск. ў, иранскому диотонгу au, авест. ao, можно присоединить слѣдующіе:

бүд — *ладанъ*, ср., ав. baoda — *запахъ*, baoidi — *благовуханіе*.

бүс-тә кәнүн — *ненять*, ср. ав. baosu — Ungerechtigkeit (Justi).

боз, бүз — *благодарность*, бүзн-үг — *благодарный*, ср. авест. baošna — Reinheit (Justi).

д. сог. ир. сүг — *дрова*, срав. ав. saoka — Feuerbrand, saokavant — *блистательный*, санск. śoka — *пламя*.

16. Иронск. у въ соотвѣтствіи съ дигорскимъ у можно указать еще въ словахъ: урдүг — д. урдуг — *крутой, свержъ торчащій*, срав. сскр. ūrdhva — *высокій*; урс, ўүрс — *жеребецъ*, ср. авест. varšni, сскр. vṛṣṇi, vṛṣan (самецъ); усмән д. усмән — *часто*, м. б. родственно съ др. перс. vasi — *очень* и слав. весьма; ург, д. ург — *почка*, срав. авест. vareka (Z. P. Gloss.) н.-перс. bārg (листь). См. соображенія проф. Гюбшманна (Et. u. Laut. p. 88) о словахъ: хуссун, урс, урнү, урдүг, урүнг (волна).

Примѣч. I. Въ словахъ: ўдарм — *подставка*, чурбанъ, на которомъ колятъ дрова, ўмәл д. ўомәл — *влава*, начальное ў можетъ быть, представляетъ предложную приставку иран. ава; *ava-dharman, *ava-mala (ср. сскр. mala — *грязь, потъ*).

Примѣч. II. Въ словѣ д. урдә, ирон. урд — *ласочка, выдра*, если оно соотвѣтствуетъ авест. udra, санскр. udrá, начальное у въ обоихъ нарѣчійхъ восходитъ къ иранскому u.

Примеч. IV. Глаголь дор-ун, ир. дур-ун — *испорить* — мы еще меньше, чѣмъ прежде, склонны сопоставлять съ сскр. gar, авест. gar — *звать*. Последний глаголь находить себѣ соотвѣстнаго въ дор-ун — *имѣть*, причемъ я объясняется изъ а основы самзатіvi.

Примеч. IV. Глаг. носун, ир. нус-ун — *работать*,ближается съ н.-п. kāsān — *laborare*, орегам dare; такъ что сопоставленіе Юсти нус-ун съ н.-п. kāsān, ав. kareš не вѣрно (стр. 59). Глаг. сорун, сур-ун — *имѣть*, но предположенію бар. Штакель-берга, сопоставляется н.-перс. šorīdān — *confundere, turbare*.

Примеч. V. Въ соотвѣствіи глагола ālān-ун — *покупать* съ сск. kṛipāti сомнѣваются гг. Залеманнъ, Коршъ и Фортунатовъ. Дѣйствительно, точнаго доказательства тождества обоняъ глаголомъ мы не имеемъ. Затрудненіе составляетъ корневой гласный: ālān-ун могъ-бы быть сведено къ *kṛipāti а не kṛipāti; но срани. kāl-ун — *сыпаться*, сскр. kṛi-ati — *id.*

17. Начальные прамскіе ч и ѣ отпадаютъ въ осет. языкъ:

та — *же* ср. авест. iθa — *so, wie, nun.*

сі-аг — *злбкій*, ср. авест. isi *ледъ (?)*.

ба — *кран. пра*

а с (дек. *взъ*) — *авест. uz- us.*

Въ дигорскомъ предлогъ *ах- *аъ. является въ видѣ іе-; гдѣ і, вѣроятно, протетическій гласный.

18. Подъ буквою в) стр. 65 мы говоримъ, что „корневой долгій гласный а или о подвергается ослабленію при присоединеніи вторичныхъ суффиксовъ и при сложеніи: хох; — но хāхон, хорз, — но хāремуккаг; по замѣчанію пр. Корша, *тѣмъ же слѣдовало бы сказать, что и въ этихъ словахъ а ослабилось въ ѣ, ибо въ нихъ звучитъ о вышедъ изъ а подъ вліяніемъ и (дигор. зонк), а въ хорз изъ ѣа, дигор. хуара.*

19. Для соотвѣствія осетинскаго начальнаго к (стр. 66) прамскому можемъ привести еще слѣдующіе примѣры:

кал-ун — *сыпаться, лить*, ср. с. kṛ, kirati — *сыпаться*, н.-перс. kaḥdān.

карз — *строій, жестокій*, м. б. с. kṛṣa, ав. kexesa по Юсти Reisinger, ут, 1f, 6.

каун — *млатъ*, араб. п. слав. кы-ти.

кал-мāркан — *плитокъ*, ж. б. *кага, с. кага — *рука?*

Примѣч. Можно, кажется, принять переходъ и между гласными въ г въ словѣ агайн.—д. агајун.—*пробую*, ср. ав. *kā* — *желать*, сскр. *kā* (*kāyamaṇa*).

20. Пр. Fortunatovъ сомнѣвается въ соотвѣтствіи начального осетинскаго : иранскому начальному g, въ виду того, что послѣднее является въ осетинскимъ въ видѣ ġ въ дигорскомъ и q въ иронскомъ, и считаетъ слова съ начальнымъ g заимствованными. Дѣйствительно, изъ 3-хъ приведенныхъ у насъ (§ 2) словъ—*дга*—гал и *голлаг*—заимствованныя; слово же *гăдү*—*обманъ* мы не можемъ теперь сопоставить съ ав. *гада*—*убійца*, въ виду еще и того, что въ осетинскомъ есть слово родственное авестійскому: *qād*-гом — *рана*.

Примѣч. I. Пр. Гюбшманъ (Etym. u. Laut. p. 43 и 100) предполагаетъ, что въ словѣ *қудтаг*—*дѣла, надобности*—звукъ q вышелъ изъ и, такъ какъ *қудтаг* возводится къ глаголу *кăн-ун*—*дѣлать*, *imperf.* *кодтон*. Сопоставленіе, очевидно, ошибочно, какъ по несоотвѣтствію q съ к, такъ и потому, что *қудт-аг* восходитъ къ глаголу *қăун*—*долженствовать*, дигор. *гăун*, прош. прич. *қуд*, д. *гуд* (см. О. этюды II стр. 175); форма *жутаг* у Розена простая ошибка.

Примѣч. II. Объ отдѣльныхъ словахъ имѣющихъ и можно замѣтить (стр. 68 слѣд.): *кала*—*значить не слово*, а *мадъ* (ср. араб. *qal'a*), *кôзо*—*грибъ въ полѣ*, *зоко*—*грибъ на деревѣ*; *мăскъ*—*ступица колеса*; *кăнăг*—*малый нелзя сопоставить съ и.-перс. kām*—ав. *kamna*; *ках*—*нога*—слово заимствованное, какъ видно изъ чечен. *кок*, ингушск. *ког*, тушск. *кôк*, агушинск. *ках* (Θ. К.); сопоставленіе словъ *кôрд*, *куту*, *кудур*, *куп* съ другими индоевропейскими лучше оставить въ сторонѣ.

21. Относительно осетинскаго ġ, по замѣчанію проф. Fortunatova, слѣдуетъ точнѣе сказать, что онъ соотвѣтствуетъ праиранскому g, восходящему какъ къ индоевропейскому g, такъ и къ индоевр. gh. Въ началѣ же слова (передъ гласнымъ) въ иронскомъ является q въ соотвѣтствіи съ дигорскимъ ġ (иранск. g).

Послѣднее соотвѣтствіе можемъ подтвердить еще слѣдующими примѣрами:

қăу д. *гăу*—*село* м. б. сскр. *gavyam*—*пастбище*; срав. *қăу-бăстă*—*мѣсто жительства, поселенье*. (Такое происхожденіе названія *селенья* указывало бы на кочевой, пастушескій бытъ).

Сопоставление qāu съ ав. gātu, въ которомъ сомнѣвается и прое. *Заксманль*, этикъ устраняется.

qāh-qāh-ag, д. gāh-gāh-agā — *дышащее юрло*, н. б. родств. съ ескр. gala — *мѣтка* — съ удвоеніемъ и суффиксомъ.

qāra-vn, д. gāra-un — *одежа, стена*, ср. авест. gazez, ескр. garg, ср. ав. gereza — *одежа*.

qād-gom — *рана*, н. б. родств. съ ав. gađa — *болѣзнь*.

qāzd-vg, д. gāzd-ug — *богатый, сильный*, ср. ескр. gādha (нѣз gāda) — *крѣпкій, сильный*.

quz-vn, д. gūz-un — *подкрѣпляться тайно*, н. б. авест. нореъ guz — *скрывать*, ескр. guh, gūhati, авест. gūz-ra — *verborgen*.

qaz-tn, д. gāz-un — *жаловаться*: ср. н.-перс. gāzidām — *ran-gere, dolore affici, aegre ferre*. Сопоставление qaz-vn съ ав. gazez, съ которымъ мы выше сопоставили нронеъ qāra-vn, должно быть оставлено (стр. 72).

qurh-vn, д. gīrh-un — *излѣчать*, н. б. родств. по корню съ ескр. grūāti, grūite и girate въ sam-girate.

aqarvn — *прокачиваться, пролежать*, дигорск. ġar-un — *срав.* ескр. ghar — *крѣпить*, праес. ġigharti и gharati.

qāz — *малыш*, н. б. родств. съ н.-перс. gāz — *ulna, cubitas, "a gamrod", genus sagittae, gāzām — tamarix*.

qāb-ic, д. gāb-ābā — *облечь*: 2-я часть слова происходитъ отъ глагола jee-un, —ic-vn; 1-я, повидимому, восходитъ къ корню *gabh, ср. скар. gabh-asti — *локоть*, gabh-ira — *глубокій*, gabh-a — *vulva*.

Примеч. Начальное q общее нронеъ съ дигорскимъ входинъ, кромѣ приведенныхъ (на стр. 73) словъ (qur и qān, д. qājun), еще въ словахъ: qar — д. qarā — *сма*, qaz — д. qazā — *жаль*, нвqurvn — д. nīqūār-un — *мошна*.

22. Проф. Фортунатовъ сомнѣвается, чтобы осетин. конечное x соответствовало нранскому k (стр. 74): въ словахъ (мы) осет. x восходитъ къ нранскому χ, какъ показываетъ древне-перс. apāxam, а потому и въ смах надо признать такое же x; что же касается хурх, то сопоставление съ санскр. kṛka не оправдывается и отношеніемъ осет. хур — съ ескр. kṛ. Точно также, по мнѣнію пр. Фортунатова, нѣтъ вѣрныхъ примѣровъ для осетинск. начальнаго x изъ k: сопоставленіе ос. хаунъ съ курдск. di-kewina и осет. хууъ — съ курд. kūxin ничего не можетъ доказывать, такъ какъ

пурданое к. въ началѣ слова соответствуетъ иногда иранскому х; остающійся затѣмъ примѣръ не убѣдителенъ уже по своей единичности, а также и по неправильному соответствію осет. ур-уло—съ авест. ehrgr.

Конечно, мы сознаемъ сомнительность некоторыхъ сопоставлений, но все еще не отказываемся отъ мысли, что въ некоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе еще не вполне ясныхъ причинъ, осет. х соответствуетъ иранскому к.

Такъ, мы не согласны съ проф. Фортунатовымъ въ томъ, что др.-перс. ašāxam—указываетъ на х въ иранскомъ; этому препятствуетъ авест. ašākam (ср. авест. ašākam); древнеперсидская форма, которая, по мнѣнію Бартоломе (Agishe Fortunatov I. p. 79) вѣроятно звучала ašāxam¹⁾, объясняется какъ ассимилирующее вліяніе согласнаго (h) предшествующаго слога на согласный (k) слѣдующаго. Мы предположили вліяніе выпавшаго h на послѣдующій k въ ašākam для объясненія осет. формы мах; к въ оумат могло бы объясняться просто аналогіей съ мах. Что касается до сопоставленія хурх—съ kṛka и хуло д. хурой съ ав. kehrgr., то мы обращаемъ вниманіе на совпаденіе двухъ фонетическихъ факторовъ: во 1-хъ, ариск. t въ языкъ Авесты передъ согласн. k и p получаетъ въ иранск. видъ eht: чрка—vehrka, kṛka—kehrka; во 2-хъ, въ томъ и другомъ случаѣ, въ осетинскомъ мы замѣчаемъ переходъ * въ x и иранск. o въ a, ū y²⁾: kṛka. авест. *kehrka—осет. хорх, др. хурх; ари kṛka ав. kehrgr.—осет. д. хурой ир. хуло. Нельзя ли считать оба эти факта между собой и принимать переходъ начального осет. x въ x дѣйствию нагана-то особаго звука * (p), который выражается въ авест. графическ. буквою p³⁾ Вліяніе спиранта на переходъ предшествующаго * въ спирантъ x, кажется, можно видѣть въ осет. дѣа—д, кѣа—сѣаа, мой, ср. ав. kafa—zakhram, schapm, с. kapha (коти въ языкъ удинскомъ находимъ, нѣтъ заимствованномъ; слово

1) h передъ m не пишется, срав. tauma и н.-п. tuhm.

2) Не подъ вліяніемъ ли p? Срав. кор-ун, qur, хурх, хурф; срав. въ авест. coreš, zworesāra, voirietē, doreš, Bartholomae, Handbuch der Altiranischen Dialekte. § 8.

3) Die Schreibart p soll jedenfalls verloren * bezeichnen, Bartholomae Handb. d. Altir. Dialekte p. 36.

хуф). Сопоставленіе осет. хуф-ун — *хислалъ* съ курд. kuşin встрѣчаетъ затрудненіе не только въ х—к, но и ф—х; н. б. и осет. и курд. глаголы образованы изъ звукоподражательныхъ междометій хуф и кух, ср. н.-п. кух-кух—*вопль* *tu-variantis* (Vullers); но все же, кажется, начальное х (зм. к) въ осетинскомъ объясняется ассимилирующимъ вліяніемъ е, какъ и (зм. к) въ словѣ *хуф*; если сопоставить осет. хисе-ун — *исити* съ перс. kâšidân — *машинъ* и авест. kareš, то и здѣсь, кажется, можно видѣть особенное глухое р (r), которое, ассимилировавшись слѣдующему свистящему (ср. kâš-idân), оказало вліяніе на переходъ начального к въ х. Глаголь тэхун — *летать* можно сопоставить съ сскр. tak—stürzen, праес. takti, tahnati, р. р. takta. Не перенесенъ ли *а* въ основу настоящ. времени изъ основы прош. прич. takta = татт? Такимъ образомъ лезг. доселѣ и нѣтъ вполне убѣдительныхъ объясненій соответствія осет. х иранскому k; мы однако не теряемъ надежды, что впоследствии этотъ вопросъ можетъ быть улаченъ.

Примѣч. I. Признать глухое р въ нѣкотор. случаяхъ въ осетинскомъ побуждаетъ насъ и слово *фр-уг* — *бровь* — изъ *bruka; срав. *фрвд* изъ *brātā; конечное х въ словѣ *хуръ* зм. ожидаемаго г (krka) можетъ объясняться либо *глухимъ* р, либо вліяніемъ начального х.

Примѣч. II. Сопоставленіе фун ир. фун (сонъ) съ авест. hufna для насъ по прежнему не вполне ясно. Въсто объясненія, предложеннаго на стр. 53, можемъ предложить другое, но также гадательное: глаголь хусс-ун изъ хufs-āmi? показываетъ, что въ немъ слабая основа (hufs) корня hvar (svar); такая же основа могла быть и въ фун; изъ *hufn чрезъ выпаденіе f (срав. ассимиляцію f въ хусс-ун) послѣ предварительной ассимиляціи ему начального h (hufna, fufna) могло бы выйти фун.

Примѣч. III. Слово *ix*, д. jex—*ледъ*—(стр. 74) тождественно съ авест. aeḫa (см. Hübschmann въ Zeit. f. V. Spr. XXVII p. 105).

23. Къ приведеннымъ въ § 2 (стр. 73) соответствіямъ осет. х иранск. hv и h' можно добавить еще слѣдующія:

хуивун-д. луннун — *зависъ*, отъ svan съ примѣтой 4-го класса или paasivi svan+ya-; ср. хон-ун — *завѣ* — изъ *svan съ основой X-го класса.

хер—*хлебъ зерновой*, м. б. авест. h'агопа—*пища*; объ отпаденіи корочеваго и см. ниже.

д. ахуад-ун—*пробовать*, ср. санскр. ā+svādayati—*пробовать*; сюда же аходан—*запуска, застрахъ*.

хйлаг—*загнѣтанный*, м. б. родств. съ авест. h'airi—*морщина*.

24. х изъ иранск. χ=индоевр. kh можно указать еще въ словахъ: хадт—*разъ*, јухадт—*однажды*, ср. ав. корень хад-, vi-хад—*разломить, разбить* (для перехода значенія ср. русск. *разъ* и *разить*); сскр. khad? Далѣе въ глаголъ i-халун—*развязывающійся*, i-халун—*развязывать*, который можно сопоставить съ сскр. khall—*быть разрышаннымъ, свободнымъ*, греч. khal-late. Начальное i въ i-халун вышло изъ предложной приставки vi.

Примѣчаніе. Въ глаголъ ам-бохун—*юрдиться*, если его можно возвести въ корню *риз, (срав. лат. ris-tula, цсл. пыха, пухъ, сскр. riś, riśta, riśa, роśa etc.) звукъ х соответствуетъ индоевр. s.

25. Другими примѣрами отпаденія начального h и выпаденія его между гласными и между гласн.+m (м), n (н), могутъ служить: агд—*ладья*—ав. hahti; ахс-ун—ав. haхъ; д-аи—*есмь*—ahmi.

26. Начальное иран. t передъ гласными (кроме i) сохранилось въ осет. т (стр. 76). Другіе примѣры:

тон-ун—*разрывать, рвать*, отъ корня tan въ causat.; ср. р. *тянуть*.

тѣс-ун—*знобитъ*, тѣс-аг—*лихорадка*, ав. tafs, tafsaδ (у. 9. 36), н. п. täfsidān.

тиг, д. тѣг—*ребенъ горы*, ср. ав. taeyā, *острее* (?). Гюбшманнъ (Е. и L. р. 59) сопоставляетъ н.-перс. tēy- altitudo, vertex montis.

тарф—*сильно*, изъ *tarpa, ср. ав. tarep—*einem zukommen lassen* (Justi), сскр. tprat—*достать*.

тав-ун—*рвать*—*tāraūmi.

тагм—*вязь* (дерево) ср. лат. termes.

тѣгм—*полоса, рядъ*, ср. л. terminus, сскр. tarman? др. в. нѣмец. drum—*finis*, др. сѣвер. θrōm.

тѣн-тѣ—*бока нижней части живота*, ср. сскр. tanu—*тѣло*, н.-п. tān etc.

тѣнд-тѣ—*струны*, м. б. родств. съ санскр. tantu—*струна*.

27. Осет. *т*, соответствующее иранскому *θ*, находимъ еще (стр. 76, 3) въ словахъ: та—*же*, *опята*, =авест. *iθa*, с. *iθā*; *јæ-тогг*—*ютовый*, *нарядный*, ав. корень *θaīg*.

Примѣчаніе: Какому *t* (*t* или *θ*) соответствуетъ осет. *т* въ глаголѣ таин, д. таун, ср. слав. *тати*,—трудно сказать. О словѣ *мѣл-ѣт*—*смерть*—см. выше.

28. Другими примѣрами соответствія осет. *д* иранскому *д* могутъ служить (стр. 77, § 5):

дом-ун—домун—*усмирять*, *успокаивать*, кор. *dam*, ср. лат. *domare*.

дѣрайг—*шероховатый*, *жесткий*, *твердый*, ср. авест. *darezišta*—*sehr fest*, *darši*—*stark*, цсл. *дрѣвъ*.

дау—*сомнѣніе*, срав. авест. *davi*—*обманъ*, *dava*—*обманчивый*; Гюбшманнъ (Et. и L. p. 34) сопоставляетъ дау съ санскр. *dvaṣa*—*двойной*, *двойственностью*, *ложность*, греч. *δοτή*, гот. *tveifla*, что, впрочемъ, ему самому кажется мало вѣроятнымъ.

даун—*чистить метлою*, м. б. ав. *daṽ*—*чистить*, сскр. *dhāv*.

дард—*далекій*—Гюбшманнъ сопоставляетъ съ цсл. *дали* (Е. и L. p. 35) р. *дали*, хотя безъ иранскихъ параллелей этимологія сомнительна. Онъ же сближаетъ:

дарѣс—*платье* съ авест. *dareza*—*оковы*, н.-перс. *darz* *шитье*, армян. *handerj*—*платье*, и съ санскр. глаголомъ *dṛh*—*уярмлять*. Это сближеніе намъ не кажется возможнымъ по причинамъ, изложеннымъ выше.

29. Осетин. *ц* соответствуетъ иранскому *с* (русс. *ч*) еще въ слѣдующихъ словахъ:

цѣд-ун, д. цод-ун—*спотыкаться*, *толкать*, ср. сскр. *śud*, со-
dāyāmi—*поднимаю*, *сѣда*—*стрекало*, *кнуто*?

цѣр-ун—*поджаривать*, м. б. сближается съ сскр. *cūr* (*dhātup.*)—*brennen*, *cūrṇaka*—*geröstetes korn*.

30. Проф. Фортунатовъ предлагаетъ формулировать § 5 (стр. 79) такъ: Иранское *t* передъ *i*, тамъ гдѣ ему (*t*) не предшествовало в (*с*), перешло въ осет. въ *ц*; кромѣ приведенныхъ примѣровъ, можемъ привести еще слова: цѣрв—*дрожжи*, которое, кажется, м. б. сопоставлено съ сскр. *tivra*—*острый*, *tivṛa*—*юрчица*; цѣгд—*сыръ*, м. б. сскр. *tikta*—*острый*, отъ глагольн. корня *tiḡ*.

Примѣчаніе. Въ *фѣи-і* мы видимъ теперь предлогъ *pati* (см. ниже). Слово *фѣтцаг*—*первый*—(стр. 162) сводимъ мы къ **patiāka* **fitiāka*; и въ *хѣц-ау*—*самъ*, м. б. найдетъ *ашало-*

гнѣ въ персид. χῆς (χῆς); брав. дум-ви=ав. šam, дѣун=ав. šu, а также смѣну и и е въ сѣ, нѣ—eos; такое же соотвѣтствіе въ словѣ барц—ириа (д. барца) авест. bagesa—хребетъ (лошади), н.-перс. buš, collum, juba equi.

31. Въ § 8 (стр. 80) мы привели, въ видѣ предположенія, соотвѣтствіе начального осет. д иранскому начальному j. Пр. Фортунатовъ замѣчаетъ по этому поводу: „Образованіе осет. д изъ j въ дѣс, д. досѣ (ср. секр. jāsa etc.) мнѣ кажется несомнѣннымъ; очень вѣроятно также происхожденіе осет. д изъ j и въ дѣг, д. дог (секр. uoga, срав. лат. ju-mentum и jugum, тѣ ζεύχος, секр. pгауога—конь). Въ виду такихъ случаевъ, какъ осет. jāu (секр. yava), гдѣ j сохранился, не слѣдуетъ-ли уназвать на то, что осет. д изъ j мы находимъ передъ ѣ=дгг. ѵ=иранск. au?“ Мы не можемъ привести новыхъ примѣровъ осет. д=j, но и оба вышеприведенные кажутся намъ еще болѣе сомнительными. Такъ дѣг, дог—стадо—слово заимствованное, какъ видно изъ грузин. gogi—стадо, тушск. gog—табуль (см. Hübshamm, E. u. L. 125), а въ словѣ досѣ—пашебка, соляной растворъ—неопытенъ гласн. ѵ въ сравненіи съ санскр. уйша. Въ виду этого слѣдуетъ, кажется, отказаться отъ вывода осет. начального д изъ иранскаго j.

32. Осет. д въ соотвѣтствіи съ иранскимъ ġ (стр. 78, 2) можно указать еще въ словахъ: дѣгар—болѣзнь изъ сминаемъ главъ; м. б. родств. съ секр. ġagāga—бодрствование, ġāgataha—id., дагѣр—покойникъ съ раскрытыми глазами, мунѣлазѣй—спав. авест. ġaūluṅu—бодрствующій.

33. Соотвѣтствія осетин. с, по мнѣнію проф. Фортунатова, оцѣдвало бы представлять слѣдующимъ образомъ (стр. 81): Осетин. с соотвѣтствуетъ иранскимъ з и ѣ различнаго происхожденія:

1 а) Осет. с=иранск. з изъ индоевроп. s: передъ t (т, т'): іст-ун, стѣг, стаун, стуг, еталу; послѣ р: тѣро-ун.

Новымъ примѣромъ осет. с изъ иранск. z передъ t можетъ служить глаголѣ асѣар-ун—лзззз, если его сопоставить съ авест. ā-stag — лзззз, āstareta — лзззз, āstaga—лзззз. Такого же происхожденія з передъ ѣ въ глаголѣ скѣун—лзззз, скѣунч—лзззз, если онъ въ родствѣ съ секр. sku—лзззз, praes. skunoti, skunāti и skanti.

и) Осет. с=иранск. в изъ индоевроп. k (небного): сарс, счс, сбр, сау и друг.

Новые примѣры: ай-сон-ун (д.) толкать, ср. др.-перс. vi+saп—сокрушать, разрушать, авест. sāpa—уничтоженіе; йа-сār-ун—наступать, напирать, тлхатъ, срав. санскр. śar, śrñāti, ломать, сокрушать (или śar Э у BR. sich anlehnen), др.-перс. asarijata—Bh. III 91 (?), авест. sar—verletzen; pā-eiñ, д. pā-cujun—пухнуть, ср. сскр. pu, pvi—пухнуть, праев. pvaуati.

в) Въ такомъ случаѣ какъ сār—поза—осет. с восходитъ къ тому иранскому в, которое соответствуетъ сскр. ch (chāgā), срав. авест. gāsaiti=сскр. gachati.

г) Осет. с=иранск. в изъ индоевр. ts (ц) первонач. t передъ в, на примѣръ: ѳāсс—теленокъ,=сскр. vatea, (срав. авест. masya=сскр. matsya—рыба).

2. а) Осет. с=иранск. š изъ индо-иранскаго š (индоевроп. s): аст=сскр. āstā, фүс=ав.=gaosa, урс=сскр. vṛṣan, үре=авест. auṛuša и друг.

б) Осет. с=иран. š изъ индоевроп. ks (съ k небнымъ): суд=ав. šuda, арс=ав. aresā¹⁾, āхсāз (з=с), ср. ав. χšvaš. Сюда же относится тасāг—ибкий, если оно восходитъ къ авест. taš, сскр. takṣ, тесать.

Примѣчаніе I. Въ словѣ смах (вы) осет. с соответствуетъ авест. χš. (χšmākem) изъ иранской группы „?“, между тѣмъ какъ въ иранск. группѣ χš (=индоевр. ks) осет. лзыкъ сохранилъ χ, на примѣръ: āхсip—авест. χšira, с. kšira, āzōš—ав. χšvaš; āхсāв—ав. χšar, сскр. kṣar, рүхс, ав. гаохšпа, ср. сскр. rukṣa, āхсiвaг—(голубь) ав. аχšaена и друг.

Примѣчаніе II. Проф. Гюбшманнъ (Iranica, p. 425) не сомнѣвается, какъ проф. Фортунатовъ и Коршъ, въ соответствіи осет. сāдтүн—ломать (кор. *seand) съ н.-п. šikāstān, šikānām (срав. бāдтүн—вязать, при корнѣ band и ново-перс. bāstān). Онъ предполагаетъ, что иран. корень skand, šcand сгаргался въ др.-персид. по 9-му классу, причемъ въ группѣ dn d выпало (ср. авест. duna съ сскр. badhna). Т. о. въ др.-персидскомъ праев. отъ skand было skanāmiy (изъ skand-nāmi; срав. сскр. badhnāmi отъ bandh при авест. bāīdayaeti), а въ ново-перс. произошло šikān-ām. Этими соображеніями устраняются, на нашъ взглядъ, нѣкоторые фонетическія за-

¹⁾ См. Hübschmann. Iranica, въ Zsch. d. D. M. G. XXXVIII, p. 429.

труднения, существующія при составленіи осет. бѣдт-ун и сѣдт-ун съ корнями band и scand. Затрудненіе оостояло въ томъ, что, въ параллель съ иранскимъ ѣттѣмъ (виѣ) = дигор. ѣндѣмъ, мы ожидали бы въ дигорскомъ не бѣдт-ун, сѣдт-ун, а бѣнд-ун, сѣнд-ун. Теперь же, предполагая иранск. формы — *bad-nāmi, scand-nāmi, мы должны допустить что группа согл. *dn* перешла черезъ *dd* въ *dm*.

34. Для соответствія осет. з иранскому z, ž, ġ можемъ привести еще слѣд. примѣры:

зѣн-ѣг — *днѣти*, ав. корень *zan*; ср. н.-перс. *fārzānd* — *днѣти*; змѣл-ун — *шевелиться, крутиться*, ср. с. *hmal, hmalati* (*calane, gatau*);

зар-ун — *нѣти*, ав. *gar* — *звать*, сскр. *gar*;

зуд-кѣнун — *жадничать*, м. б. ав. *zu* — *спѣшить*, сскр. *gu, gavati, hzv. zūt, н.-п. zūd*;

зун-нон, знон — *счѣра*, ср. сскр. *hyas, н.-п. di*;

ірвѣзун — *освободиться, вырваться*, м. б. изъ *iv-rāzun* = **ari+gaz*, ср. ав. *gaz*, с. *rah* — *оставлять, покидать*;

қѣрзун д. *ġārē-ун* — *отенать*, ав. *garez*; қѣзд-уг — д. *ġāzd-уг* — *богатый*, ср. сскр. *gādha* (изъ *gaṛda*) — *крѣпкій, сильный*, қузун д. *ġūz-ун* — *подкрадываться*, ав. *guz*, с. *guh* — *скрывать*, *ивазѣ-мѣра, сажень*, ср. ав. *vibāzu* — *мѣра*; дѣрз-ѣг — *жесткій, твердый*, ср. ав. *darezišta* — *крѣпчайший*; карз — *стройный, жестокій* (з изъ с) м. б. с. *kīça, ав. keresa*.

ѣв-зѣрун — д. *äv zārūn* — *нискать ростки, всходить, проростать*, ав. *zar* — *altern, zaršta* — *gewachsen, gezogen*;

ѣв-залун, д. *äv zalū* — *уломъ*, ср. с. *haṛas* — *пила*, или скорее русск. *зола*.

ѣв-зарун — *выбирать*, срав. авест. *zar* — *хватать*, сскр. *har* — *id.*

35. Объ осетинскомъ б, по мнѣнію пр. Fortunatova, можно точнѣе сказать (стр. 84, § 3), что оно соответствуетъ *с* началъ словъ (и послѣ носовыхъ согласныхъ?) иранскому *b*, вышедшему изъ индоевроп. *bh*. Кромѣ перечисленныхъ въ § 3 примѣровъ, можемъ теперь привести и слѣдующіе:

д. боз, ир. *būz*, *благодарность*, бѣзун-уг — *благодарный*, срав. ав. *baōiša* — *чистота* (по Юсти);

бѣстѣ-кѣнун — *ненасть*, м. б. ав. *bausu-Ungerechtigkeit*;

бѣд — *ладанъ*, ав. *baōidi* — *благовуханіе*, *баоба* — *запахъ*;

бар-ун — *взвѣшивать*, ср. сскр. *bhara* — *тяжесть*;

барц — *рива*, ав. *bagēsa* — *спина*;

а-бур-ун, д. ра-бурун—*катанся*, м. б. сводится къ корню *bhur, ср. сскр. bhur—pulsari, bhur-apa—*подожжённый*.

Примѣчаніе. Въ словѣ буг, д. билъ—*уба, беретъ, край, б* кажется, соответствуетъ сскр. b: сравн. bila—*отверстіе, ротъ, устье, заплата* bila—*полезь до края*.

36. Переходъ иранскаго р (п) между гласными въ осетинск. б можно, кажется, подтвердить (кромѣ ба=иран. пра) еще слѣдующими примѣрами:

д. бауар—ир. буар—*тѣло*, м. б. = *ура-вага, отъ корня корня var—tegere, ср. сскр. var-man—*тѣло*, м. б. и сскр. kale-vara—*тѣло*;

бастъ—*страна, мѣсто* м. б. родств. съ сскр. upastha—*лоно, мѣстопребываніе*. Въ такомъ случаѣ сопоставленіе бастъ—съ сскр. vastu—*жилище, vasti—жизнь* (въ § 4 на стр. 85) устраняется.

Примѣчаніе I. б изъ иранскаго р между и и гласнымъ, кажется, можно указать въ глаголѣ ам-бахсун—*прятать, скрывающемся* съ авест. рахъ—sticken (срав. для перехода значенія нѣмецкіе sticken и stecken, русск. ткать, затыкать); такого же происхожденія б въ словѣ ам-біс—*половина*, изъ *hama+раева—*равновидный*?

Примѣчаніе II. б иногда переходитъ въ выговоръ въ и подъ вліяніемъ слѣдующаго н: мунт и бунт=русс. *бунтъ*, *бѣснун* и *бѣснун*—*сухно*; такого же происхожденія и въ глаголѣ нѣм-ун—*бить*, если онъ восходитъ къ корню *nabh, срав. сскр. nabh praes. nabhate, nabhnāti—*трескаться, ерещись, порваться*, по Naigh. vadhakarman, по Dhātup. hinsāyām, см. В. R. s. v. Обратный переходъ вслѣдствіе *диссимиляции* находимъ въ словѣ цсулмон (изъ *бсулмон, *мсулмон, *мусулмон)—*мусульманинъ*. Въ словѣ цубур иранскому б соответствуетъ въ дигорскомъ м: цумур (короткій); срав. также: ам-бахсун—*прятать* и анумѣхсун—*спрягать*.

37. Объ осетинскомъ е можно точнѣе сказать, что въ него перешли иранскіе р (п) и f.

Къ соответствію осет. е иран. р можно прибавить слѣдующія слова: еуд д. еуд—*зло, дурное*, м. б. = *pūta отъ корня рѣ, ср. авест. pūti—*исненіе*.

еадун—*разсказывать, рассказывать*, м. б. сскр. pat (caus. praes. pāt-ayati)—*разсказывать, раздирать*.

фал-дър (изъ фар-дър) *дамыа*, фар-аст, *даятъ*, ср. авест. *pāra*, с. *pāra*.

фалм д. фалмā — *дымка*, *туманъ*. м. б. родств. съ н.-перс. *pālm* — *pulvis* (Vullers).

Примѣч. Проф. Фортунатовъ думаетъ, что осет. *ājaŋ* — *достигать* — нельзя сопоставлять съ ар, *ār*, какъ показываетъ у въ персид. *yāftān* (ср. авест. *āyarta*); осет. ф здѣсь изъ иранск. f, между тѣмъ какъ *p* при такомъ положеніи обратилось бы въ осет. вѣ в (v) [см. далѣе]. Въ *ūaŋ-ŋ* осет. ф также изъ иранскаго f; авест. формы *uŋaŋi* и т. под. могутъ восходить къ корню *vaf*, *uf* (индоевр. *varh* при *vabh*? ср. греч. *ὑφός*, *ὑφίνω*, нѣм. *weben*). Осет. ф изъ иранскаго f является и въ *нафā* — авест. *pāfo* (пупъ). Вполнѣ соглашаясь съ этимъ, мы можемъ подтвердить соотвѣтствіе осетинск. ф (между гласными) иранскому f еще слѣд. примѣрами: хāф — *слина*, ав. *kafa* — *schleim*, сāф — *копыто* = ав. *saŋa*.

38. § 3 на стр. 87, по мнѣнію г. Фортунатова, слѣдуетъ формулировать такъ: осет. *в* соотвѣтствуетъ иранскому *v*, а также иранск. *б* при положеніи его не въ началѣ слова (и не послѣ носовыхъ согласныхъ?). Къ приведеннымъ въ этомъ параграфѣ примѣрамъ можемъ присоединить еще слѣдующіе: *ивān* = *vi* + *bhā*, *ивазā* — ср. ав. *vībāzu*, *лавар* — *даръ* изъ *grābāra*?

39. Что же касается соотвѣтствія осет. *в* (v) иранскому *p* (русск. п), то пр. Фортунатовъ замѣчаетъ: Въ виду того, что иранское f въ положеніи между звучными сохранилось въ осетинскомъ (см. 37) какъ ф, нельзя предполагать, что осет. *в* (v) изъ иранскаго *p* (п) въ положеніи между звучными образовалось чрезъ посредство f (напр. *фалв-ŋ* — отъ корня *gīr*). Слѣдуетъ предполагать, что въ ту эпоху, когда иранск. *p* сохранялось въ праосетинскомъ языкѣ неизмѣненнымъ въ f, дѣйствовалъ здѣсь законъ относительно измѣненія глухихъ мгновенныхъ согласныхъ въ звонкіе въ положеніи между звучными; слѣдовательно, одновременно съ осет. г, д изъ *k, *t, явилось въ осетинскомъ и б изъ иранскаго *p* (п) въ положеніи между звучными. Затѣмъ, въ то время, когда иранск. *p* (п) [въ положеніи не между звучными] измѣнилось въ осетинскомъ въ ф, тогда и осетинск. б (накъ изъ иранск. *b*, такъ и изъ иранск. *p*) стало переходить въ соотвѣтственную фрикативную, т. е. въ *в* (v), за исключеніемъ однако

того б, которое строго въ началѣ словъ имѣетъ череду несоединеннаго; впрочемъ, и въ положеніи между гласными, какъ видно изъ параллельныхъ формъ рѹбас и рѹбасо + аминна, аѳад и аѳад — аминна (см. примѣч. III на стр. 85) въ осетинскомъ слышится и болѣе древнее б.

Примѣч. Осет. е, вышедшее изъ иранск. р (черезъ б) находится также въ словахъ: аѳратутъ — аминна изъ *аѳр-аѳратутъ, срав. со второй частью нид. пѣтъ-ѣ, пѣтъ-ица; ар-лѣу — аѳ-лѣу, изъ иранск. *аѳр — вода и даина — дамина.

40. Мы видѣли (стр. 86 § 1), что иранская группа ар перешла въ осет. ас: аѳад — ав. аѳа. Но таже группа ар (санскр. arh), судя по слѣдующимъ дримѣрамъ, перешла черезъ і-звукъ въ сѣ-та — аминна, ар. авест. арі — аминна, нид. ар, аріс, аріу, курм. арех; осет. сѣд, д. сѣд — задница, др. сандарі арісау (dual), арісаид. Можетъ быть, поочередно иранск. р объясняется и въ тѣхъ случаяхъ, что въ данныхъ словахъ начальная группа ар перешла въ іа, но не получила спереди протетического гласнаго, вследствие чего начальное і перешло съ гласнымъ отъело, срав. осет. ра изъ іа, [аріс — *іаі — *аіа — аіа].

41. Что касается соответствія начального осетинскаго б иранскому у (§ 4, стр. 85), то мы не нашли новыхъ примѣровъ, подтверждающихъ такой переходъ звуковъ. И сомнѣваемся еще болѣе въ убѣдительности случаевъ, приведенныхъ въ названномъ §. Такъ, для нид. біѣ, д. біѣ-ун — аминна, авест. чѣт. чѣт (сѣ) нѣтъ иранск. формы, которая могла бы служить о томъ, какому иранскому звуку соответствуетъ осет. б; слово біотѣ мы объясняемъ теперь не съ чѣтѣ, чѣтѣ, но съ сѣр: ирвѣтѣ; слово бар, тождественное съ парѣ, бѣг, можетъ быть заимствованнымъ, а если и не заимствовано, то во всякомъ случаѣ нѣтъ полной убѣдительности въ соответствіи бѣг съ сскрит. вѣга; родство слова біѣтѣ съ авест. вѣгед — дѣтѣ — крайне сомнительно по несоответствію въ гласныхъ. Въ соответствіи съ чѣтѣ слѣдовало бы въ осетинскомъ ожидать *уарѣ,

42. Для соответствія осетинскаго м иранскому мѣстоимѣнн прѣвести еще: мон въ словахъ; аѳлі-мон — *подземный* (минный) *дымъ*; рѹі-мон — *злой духъ*, ѳѣлі-мон — *небесный* (верхній) *духъ*, срав. авест. mainju; змѣнт-ун — *мышать*, ср. таѣтѣ съ иред. иѣд змѣл-ун — *шевелиться*, *крутиться*, др. ескр. hmal, hmalati (calane, gatau); мѣн-г — *облакъ*, м. б. родств. нѣ-горна съ

слав. словомъ; тѣмъ — *телеса, родъ*, н. б. родств. съ лат. *terminus*; сскр. *tarmaṇ*; тѣмъ — *елъ*, ср. лат. *termes*; нѣмъ — *саранча* (занимств.), ср. авест. *maḍaḥa*, н.-п. *malax*, перс. *maṭah*, багуч. *maḍaḥ* (см. Zeit. XXVII, 108); сѣмъ — *иласать*, сскр. *ṣaṣ* (см. выше).

43. Просматривая слова съ *л* въ осетинскомъ, мы должны въ одну рубрику поставить тѣ, въ которыхъ *л* соответствуетъ санскритскому *l* или *l* въ иранскихъ языкахъ, за исключеніемъ языка авест. и древне-персидскаго, въ которыхъ (по крайней мѣрѣ въ графикахъ) нѣтъ звука *l*; сюда относятся:

бѣл, д. бѣл — *уба, край, берегъ*, н. б. сскр. *bila* — *устье, отъеротіе*; натамъ *bila* — *bis zum Rande voll*.

гѣл-гѣл-аг, д. гѣл-гѣл-аг — *дыхательное юрло*, ср. сскр. *gala-Kehle, Hals*, л. *gala*.

хѣл-хѣл — *шевелиться*, сскр. *hmal, hmalati*;

и-хѣл-хѣл — *разорять*, н. б. сскр. *khaṇ* (см. выше);

тѣл-хѣл — *салае, натае*, ср. сскр. *tala* — *колеблющийся, tul* — *поднимать, отъсиг*.

ѣл-хѣл-хѣл, нр. ѣл-хѣл-хѣл — *сидѣть*, н. б. сскр. *lap* — *шептать, lapaṇa* — *ротъ* etc.

ѣл-хѣл — *подбрасывать*, н. б. сскр. *vell* — *vellati*, *колебать, качать*; ѣл-хѣл-хѣл, д. ѣл-хѣл-хѣл — *отстригать*, нѣтъ *ѣл-хѣл-хѣл, слав. сскр. *vḥ, vlināti*, *сжимать, сдѣлывать*.

Во вторую группу можно поставить тѣ слова, въ которыхъ осет. *л* вышелъ изъ иранскаго *г* подъ вліяніемъ слѣдующаго *і* (или *і* слѣд. слога); въ другихъ иранск. языкахъ находимъ здѣсь *г*, хотя съ исключеніями для *l*:

лѣст-аг — *желкій*, лѣст-іг — *щелки*, ср. сскр. *giṣ* и *hiṣ* — *отрывать, giṣṭa* — *разорванный*.

кѣл-хѣл — *сыпаться*, нѣл-хѣл — *лечь, сыпать*, сскр. *kṛ*, *kṛati*, но н.-п. *kālidān*.

нѣл — *злой*, сскр. *kṛmī*, н.-п. *kirim*; здѣсь осет. *л* явился подъ вліяніемъ конечнаго *і* въ послѣдствіи отпаиваго.

д. мул-дуг — *муравей*, ср. ав. *maoigī*, н.-п. *mūr*, сскр. *vaṃgī* нѣтъ **vaṃgī*.

нр. дѣл, д. дѣл-а — *отъизу* ср. ав. *adaigī*.

бѣл (д.) — *подъ, на*, ср. сскр. *upaṛi*, н.-п. *bār*, но н.-перс. *bālā* — осет. *ѣл-а*.

нѣл — *самое*, нѣтъ **naṛiā*.

ѣл — сскр. *paṛi*, др.-п. *paṛiṇ*.

лѣн, д. лѣун — *напряжился*, ср. парс. rīmanī, н.-п. rīmān.

лѣхънун — *покумать*, ср. с. hrōpāmi.

лѣ-лѣсун — *пять*, (изъ лѣ-лѣс-ун) ср. н.-п. rīstān.

лѣ-лѣ-ун — *облакивать*, хор. rīr.

лѣмън (д.) *приятель, милый*, отъ корня *rī?

лѣ-ун — *блуждать*, сскр. rīc, н.-п. rīxtān.

тѣл — *волоса*, ср. лат. tergīnus, *tagīman?

алг — *оконечность, наконечник*, м. б. изъ *agria [*algia, *alg?]

звлун, д. зулун — *кривой*, ср. сскр. hvat и hval; [если зу-лун не восходитъ къ послѣдней формѣ, то л могло бы произойти отъ вліянія глагольной примѣты -ya hvag-ya].

уал-д-аг — *весна*; уал, соответствующее н.-перс. bāhāg, лит. vasaга, могло бы сводиться къ *vaḥaḡia.

га-лѣу, д. га-лѣу — ср. *мелкій*, (происхождение начального слога га — намъ неизвѣстно).

Слѣбу р на л въ осетинскомъ послѣдствіе диссимиляціи находимъ, кромѣ приведенныхъ у насъ случаевъ, еще въ слѣдующихъ словахъ:

лѣмърун и лѣмърун — *локоть* (ср. арм).

лѣл-дѣр — *далше* (ср. фар-аст).

лѣл-артан — *рыба* изъ лѣл-артан.

лѣл-мѣрѣн — *платокъ* изъ *лѣл-мѣрѣн.

Въ приставкѣ лѣ = рѣ: лѣ-дѣрун — *понимать*, м. б. родств. съ сскр. pradhāgaṃti — *соображаю, наблюдаю*; лѣвар — *даръ*, м. б. родств. съ *rḡa-bhaga; лѣ-марун — *выдавливать*, лѣ-дѣрс-ун — *канатъ*, лѣ-бѣр-ун — *хватать*, лѣ-гѣр-дун — *вырвать* и друг.

Примѣчаніе. Чѣмъ объясняется осет. л = иранскому г въ словахъ, приведенныхъ въ б) стр. 89: цалх — сахга, салд — авест. sageta, алі — авест. haigva, — до сихъ поръ остается вопросомъ.

44. По поводу осет. ѣ и ј проф. Фортунатовъ замѣчаетъ, что онъ не видитъ оснований, по которымъ можно было бы различать въ иранскомъ языкѣ неслоговые и и і съ одной стороны и спиранты v и j съ другой. Индоевр. ц и v совпали еще въ индо-иранскомъ языкѣ въ одномъ ц, и точно такъ же индоевр. і и j совпали здѣсь въ одномъ і. По поводу сближенія игѣр съ сскр. yakṛt etc., проф. Фортунатовъ замѣчаетъ: „то обстоятельство, что это слово имѣло въ индоевр. яз. *неслоговое* і, между тѣмъ какъ въ уава (осет. јѣу)

была *j* (*jot*), не имѣетъ значенія для осетинск. языка. ¹⁾ Осет. *i* въ *igār* произошло вѣроятно изъ *ia* — иранск. *ia*, срав. авест. *uākahe*“.

На это замѣтимъ, что хотя у насъ и нѣтъ примѣровъ на то, чѣмъ бы стало въ осетинскомъ начальное иран. *ia*, однако переходъ *ia* въ *i* намъ не кажется вѣроятнымъ, особенно если сравнить *igār* съ н.-перс. *gīgār*. Замѣтимъ, что вѣроятно *igār* быть можетъ точнѣе писать *jigār* (т. е. *jigār*); срав. дигор. *idowā* и *jidowā* (узда).

Примѣч. I. Относительно протетического *j* пр. *Фортуна-товъ* замѣчаетъ: въ иронск. *jāss* (д. *āssā*) действительно можно быть признаваемъ протетическимъ *j* передъ начальнымъ *ā*, какъ и въ иронской основѣ мѣстоименія *jāx* (напр. въ *jāxi*) при дигор. *āx* (*āxē*), хотя при этомъ остается непонятнымъ, почему, напримѣръ, и *ās* (*a*) не имѣетъ въ иронскомъ протетического *j* передъ *ā*. Что же касается ирон. *ia* = *astā*, то здѣсь нѣтъ и не было протетического *j*, такъ какъ дигорск. *jēs* при иронск. *is* указываетъ на общесет. **jēs* съ дигтонгъ: *ie*“. Въ такомъ случаѣ спрашивается, откуда же явился этотъ дигтонгъ? Намъ казалось бы, что безъ протезы, если не *j*, то *i*, обратившагося впоследствии въ дигор. въ *j*, дѣло не обойдется.

Примѣч. II. Кажется, можно привести еще одинъ примѣръ судьбы начального иранскаго *ia* (*ya*). Это слово: *ŷān-vg*, *ŷon-vg*, он-vg гал—бычокъ, теленокъ,—если оно въ родствѣ съ авест. *uavan-* (юнь) н.-п. *gāvān* etc; нельзя-ли предположить форму *iaavanika*, изъ которой вышли **iān-ug* (срав. *pava*—*nāy-āg*, *nūog*, ног), а съ отпаденіемъ начального *i*—*ŷān-vg*? Для перехода значенія срав. ссл. ювьць — *taugus*, бычокъ, юница — *juvēna*.

45. Примѣромъ перехода иранской группы согласныхъ *dr* (*ḍr*) въ осет. рд можетъ служить слово *urḍ*, д. *urḍā*—ласочка, ср. авест. *udra*, сскр. *udra*, р. *выдра*.

46. Отпаденіе конечнаго *n* (стр. 92. § 4 в) послѣ *c*, *z* и *x* (*ḥ*) можно указать еще въ словахъ *boz*, ир. *būz* — ав. *baōpa* (ср. *būzn-vg*); *хор* — *хлѣбъ*, ав. *hagena*.

¹⁾ Ср. однако выше, гдѣ, и по мнѣнію пр. *Фортуна-това*, начальн. *j* передъ *ā* (на) переходъ въ осет. въ *ā*: *дус*, *дун*.

47. По поводу выпадения согласных (стр. 93, § 5) проф. Фортунатовъ предполагаетъ, что въ словахъ хуздаръ, баз ¹⁾ выпало не *р* а *л*, такъ какъ *р* передъ *с* и *з* обыкновенно сохраняется. Изъ хурз-дар могло выйти чрезъ диссимиляцію хуздаръ, а затѣмъ *л* выпало; для баз (авест. bareziš) срав. н.-п. bāliš. Это соображеніе намъ кажется весьма вѣроятнымъ.

Примѣч. I. Заимствуемъ у Гюбшманна (Et. u. L. p. 109) еще слѣдующіе примѣры упрощенія группъ согласныхъ:

сс изъ ос: хусс-ун — спать — ав. hafs, н.-п. xuspidān.

сс изъ сп: істү — что нибудь — изъ іс + цү.

дт изъ дд: оундтас — пятнадцать — изъ фонд + дас.

тд изъ цд: хатдунан — буд. время отъ хадун — биться (изъ хад-дунан)

ск изъ стк: цаском — лицо — изъ цаст + ком

q изъ гк: тарқус — заяцъ — изъ дарг + қус.

р изъ гр: фандараст — изъ фандаг + раст.

Примѣч. II. Значительное отпаденіе конечныхъ согласныхъ является въ иронскомъ алгау — мѣдная луженая сковорода — при дигорскомъ алгауиндѣ. Сначала отпало конечное *д* (алгауин), а затѣмъ и *н*. Отпавшее *д* снова является во множ. числѣ: алгад-тѣ (изъ алга(у)ндтѣ?).

Примѣч. III. Не совсѣмъ понятно отношеніе между иронск. қуазн — лань и дигорскимъ гауанз. Въмѣсто конечной группы *зн* мы ожидали бы одного *з*, какъ въ ирон. аз (годъ), соотвѣтствующемъ дигорскому анз.

48. Въ начальной иранской группѣ *zg* звукъ *г* повидимому выпадалъ въ осет. языкѣ, если вѣрны слѣдующія сопоставленія:

д. сіуа — роиз, — ср. авест. згца въ згцага — рогатый, евр. татск. sürg, н.-пер. siu.

д. суина, ир. сін — бедро, м. б. ав. згаоі, н.-п. zugin, сскр. śroni.

49. Мы упомянули (на стр. 95 а), что при присоединеніи предложныхъ приставокъ нү-фә-къ глаголамъ, начинающимся съ соп. + вос. происходитъ геминация начальныхъ согласныхъ: цуді, — но нүццуді (т. е. нүтцуді), касун, — но фәккәсун. Въ объясненіе этого явленія проф. Коршъ предполагаетъ, съ чѣмъ мы теперь согласны, что предлогъ фә- вышелъ изъ

¹⁾ Слово цаст нужно оставить въ сторонѣ (см. выше).

иранскаго **pati*, др.-пер. *patiū*, парс. *pat-*, н.-перс. *bād* (напр. *bād ū guft* — онъ ему сказалъ) *bā*; а предлогъ *nī*- *nū*- изъ иранск. *niš-* *niž-*, и что геминація начальнаго согласнаго объясняется ассимиляціей ему конечнаго согласнаго этихъ предложныхъ приставокъ. Въ видѣ *фѣц-* (изъ *pati*) эта приставка сохранилась въ формахъ: *фѣц-ī*, *фѣц an*, *фѣц-aitā*, *фѣц-āncā* (см. стр. 198); формы *сцī*, *сцан* и т. д. образовались, вѣроятно, по аналогіи.

Словообразование.

50. По словообразованію можемъ сдѣлать лишь очень немногія дополненія.

Проф. Коршъ высказываетъ догадку, что иронск. имена на *-v*, которымъ соотвѣтствуютъ дигорскія на *-u*, напримеръ, *стѣл-v*—*стѣл-ū*—звѣзда (см. № 31, стр. 115) исходятъ въ иранскомъ на *-ца* (**stacpa*),—въ параллель тому, что иронск. имена на *-v*, соотвѣтствующія дигорскимъ на *-i* (например *доінv*—*доіні*—жажда), имѣли, по нашей догадкѣ, исходъ *-ia*. Подтвердить чѣмъ нибудь это предположеніе мы не можемъ.

Примѣчаніе. Слово *разv* д. *разі*—*соласенъ*—есть заимствованіе татарское, восходящее къ арабскому; слово *холv* имѣетъ въ дигорскомъ не *у*, но *і*: *хўали*.

51. Къ числу суффиксовъ можно еще присоединить:

суф. *-дѣг* въ словахъ: *ўал-дѣг*—*весна*, *қѣл-дѣг*—*бодрый*.

суф. *-дуг*: *мѣл-дуг*, д. *муд-дуг*—*муравей*.

суф. *-тѣг*: *фѣс-тѣг*—*тѣшій*, *сѣф-тѣг*—*копыто*, *рўос-тѣг*—*бодрый*.

суф. *-ас* д. *-асѣ*: *ўj-ас*—*такой*, д. *oj-асѣ*.

суф. *-стон*, именнаго происхожденія (=**stāna*): *цѣхv-стон*—*складъ соли*.

Склоненіе.

52. Согласно съ замѣчаніями проф. Залеманна, мы окончательно останавливаемся на нашемъ мнѣніи, выраженномъ (стр. 129) въ видѣ предположенія, о происхожденіи *-v* дигор. *-i* род. падежа изъ суф. *-iua*, *-ia*, *-ua*, образующаго относительныя прилагательныя. Съ перс. *изафетомъ*, каково бы ни было происхожденіе послѣдняго, осет. *-v* (*-i*) не имѣетъ ге-

нетической связи. Любопытную параллель осет. родительному находимъ въ еврейско-татскомъ языкѣ. Здѣсь есть два способа выраженія род. падежа: 1) Чрезъ прибавленіе суф. -i къ управляемому слову, съ обращеніемъ послѣдняго въ имя прилагательное: *ásb bābā-i* — *лошадь отца* (соб. отцова); *kuk χupāi* — *сынъ дома* (соб. домашній); 2) прибавленіемъ -i къ управляющему слову (какъ въ ново-персидскомъ): *ásb-i bābā* — *лошадь отца*, *kuk-i χupā* — *сынъ дома* (ср. н.-перс. *asb-i pidār*, *pusār-i χānāh*).

53. Производство флексіи *ablativi* -āi изъ **hasā* (н.-п. *āz*), предложенное г. Лерхемъ и казавшееся намъ вѣроятнымъ, становится теперь для насъ сомнительнымъ. Во 1-хъ, происхождение -i изъ **sa* въ иронскомъ все же не можетъ считаться вполне нормальнымъ; во 2-хъ, санскр. *sāsā* и др.-перс. *hasā*, авест. *hasā* и *hasa*, указываютъ на долготу конеч. ā и мы, кажется, должны бы ожидать въ дигорскомъ заставочное „ā“ съ сохраненіемъ и [безъ перехода с въ ġ и j], а въ иронскомъ конечн. d; въ 3-хъ, значение *ablativi* придаетъ **hasā* только сопровождая *ablat.* или *gen.* (въ древне-персидскомъ); въ зендѣ, впрочемъ, при значительномъ паденіи значенія падежныхъ окончаній, *hasa* съ значеніемъ *отъ* сопровождаетъ и другіе падежи; въ ведійскомъ же сскр. *sasā* — *съ*; срав. корень *sas*, авест. *has* — *sequi*. Кажется, слѣдовало бы ожидать, что **hasā* въ такомъ архаическомъ языкѣ, какъ осетинскій, приметъ видъ нарѣчія или *postpositionis*, сопровождающей родит. падежъ, а не видъ падежного окончанія, присоединяющагося прямо къ основѣ. Притомъ сокращеніе **hasā* въ одно ā въ такихъ формахъ, какъ *zārdāj-ā* (д. *zārdāj-āi*) какъ-то трудно вяжется съ представленіемъ, которое невольно себя составляетъ о звуковомъ архаизмѣ осет. языка; въ 4-хъ, -āi — фонетически можетъ восходить къ -*asua* (род. мѣстоим.), сравн., наримѣръ, *kāi* съ сскр. *kaśya*, авест. *kahe*. Вліяніе же *мѣстоименнаго* склоненія на именное въ осетинскомъ обнаруживается во многихъ падежахъ; сравн. объясненіе пад. окончаній: дат. -ān, мѣстн. внѣшн. -mā, мѣстн. внутр. -i. Внутренняя возможность утилизаціи *genetivi* для выраженія отношенія *ablativi* слишкомъ очевидна, чтобы слѣдовало на этомъ останавливаться. Срав. формальное совпаденіе *genetivi* и *ablativi* въ сскр. языкѣ во всѣхъ основахъ кромѣ осн. ж. и ср. р. на -a и кромѣ мѣстоименій.

54. Въ дополненіе склоненія мѣстоименія слѣдуетъ прибавить, согласно съ замѣчаніями проф. Залеманна, слѣдующія опущенныя у насъ формы:

а) Личн. мѣстоименіе 1-го лица: sociat. *mānīmā*, adess. *mānūl* gen. plur. poss. *max*; locat. exterior: *nām*.

2-е лицо: loc. int. *ɔri* (см. Осет. Т. Шифнера 37, 5); sociat: *dāyīmā*, adessiv. *dāul*; gen. plur. poss: *смах*, loc. int. *смахr*, loc. exter. *йām*, *ум* (О. Т. III. 47, 12), adess. *ул*.

б) При возвратномъ мѣстоименіи (стр. 152) хадѣг можно было бы упомянуть формы: *māxādāg*, *dāxādāg*, *jāxādāg*.

в) При склоненіи указат. мѣстоименія ирон. *ai—этотъ*—нужно замѣтить, что мѣстн. внутр. падежъ совпадаетъ по формѣ съ родительнымъ.

г) Отъ мѣстоименія *цү* мѣстн. внутр. ед. ч. *цāmү*, м. ч. *цүтү*.

Числительныя.

55. а) Едва-ли конечн. *ä* въ *дуўä* заставочный гласный, такъ какъ въ склоненіи онъ не исчезаетъ передъ падежными окончаніями (замѣч. пр. Корша).

б) Въмѣсто предполагаемаго **pratiaka* для объясненія осет. *фитпаг*—первый—мы выставляемъ, согласно съ замѣчаніемъ пр. Корша, **patiaka* = *pati* (ср. литов. *pats*) + суф. *-ag*.

Примѣчаніе. По поводу числительныхъ количественныхъ кстати замѣтимъ, что, сопровождая имя существительное, они не склоняются, но за то имя существительное принимаетъ падежныя окончанія мѣстоименнаго склоненія, напримѣръ: авд *бäхү*—семь коней, дательн.: авд *бäхемäн*, отложит.: авд *бäхемäi*, мѣстный внѣшній: авд *бäхемä*, мѣстн. внутр.: авд *бäхемi* или авд *бäхү*.

Спряженіе.

56. Относительно личн. окончанія—н въ *ргаes. ind.* (*фүсс-үн* д. *фінс-ун*) проф. Коршъ предполагаетъ, что оно объясняется не переходомъ *-ti* въ *n* (*n*), но перенесеніемъ въ *ргаes. ind.* личнаго окончанія *conjunctivi*, древняго *-ni*.

57. По поводу *ë*, являющагося въ окончаніи 2-го л. мн. числа въ *дигорскомъ* *-ëtä* (*фінс-ëtä* — *вы пишете*), проф. Залеманнъ указываетъ на объясненіе, данное г. Даршштетте-

ромъ (Etudes Iran. I, 191) новоиранск. окончанію -īd (2 pl.) ¹⁾ изъ *ayata (примѣты 10-го кл. + личн. оконч.) и спрашиваетъ, нельзя-ли и для осетинскаго принять смѣну двухъ основъ -а и -ауа. На нашъ взглядъ, это предположеніе съ фонетической стороны не встрѣчаетъ затрудненія для 2-го л. мн. ч. въ дигорскомъ, но едва-ли можно основой на -ауа объяснить краткое і (ирон. у) во 2-мъ лицѣ ед. ч. (финсис ир. ʁʉssʉs), какъ это предлагаетъ проф. Залеманнъ.

58. Относительно загадочнаго д, являющагося въ 1-мъ и 2-мъ л. ед. ч. въ д-ән=+ahmī и д-ә=+ahi мы сдѣлали (на стр. 191) предположеніе, не состоитъ-ли этотъ d въ родствѣ съ частицей *de*, являющейся передъ нѣкоторыми глагольными временами въ мазандеранскомъ и курманджійскомъ (напр. курмандж. *de-kim*=и.-пер. *kunām*, *de-bi*=и.-п. *buvī*). Проф. Залеманнъ не находитъ правдоподобнымъ это сопоставленіе въ виду того, что д—въ осетинскомъ является только въ двухъ формахъ, между тѣмъ какъ d въ курд. и мазандеранскомъ есть „живая времяобразовательная приставка“.

Въ виду того, что происхожденіе курманджійской и мазандеранской приставки намъ совершенно неизвѣстно, еще нельзя отрицать положительно родства ея съ осетинск. d въ дән. Г. Залеманнъ далѣе спрашиваетъ, нельзя-ли объяснить это d изъ дv (ты), такъ что д'а, изъ дv а, значило прежде *ты еси*, а затѣмъ, когда д'а перестало чувствоваться какъ мѣстоименіе 2-го лица дv+а, потребовалось уже повторить мѣстоименіе еще разъ: дv д'а; по аналогіи же дv д'а стали говорить и аз д'ән. Противъ этого предположенія можно возразить, что едва-ли въ какомъ нибудь иранскомъ и даже неиранскомъ языкѣ можно найти какое нибудь явленіе, могущее служить аналогіей подобному влиянію 2-го лица на 1-е съ одной стороны, или повторенію личнаго мѣстоименія съ другой. Очевидно эта догадка уже *ultimum refugium*. Предлагаемъ еще одну, можетъ быть, въ томъ же родѣ: d могло бы восходить къ иранскому *hadā, авест. *hada*, сскр. *śadā* (всегда); дән=ād—ān=*hada+ahmī; начальное ā, отпавшее въ праес., можетъ быть какъ нибудь пригодилось бы для объясненія дигорск. *praeteritum* адтән (*egam*), соответствующаго иронскому удтән. Конечно, при такихъ предположеніяхъ, важна

¹⁾ А также I (2-е sg.), Im (1-е pl.).

хоть какая нибудь аналогія, и кажется, можно указать таковую въ ново персид. *ī* (ē), которое, какъ *postpositio*, въ 1-мъ и 3-мъ л. сопровождаетъ *perfect. defin.*, придавая ему значеніе *imperfecti*. Эта частица имѣетъ то же значеніе, какъ н.-перс. частица *hamī*, *hamē*, *mī*, *mē*, которая восходитъ къ авест. *haməða* — (всегда) и сопровождаетъ *praes.* (*hamē kupaδ* — онъ дѣлаетъ, т. е. постоянно дѣлаетъ) ¹⁾. Частица же *-ē* восходитъ къ авест. *haða* (всегда) и потому равносильна по значенію съ *hamī*. Отмѣтимъ, какъ аналогію осетинскому, что какъ *e* изъ **de* и *mē* изъ *hamē* лишились въ н.-персидскомъ цѣлаго начальнаго слога *ha*, такъ и осет. *d* — вышло изъ *ha-δ(a)* съ утратой конечнаго *a* и начальнаго *ha*.

59. Согласно съ замѣчаніями проф. Залеманна и проф. Корша о происхожденіи ново-перс. формы *praeter. kārđām* (см. также Darmest. Et. Iraniennes I. 222) изъ *kard* + *hām*, мы, конечно, отказываемся отъ аналогіи осетинскаго Imperf. act. кодтонъ съ *kārđām*, но все же продолжаемъ считать осет. Imperf. activi формою *простою*, а не сложенною съ вспомогательнымъ глаголомъ, какъ Imperf. medii. Во всякомъ случаѣ Imperf. act. состоитъ изъ основы *part. praet.*, къ которой присоединены личныя окончанія древняго *conjunctivi*, согласно съ объясненіемъ, даннымъ нами на стр. 207 и слѣд.

60. Для объясненія той формы *passivi*, которая, повидимому, состоитъ изъ прош. причаст. съ прибавленнымъ къ конечному *d* или *t* гласнымъ *ä* и изъ нѣкоторыхъ временъ вспомогат. глагола въ ед. числѣ (напр. дигор. *bäxi* (gen.) *афä* нä *äвгärстä-йуi* — конь такъ не рѣжется, коня такъ нельзя рѣзать), мы склоняемся (на стр. 211) въ пользу предположенія, что эта форма *passivi* состоитъ изъ отглагольнаго существительнаго со вспомогательнымъ глаголомъ *esse*, т. е. что *bäxi афä* нä *äвгärстä-йуi* значитъ собственно: коня (род.) такъ *рѣзаніе* не есть. Аналогію этой формѣ *passivi*, кажется, можно видѣть въ пеглевійскихъ страдательныхъ оборотахъ *вродѣ* = *äsārihed* — *уничтоженъ есть*, *винihed* — *увидѣнъ есть*, которые, по объясненію West'a, принятому Darmestetter'омъ (Etud. Iran. I. 236), также состоятъ изъ отглагольнаго отвлеченнаго существительнаго сложеннаго съ *ēt* (*est*); вмѣсто

¹⁾ См. Etudes Iraniennes I, p. 214 и слѣд.

ѣ является иногда *st* и *hast*, напр. *frēbī-hast* — обмануть есть, собственно *обманутіе есть*.

61. Въ § 2 (стр. 212) по недосмотру описательныя глагольныя формы на — гā съ глаг. кāн-вн — напр. бадгā кāнвн — сидѣть — названы причастіями; бадгā, лідгā, фуссгā и др. скорѣе отглагольныя отвлеченныя имена — сидѣніе, бѣжаніе, писаніе и т. д., формы вродѣ Infinitiv'a. По такому же недосмотру названы причастіями мн. числа прош. времени такія описательныя многократныя формы, какъ разудт-втā кāнвн (кружить взадъ и впередъ); сравн. въ томъ же §: *raiānn-vtā* код-тон (я прыгивалъ).

62. Предложную приставку фā- мы теперь производимъ не отъ *ара-, но отъ *ratī, *rat- (н.-перс. bad-); сравн. такія формы какъ дигор. фād-тāн, ирон. фā-дāн (стр. 196), фāц-āi, ир. фāц-ī (ibid.) фāк кодта и т. п. Поэтому нѣтъ затрудненія находить предлогъ *ара въ приставкѣ āо- (передъ звучными āв-), которую мы прежде сближали съ др.-перс. abīu, авест. aibī (стр. 218); срав. āв-дīсун — *свидѣтельствовать, указывать*, съ санскр. ара-деśayati — *онъ указываетъ, свидѣтельствуеетъ*, āв-гāрдун (д.) — *зарѣзать* съ авест. ара-keret, сскр. ара-kr̥t — *отрѣзать*. О предложной приставкѣ nī- нv-, вышедшей изъ иран. *niš-, *niž, см. выше.

63. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ пополнить эти замѣтки обзоромъ новыхъ словопроизводствъ, представленныхъ проф. Гюбшманномъ въ его послѣднемъ трудѣ.

1) Осет. ад — *вкусъ*, сближается съ лат. od-or, гр. ὀδμή, *запахъ*, лит. ūdīmas — *обоняніе*. Со звуковой стороны это сближеніе не встрѣчаетъ затрудненій, но, къ сожалѣнію, нѣтъ параллелей изъ иранскихъ языковъ.

2) Äнгом — *соласный, любящій*, удачно сопоставлено г. Штапельбергомъ (Btr. zur Syntax d. Osset. p. 9) съ авест. hama + kāmā — *gleichen Willen habend*. Объясненіе принято и Гюбшманномъ (p. 19).

3) Союзъ āmā — *и*, дигор. āmā, подъ сомнѣніемъ сопоставляется съ авест. hama — *равный*, hamađa — *равнымъ образомъ*, сскр. sata — *подобный* (p. 20).

4) Äнцад — *покой* удачно сближается съ авест. šāiti, др.-перс. šīyāti — *радость*, н.-пер. šād, лат. quies, quietus etc. (p. 22).

5) Ängälgün, д. ängälgün — *думать*, ср. н.-перс. ängärdän — *упомянуть, цынить*, авест. hañkāgaṇemī. Но почему въ осет. q (ḡ) а не г?

6) Äxsinäg — *юлужь*, ср. авест. axšaena — *темно-синий*.

7) ʔart — *щитъ*, ав. varedra — *панцырь или щитъ*, сскр. vartra — *защищающий, оплотъ*.

8) ʔidon, д. ʔidonä и jidonä — *узда*, ср. ав. aiwidāna, сскр. abhidhānī — *перевязь (Halfter)*, сарикольск. vidān — *a bridle*.

9) Dṛsson — *вчера вечеромъ*, ав. daoṣatara — *замадный*, н.-п. dōš — *вчера вечеромъ*, сскр. doṣā — *вечеръ*.

10. Äzär — *зло*, ав. zbar, сскр. hvar — *идти вкривъ, кривить*. Мы подъ сомнѣніемъ сопоставили это слово съ сскр. ḡvaḡa — *горька, печаль* (Осет. э. II. 87).

11) Änṛson — *въчный*, ав. anaōša — *нетланный*, диг. änoson.

12) Jonḡ (д.), onḡ (ир.) *членъ*, ср. сскр. aṅga — *членъ, тѣло*. Гюбшманъ спрашиваетъ, какъ объясняется начальное i (j) въ дигорской формѣ. Но также загадочно при этомъ сопоставленіи начальное ʔ въ иронскомъ, ибо рядомъ съ онъ есть болѣе древняя форма ʔonḡ, мн. ч. ʔänḡtä (см. Осет. этюды I, стр. 104).

13) Nṛar — *жила, артерія*, ср. авест. snāvare — *id.* сскр. snāvan — *связь, жила*, греч. νεῦρον.

14) Naräg — *узкій*, ср. афган. narai — *тонкій, узкій*, армян. нел — *узкій*.

15) Nṛostä (д.) *невѣстка* — *сближается* Гюбшманномъ (р. 52), хотя подъ сомнѣніемъ, съ сскр. snuṣā. Сближеніе, безъ сомнѣнія, невѣрно. Nṛostä сопоставляется съ слав. *невѣста, невѣстка*, хотя звуковая сторона обоихъ словъ не вполне ясна.

16) Stawd — *крѣпкій, толстый*, ср. авест. stawra — *крѣпкій*, сскр. stabh — *укрѣплять, подлирать*, stabhita — *подпертый*, stabdha — *торчащій, упругій*.

17) Sṇnt — *воронъ*, ср. въ памирск. діалектѣ вахи: šönd — *воронъ* (?).

18) Tu — *плювокъ*, н.-перс. tuf, tuh, курд. tef, tiw, tuw, tu, tuk, афганск. tūkal, πτόω, spuо etc.

19) ʔärdon — *арба*, н.-перс. gardūn — *id.*, сскр. vartani — *обода колеса*. Срав. чечен. wardaṇ, абхаз. uardyn, ивгушск. wurdo. Намъ кажется осет. слово заимствованнымъ.

20) Ўҳск, д. усқа — *лопатка, плечо*, сскр. vakśas — *плечо*, верхняя часть тѣла.

21) Фадун — *раскалывать, разщеплять*, ср. армян. hat-anem — *отрѣзаю*. (см. выше).

22) Фăззăг — *осень*, н.-перс. rādēz. Для насъ сомнительно. Впрочемъ и Гюбшманнъ сопровождаетъ сближеніе двумя?? (р. 63).

23) Фăлă — *но*, д. фал, сскр. paḡam — *однако*.

24) Фăнд, д. фăндă — *советъ, желаніе, воля*, н.-перс. rānd — *советъ*.

25) Фіјаг, д. фіјагă — *лопата*, ср. курд. rîel — *лопата* деревянная, въ нарѣчій waḫî: rēî, въ нарѣч. sarîqolî: fēî (?).

26) Фіртон (д.) *крупный скотъ*, ср. греч. πόρτις — *молодая скотина* (?).

Образцы южноосетинскаго нарѣчія (1).

1. О безыменномъ сынѣ Урызмэга (2).

Нартон Урүзмэг уді. Нарт аркодта амă сăл сүн кодта. Умăн ананом лăппу уді; үсі лăппу амарді. Сѣппат андър фăлдүстоі, фăлă үсі лăппуян ја ном в'ардтоі. Лăппу Барастүрмă басүді амă ракурдта: „ўăлзăхмă фандаг мүн радт“: Барастүр үн захта: „нїсі дүн радтсүннăн, ўад мăрдтă јулдăр дă фăдүл сăуцүстү“. Лăппу Барастүрү нал ўахта, курдта жі ножі дăр: „ăз мăхисăн схоскăнжүнăн!“ Јă бăхăн сăфăдтă жіуммă нүссахта. Ўад үн бар радта Барастүр амă лăппу мăрдтăі расүді. Мăрдтă ўі ку базүдтоі, ўад ја фăдүл расүдүстү. „Дўаргăс сүн захта: кăдăм сăут?“—Ўі ку асүд, махдăр

1. О безыменномъ сынѣ Урызмэга.

Былъ Урызмэгъ изъ нартовъ. Онъ позвалъ нартовъ и сдѣлалъ имъ угощенье. Былъ у него безымянный сынъ-мальчикъ; этотъ мальчикъ умеръ. Всѣхъ другихъ поминали, а имени этому мальчику не знали (не нашли). Мальчикъ пошелъ къ Барастыру и просилъ: „дозволь мнѣ идти на поверхность земли“. Барастыръ сказалъ ему: „ничего тебѣ не дамъ (не дозволю), тогда и всѣ мертвые пойдутъ по твоему слѣду“. Мальчикъ не отставалъ отъ Барастыра, снова его просилъ: „я себѣ найду средство!“ Онъ прикрѣпилъ своему коню подковы задомъ на передъ. Тогда Барастыръ позволилъ и мальчикъ вышелъ отъ покойниковъ. Когда покойники это узнали, то пошли слѣдомъ за нимъ. Придверникъ сказалъ: „куда идете?“—Какъ онъ пошелъ, такъ и мы пой-

сом ја өөдүл.—Дўаргас аотә зәгү: „ўәдә ма ин ја өәд өөнүт, өәстәмә ку раздәхт“. Мәрдтә өөдтөи өәд әмә өәстәмә раздәхтүстү. Ләппү ссүдә ўәлзәхмә ја өүдү хәжарү дўармә әмә јәм барвүста ләг әмә ин захта: „сўом хәтүнү хәтүммә, әвзәрүммә“. Урүзмәг үн өәстәмә захта: „асү Јеранетү бвдүрмә, ахсәв ўм әрүнчәи, раисом дәм басәужүнән“. Ләппү асүд бвдүрмә әмә ўм әрүнчәд. Урүзмәг скувдта Хсаумә: „О Хсаутү Хсау! Ахам мит әрўарүн кән, әмә әппүндәр сәўән ку ничи ардәм ўа“. Уитүххәи скувдта әмә сүвәлонимә сәун нә өәндүд: нартәи хүдinäгәи тарсті. Раисом түхгін мит әрўарүд. Урүзмәг схүст мәсүггә сәрмә әмә кәсәнчәстәи акаст: ләппүјјі барәг кодта. Ку акаст, ўәд өөдта ју ран авд мўсә зүлдас цәх бвдүр, әмә ўм хуссүдә ләппү, ја нүмәт ја ўәлә аотәмәи. Уі ку өөдта Урүзмәг, ўәд ја ўсән захта: „хүдinäг мин ўжәнис ку нә асәўон ўәд“. Стәи ја бәх сіотүхта әмә асүд Јеранетү бвдүрмә; түххәи өөдәи бвдүрмә бахәтцә әмә аотә әггәлдта: „ләппү митәи амард“. Ләппү өөстад әмә Урүзмәгән захта: „нүрмә кәм удтә? сәи әмә сўом, дү хістәр дә әмә раздәр асү!“ Урүзмәг захта: „мәнән мә бон нәу: әз гәрөнд

демъ по его слѣду.—Придверникъ говоритъ такъ: „такъ посмотрите-же на его слѣды, вѣдь онъ назадъ повернулъ“. Покойники увидѣли слѣдъ и вернулись назадъ. Мальчикъ поѣхалъ на землю къ дверямъ дома отца, послалъ къ нему человека и сказалъ ему: „Поѣдемъ странствовать, испытывать себя“. Урызмәгъ сказалъ ему затѣмъ на это: „Поѣзжай на Јеранетскую равнину, эту ночь тамъ отдохни, а завтра утромъ я къ тебѣ приѣду“. Мальчикъ поѣхалъ на равнину и тамъ отдохнулъ. Урызмәгъ молился Богу: „О богъ боговъ! Пошли такой снѣгъ, чтобъ нигуда совсѣмъ не было проѣзду“. Онъ молился потому, что не желалъ ѣхать съ ребенкомъ, боялся срама отъ нартовъ. Утромъ выпалъ сильный снѣгъ. Урызмәгъ влѣзъ на вершину башни и посмотрѣлъ въ подозорную трубу; наблюдалъ за мальчикомъ. Какъ посмотрѣлъ, то увидѣлъ, (что) въ одномъ мѣстѣ на пространствѣ семи круговъ токовъ зеленый лугъ, и тамъ спалъ мальчикъ покрытый буркой. Увидѣвъ его, Урызмәгъ сказалъ своей женѣ: „стыдно будетъ мнѣ, если не поѣду“. Потомъ онъ осѣдлалъ (снарядилъ) коня и поѣхалъ на Јеранетскую равнину; насилу доѣхалъ до равнины и подумалъ: „мальчикъ умеръ отъ

лѣг дѣн ѡмѣ дѣхѣдѣг асѹ раздѣр“.—Лѣппѹ жѣ бѣх сѣотвхѣ ѡмѣ асѹдѣ жѣ разѣи. Бѣх ку сѹдѣ, ѹд мѣт сау кодѣ жѣ номѣ тѣѡѣи. Урѹзмѣг дѣр жѣ ѡдѹл сѹд. Тѣрк ѡмѣ Туркмѣ асѹдѹстѹ удонѣн сѣ рѣгау скѣрѹммѣ. Лѣппѹ Урѹзмѣгѣн захѣт: „дѹ зѣронд дѣ, ам лѣу; ѡз сѣаѹжѹнѣн ѡмѣ рѣгау раскѣржѹнѣн“. Рѣгау ку скѣрдѣтѣ лѣппѹ, ѹд ѹл сѣмбѣлдѣ рѣгаугѣс тѹгѣнх бѣрѣг ѡмѣ ѡсѹ скѣрѹн нѣ ѹхѣтѣ. Лѣппѹ бѣрѣгѣн жѣ қѹс рѣлѣкодѣтѣ нѣсанѣн ѡмѣ жѣ жѣ зѣппѹ нѹвѣрдѣтѣ. Бѣрѣгѣи ѡѣстѣ арбасѹд ѡсѣсанѣнх қѣртжѣгѣ. Ѹмѣн дѣр лѣппѹ жѣ кѣх рѣлѣкодѣтѣ нѣсанѣн ѡмѣ жѣ зѣппѹ сѣвѣрдѣтѣ. Ѹи ѡѣстѣ ѡс раскѣрдѣтѣ ѡмѣ сѣ Урѹзмѣгѣи ѡѣтѣг бѣводѣтѣ: жѣхѣдѣг қѣѹмѣ арбасѹд ѡс-қѹсѹнѣнѹммѣ. Адѣм тѣ кѹдѹ бѣдѹстѹ ѡмѣ сѣм лѣппѹ дѹарѣи бѣқѣркодѣтѣ: „О Тѣрк ѡмѣ Турк! ѹ ѡс ѹн ѡсскѣрдѣ ѹ!“ Удон захѣтѣи: „Махѣн нѣ ѡс скѣрѹн кѣ бѣѹнѣнѣнѣ? Ѹи чѣ жѹрѣ, ѹи хѣрдѣнқѣл арсѹдѣ, ѡмѣ жѣ мѣдѣмѣ арбѣкѣнѹт хѣрѹммѣ. Лѣппѹ захѣтѣ:—ѡз бѣсѣѹѣн, ѡѣлѣ мѣн мѣ бѣх кѣ бѣурѣмжѣн? (Жѣ бѣх тѣ тѣрқѹсѹс ѹд). Ѹд ѡм ѡнѣ расѹдѣ ѡмѣ лѣппѹ жѣ бѣѡарѣстѣ: мѣ бѣхѣн сѣѹл ѡхѣтѣнѣнѣ?“—Ѹдонѹл.— „Ѹдон ку аскѹнѣ?“—Ѹд тѣ жѣ қѹстѹл.— „Қѹстѣ ку ас-

сѣѣгѣ“. Мальчикѣ вѣсталѣ и сказѣлѣ Урѹзмѣгѹ: „Гдѣ былѣ тѣ до сѣхѣ порѣ? Поѣдемѣ-жѣ, тѣ — старшѣи, тѣкѣ поѣзжай вѣпередѣ“. Урѹзмѣгѣ сказѣлѣ: „Я не вѣ силѣхѣ, я старѹи челѣвѣкѣ, поѣзжай тѣ вѣпередѣ“. Мальчикѣ обѣридѣлѣ конѣ и поѣхѣлѣ вѣпередѣ. Кѣгда конѣ шелѣ, тѣ сѣѣгѣ чернѣлѣ ѡтѣ пылѣ егѣ рѣтѣ. Урѹзмѣгѣ жѣ ѣхѣлѣ по егѣ слѣдамѣ. Онѣ поѣхѣлѣ кѣ Теркамѣ и Туркамѣ, чѣтѣбѣ угнѣтѣ нѣхѣ табѹнѣ. Мальчикѣ сказѣлѣ Урѹзмѣгѹ: „Тѣ старѣ, станѣ здѣсѣ; я поѣдѹ и выгонѹ табѹнѣ“. Кѣгда мальчикѣ гнѣлѣ табѹнѣ, еѹ вѣстрѣтилѣсѣ сторѣжѣнѣшѣи табѹнѣ волкѣ сѣ кровѣвой пѣстѹю и не пускѣлѣ гнѣтѣ скѣтѣ. Мальчикѣ отрѣзалѣ ѹхѣ волкѹ дѣлѣ замѣтѣки и положѣлѣ егѣ сѣбѣ вѣ карманѣ. Послѣ волкѣ явлѣлѣсѣ желѣзѣноклѹѹѹѹи ѣстрѣбѣ. Еѹ тѣкѣже мальчикѣ отрѣзалѣ ногѹ дѣлѣ замѣтѣки и положѣлѣ сѣбѣ вѣ карманѣ. Затѣмѣ онѣ выгнѣлѣ скѣтѣ и пригнѣлѣ егѣ (сѣбѣ. нѣхѣ) кѣ Урѹзмѣгѹ и самѣ поѣхѣлѣ вѣ аѹлѣ извѣстѣтѣ. Лѹдѣи-жѣ сѣдѣлѣи за кѹдѣдомѣ и мальчикѣ крикнѹлѣ имѣ изѣ дѣверѣи: „Ѹй Теркѣи и Туркѣи! У вѣсѣ скѣтѣ угонѣютѣ!“ Онѣи сказѣлѣи: „Кѣтѣ ѡтѣважѣтѣсѣ угнѣтѣ нашѣ скѣтѣ? Тотѣ, кѣтѣ говорѣтѣ, пришелѣ вѣ надеждѣ на ѣдѹ; пригласѣтѣ егѣ вѣ сѣмѣлѹ поѣстѣ“. Мальчикѣ сказѣлѣ:

күжюй? — Ўяд та ја баршүл. — „Ја барш ку асқуна, ўяд та? — Ўяд ја кудл. „Ја куді ку асқуна, ўяд та? — Ўяд ја чүппар қажүл нүххәтүчүнән әмә ја мә бүнү скәнцүнән. — Стәй јәм ләппү ја бәх радта, јәхәдәг хәжармә басүд әмә та адәмән захта: „Төрк әмә Турк! Ўа фос ун фәскәрдә ү“. Удон үн захтоі: „Дәттјә, бахәр әмә баназ, үјјәттәмә мах фос никі аскәрцәнис. Ләппү ја зипмә нивнәлдта әмә фјаутү нисәндтә сә размә бакалдта әмә фәстәмә фәздәхт. Удонү ба-урнүдта; захтоі: „үй түхгәнәг ахам кі ү?“ — әмә ја фәстјә сүрүн байдүдтоі. Ку ја бәјәфтоі, ўяд сәм фәстәмә фәздәхт әмә сә сәгдүн байдүдта: фүтцәгтә сәгдтә-кодта, фәстәгтә та түг ласта. Ку сә фәсәгдта ўяд асүд, Урүзмәг бәјәфта әмә рәјау јумә аскәрдтоі нартәм. Ўяд ләппү Урүзмәгән захта: „дә хистәр дә әмә фос баіуар“. — Әз зәрөнд ләг дән, дү та ләппү, әмә сә дү баіуар. — Ләппү фос ўәрста әмә сә әртәдихү кодта. Урүзмәг јәхүнмәр бақүнчүн кодта: — әвәтчәгән жи мәнән әртүцаг хәјі јәттәмә нә дәдтү. — Ләппү захта: әртә

„Я вошелъ-бы, но кто поддержитъ моего коня? (Его-же конь былъ величиной съ зайца). Тогда нѣкто (другой) вышелъ къ нему и мальчикъ его спросилъ: за что ты будешь держать моего коня? — За узду. — „А если узда разорвется? — Тогда за уши. — „Если уши оторвутся? — Тогда за гриву. — „Если грива оторвется? — Тогда за хвостъ. — „А если хвостъ оторвется? — Тогда я ухвачусь за четыре ноги и его подъ себя повалю! — Потомъ ему мальчикъ отдалъ своего коня, самъ-же вошелъ въ домъ и снова сказалъ людямъ: „Терки и Турки! У васъ угоняютъ вашъ скоть“. Они сказали ему: „За тобой! Поѣшь и выпей, конечно никто нашего скота не угонитъ“. Мальчикъ тронулъ карманъ, высыпалъ передъ ними примѣты сторожей и отправился обратно. Они убѣдились, сказали: „Кто это такой насильникъ?“ — и начали гнать за нимъ. Когда они догнали его, онъ обернулся назадъ къ нимъ и началъ ихъ бить: переднихъ перебилъ, а заднихъ кровь уносила. Перебивъ ихъ, онъ поѣхалъ, догналъ Урүзмәга, и они вмѣстѣ погнали табунъ къ нартамъ. Тогда мальчикъ сказалъ Урүзмәгу: „ты старшій, такъ и дѣли скоть“. — Я старый человекъ, а ты мальчикъ (сказалъ У.), ты ихъ и дѣли. — Мальчикъ скоть дѣлил и сдѣлалъ изъ него (соб. ихъ) три части. Урүзмәгъ сокрушался въ душѣ: Должно быть изъ него (скота) онъ отдастъ

хајі бар сіс. „Дэхэдэг мин чү радтаі, үі раісжүнэй“.—Ју хаі дүн хістэрэккаг дэдтүн, іннэ хаі та анбаліхаі; әртүцаг хаі та мәммә сәүү, ойлә дүн аі лаваркәнүн, үі түххәі амә аз дө нәном ләппү удтән амә мин мә ном нессардтаі, хәрнаг ку кодтаі үәд.—Үсү фосәі ләппү сәвзәрста әрмәст ју үрс гал, іннә фос јуддәр радта Урүзмәгән амә јәхәдэг үсү галімә Барастүрмә басүд. Јә нүтүдмә хүр анігулд амә ін дүар нал кодтоі. Ләппү Хсаумә скувдта: „Хсаутү Хсау! рәгтүл ма дүжү хүр әрбакәсүн кән!“ Хсау бафәндүд амә хүр әрбакәст. Үәд үн дүар бакодтоі, ләппү гал баскәрдта амә Барастүрән ба- лавар кодта. Барастүр ін арфә ракодта амә јін хорз бүнат радта. Үіфәстә Урүзмәг сү фос үн радта ләппү удонәі хәр- нәгитә фәккодта јә анәном өүртү түххәі.

2. О Тамарѣ.

Тамар-дедопалі анәзәнәг үспатцах уді. Бурсабзели (3) хох- хул сарді. Үсі хоххәі Імөрәтмә асүдә амә јә фәсчәүінән захта:

мнѣ только третью долю.—Мальчикъ сказалъ:—выбери себѣ изъ трехъ долей (любую).—„Что ты самъ мнѣ дашь, то возму“ (сказалъ У.).—Одну долю я даю тебѣ, какъ часть старшаго, другую долю, какъ долю товарища; третья же часть приходится мнѣ, но я дарю ее тебѣ потому, что я былъ твоимъ безыменнымъ сыномъ и моего имени ты не нашелъ (не поминалъ), когда справлялъ поминки. — Изъ этого скота мальчикъ выбралъ только одного бѣлаго быка, а прочій скотъ весь отдалъ Урызмәгу, а самъ съ этимъ быкомъ пошелъ къ Барастыру. Во время его хода солнце закатилось и ему не отворили двери (въ подземный міръ). Мальчикъ молилъ бога: „Воже боговъ! Вели появиться на хребтахъ еще на мгнове- ніе маленькому солнцу!“ Богъ далъ согласіе и солнце появи- лось. Тогда ему (мальчику) отворили ворота, мальчикъ во- гналъ быка и подарилъ его Барастыру. Барастыръ его бла- гословилъ и далъ ему (мальчику) хорошее мѣсто (въ раю). Послѣ этого Урызмәгъ сдѣлалъ изъ скота, который ему далъ мальчикъ, поминки ради (въ честь) своего безыменнаго сына.

2. О Тамарѣ.

Тамара-дэдопали (невѣста) была бездѣтной парицей. Она жила на горѣ Бурсабзели. Съ этой горы она отправилась въ

„дэгэлтэ ма кэнэм радт“. Тamar ну асүд, үэд жэ өйсчэүйн
нал өэллэйүүд, дүүрттэ дэгэлтэй баигом подта амь үрдүгэй
бонвэрвэн ратехт амь арвчл абадт. Үиөастэ арв сасэст амь
стүр мит үарүн байдүдта. Тamar үи ку өөдта, үэд өистэмь
раздэхтэ амь Үанма ку'рхатца 1, үэд жэ бэхэн мит жэ үантэй
акалд. (Үи түххэй Үани (4) калак хуинү). Үрдүгэй Күдармь
асүд амь үм жэ бэх амард. (Үи түххэй үсү ран Күдар (5) хуи-
нү). Расүд үрдүгэй амь жэ бунат Бурсабзелімь ссүд амь жэ
өйсчэүйнмь хул кэнүн байдүдта, дүүрттэ кэй баигомподта
үйтүххэй. Жу бон куді, үэд Тamarмь хункэй хүрүтүн биаст
амь басавэргин 1. Аоэзмэ жин лэппү раигурд. Үсү сүвэллонү
Тamar қадмь ахаста амь жэ үм нууахта, хүдйнагай кэй тарстэ
үйтүххэй. Лэппүмэ саг басүд амь ин зигэ дардта. Жу хат куді,
үсү ранүл жу сүанон өйсчэсүд амь өөдта саг. Топпэй жам
бадавүд, өэлэ саган жэ бунү лэппү өөдта амь жэ нууахта,—
нам ай өөхста. Саг алүгд. Сүанон лэппүжэ жэ хажармь арха
ста амь ну сқомүл, үэд үярүгкитэ хүста. Жу бон өистэмь ку
раздэхт, үэд кашкаші (6) өөдта амь ин үи захта: „абон дэм

Имеретию и сказала своей служанкѣ: „Никому не отдавай
ключей“. Когда Тамара уѣхала, ея служанка не устояла
отворила двери ключами и оттуда (изъ комнаты) вылетѣла
утренняя звѣзда и сѣла на небо. Послѣ этого небо заволокло и
началъ валить сильный снѣгъ. Увидѣвъ это, Тамара вернулась
назадъ и когда достигла Они, то снѣгъ перевалилъ ея коню вы-
ше лопатокъ. Поэтому и называется городъ Они (Үани). Оттуда
поѣхала она къ Кудару и тамъ ея конь умеръ. Поэтому это
мѣсто и зовется Кударъ. Оттуда она выѣхала, прибыла въ
свое мѣсто, Бурсабзели, и начала ругать служанку, за то что
она отворила двери. Однажды изъ щели солнечный лучъ
упалъ на Тамару и она забеременѣла. Черезъ годъ у нея
родился мальчикъ. Тамара снесла этого ребенка въ лѣсъ и
тамъ его оставила, потому что опасалась срама. Къ маль-
чику пришла лань и давала ему сосать. Однажды по этому
мѣсту проходилъ охотникъ и увидѣлъ лань. Онъ прицѣлился
въ нее изъ ружья, но увидѣлъ подъ нею мальчика и отпу-
стилъ ее,—не застрѣлилъ ее. Лань убѣжала. Охотникъ при-
несъ мальчика въ свое жилище и когда онъ (мальчикъ) выросъ,
то сталъ пасти барашковъ. Однажды, когда онъ возвращался
домой, онъ увидѣлъ сороку и она сказала ему: „сегодня къ

дууадас барăġі арсаузан*. Лăппу ўсі аурдта сўанонан захта
 амă ин ўі ауматă радта. Ўсі баргітă курсудств, ўад лăп-
 пўġі сема акодтоі Калакма амă ўм ин ўс ракурдтоі — ма
 лікі кізг.

3. Лăг амă рўвас.

Ју лăг фатчуді чірăġі ўардонул; ја чірă ку нуласта бв-
 натма, ўад раздăхті ја хăжарăрдăм амă іл фистамă фембалді
 кăотв ласінăг. Лăг ўсв кăотă раласта, јăхăдăг ўардонвсар
 спадтіс амă зарцїтă кодта: аотамăі баовнăġі. Рўвас арбачуді
 ўардонма, схусті амă ўардонăі кăотă факкалдта. Лăг ку
 сқаліс, ўад рўвас ўардонăі сўсăġăі нугкăпп кодта амă лăг
 нїчі баовдта. Стăі рўвас јăхі мардовсон скодта, фандагул
 ја разв фестадіс амă лăг аї свста амă ја ўардонул савăрдта.
 Захта јăхїсăн: „Асв рўвасв чарм ма ўсăн хорз кърчаг ўжă-
 нїс“, амă чїнокдта. Рўвас та кăотăі чї баваді, удон дър фак-
 калдта ўардонăі, јăхăдăг та нугкăпп кодта амă ралвді. Лăг
 ја хăжарма ку баовді, ја ўсма фадчурдта: „Аттăма ракас,
 мана дүн хорз кърчаг арластон, амă кăотă дър бірă!“ Ўс

тебѣ прїѣдутъ двѣнадцатъ всадниковъ“. Мальчикъ передалъ
 эти слова (сороки) охотнику и тотъ далъ ему доспѣхи. Когда
 всадники прїѣхали, то взяли мальчика съ собою въ Тифлисъ
 и тамъ сосватали ему жену, дочь *малика*.

3. Человѣкъ и лиса.

Одинъ человѣкъ ѣхалъ на арбѣ съ грузомъ. Когда онъ при-
 везъ свой грузъ на мѣсто, то возвращался къ дому и ему
 досталось везти обратно рыбу. Человѣкъ повезъ эту ры-
 бу, самъ сѣлъ на верхъ арбы и пѣлъ пѣсни: такъ онъ за-
 снулъ. Пришла къ арбѣ лиса, влѣзла и выбрасывала съ арбы
 рыбу. Когда человѣкъ проснулся, лиса тихонько спрыгнула
 съ арбы, и онъ ничего не замѣтилъ. Затѣмъ лиса притво-
 рилась мертвой, очутилась на дорогѣ передъ нимъ и чело-
 вѣкъ, взявъ ее, положилъ на арбу. Онъ сказалъ себѣ: „шкура
 этой лисы будетъ отлично годиться на шубу моей женѣ“—
 и радовался. Лиса же разсыпала и ту рыбу, чтó оставалась
 на арбѣ, а сама опять спрыгнула и убѣжала. Когда чело-
 вѣкъ вошелъ въ саклю, то крикнулъ женѣ: „Выгляни на-
 ружу, вотъ я тебѣ привезъ отличную (шкуру) на шубу и

ракаст, фѣдта ўярдонѹ ама жѣ нал дѣр кѣотѣ удѣ, нал дѣр рѹвас. Јѣ мојѣ бафарста: „кѣм і уѣсѹ кѣрчаг ама кѣотѣ?“ Лѣг дѣр фѣдта ўярдонѹ ама жѣ нал дѣр кѣотѣ удѣ, нал дѣр рѹвас ѹм удѣ. Афѣамѣ рѹвас лѣгѣ фѣсаѣдта ама афѣтѣдѣ баззадѣ.

много рыбы также!“ Жена выглянула, посмотрѣла на арбу, а тамъ не было ни рыбы, ни лисицы. Она спросила мужа: „Гдѣ же эта шкура на шубу и рыба?“ Мужъ также посмотрѣлъ на арбу, а тамъ не было рыбы, да и лисицы тамъ не было. Такъ-то обманула лиса человѣка и (онъ) остался ни при чемъ (соб. пусто).

Примѣчанія.

1. Изъ предлагаемыхъ образцовъ южно-осетинскаго (туальскаго) говора первыя двѣ сказки были записаны мною въ 1883 году въ Горійскомъ уѣздѣ въ аулѣ Джавѣ, лежащемъ въ ущельѣ рѣки Большой Лиахвы. Последняя сказка записана мною же въ Тифлисѣ, въ 1881 году, отъ южнаго осетина всадника Парсадана Гогичева.

2. Вариантъ сказанія о безыменномъ сынѣ Урызмѣга смотр. въ Осетинскихъ текстахъ Шифнера, стр. 71 и слѣд.

3. *Сабдзели* по грузински обозначаетъ плетеный, стоящій на столбахъ, сарайчикъ для помѣщенія *самана*, соломы, оставшейся отъ молоченнаго хлѣба. Въ географіи Грузіи царевича Вахушты эта гора называется Брутцабдзелъ. См. Description géorg. de la Géorgie p. 449.

4. Здѣсь народная этимологія названія города Они (Ўәні). Названіе Ўәні напомнило осетинамъ ихъ слово ўән—*лопачечная кость*.

5. Кӯдар значитъ *обрубокъ, колода* и примѣняется иронически къ покойнику.

6. Кашкаші — грузинское названіе сороки.

На основаніи приведенныхъ образцовъ и личныхъ наблюденій мы можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія о туальскомъ говорѣ:

Гласные: ә звучитъ не такъ открыто и близко къ а, какъ въ иронскомъ и дигорскомъ нарѣчіяхъ. Южно-осетинское ә ближе къ открытому е.

Звукъ ү ближе къ открытому і, чѣмъ къ и.

Плавные: Открытое л (польск. l) отсутствуетъ; всюду слышится европейское l.

Согласные: Въсто ц и д слышатся с и з передъ гласными: сѣус=цѣус, кѣнзунѣн=кѣндунѣн. Нерѣдко эти, вышедшіе изъ ц и д, звуки с и з переходятъ далѣе въ с̣ и з̣ или ш̣ и ж̣: ūcī, ūpī=ūcv, žī, žī=dv, ūjānī=ūdānī, хѣжар=хѣдар. Въ тѣ же ш̣ и ж̣ передъ мягкими гласными или подъ ихъ вліяніемъ переходятъ равно и древніе с и з, не вышедшіе изъ ц и д: ūpī=ūcv, žīmāg=zvmāg.

Въсто ч и ц передъ мягкими гласными у стариковъ слышатся чаще к̣ и г̣: kī=chī, Urvzmāgī=Urvzmācv.

Другой переходъ ц и д въ ч и ц встрѣчается, повидимому, рѣже, чѣмъ переходъ ихъ въ с и з, с̣, з̣, ш̣, ж̣; наримѣръ: әрчлчәі=әрчлңәі, фонд=фонд. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что въ обоихъ видахъ соответствій иронскимъ ц и д нѣтъ послѣдовательности и постоянства. Отъ одного и того же лица можно услышать, наримѣръ, формы: фонз, фонм, фонд или сѣус, шѣуш, ччппар.

Осетинскія загадки ¹⁾.

1. Нæ цару цæхæру кæфоі — на нашемъ чердакъ совокъ жару: сталутæ — звѣзды.
2. Нæ дѣармæ хæфцæст ѱс — у нашей двери гнойноглазая женщина: зад — солодъ.
3. Нæ фæсдѣар ѱсоі зæронд — за нашей дверью старая метла: чунд — невѣстка.
4. Цæѱу, цæѱу æмæ нѣкæдæм хæтдæкæну — ходитъ, ходитъ, никуда не придетъ: авдæн — колыбель.
5. Нæ ѱæлхæдар ѱæлбæх — на нашей кровлѣ лепешка: мæі — мѣсяцъ.
6. Нæ хæдару астæу æлдару мард — средь нашей сакли трупъ алдара: мæнæѱу нæмуг — пшеничное зерно.
7. Дуѱæ калмуг хæцунц, хæцунц, æмæ кæрæдмæ нæ хæтцæ кæнунц — двѣ змѣи бьются, бьются, а другъ съ другомъ не сойдутся: æрфутæ — брови.
8. Нæ чусуг адуг фæдѣртæ тæлфунц — въ нашемъ маломъ котлѣ бобы движутся: донуг кæсæгтæ — рыбы въ рѣкѣ.
9. Нæнахур гал дон нѣазуг — нашъ неученный быкъ воду пьетъ: дѣрун — кувшинъ.
10. Не скæту дæлгом кѣс — въ нашемъ закутѣ опрокинутая чашка: стѣрун кæхдæф — слѣдъ отъ ногъ крупнаго скота.
11. Сау фѣдуг бун ѱрс роод — подъ черной коровой бѣлый теленокъ: æхсуг — молоко.
12. Кодахуг бун лустутæ — подъ пнемъ щепки: карчуг бун цѣутæ — подъ курицей цыплята.

¹⁾ Нижеслѣдующія загадки, представляющія дополненіе загадкамъ, собраннымъ учителемъ Цораевымъ и изданнымъ акад. Шифнеромъ (Осет. стр. 30), были записаны мною въ разное время и въ разныхъ аулахъ.

13. Цæх дурл цæх цæстутæ — на сфромъ камнъ сфрме глази: қаз — гусь.

14. Кæрдæг јæ халæг, змис јæ цурггæвæг — трава ее разрушаетъ (тупитъ), песокъ ее точитъ: цæвæг — коса.

15. Нæ кројі өæстæ хæцæг калм — за нашей мельницей жалищій змѣй: пусура — кропива.

16. Тасгæ-ўасгæ Таусултан — гнется и звучитъ (какъ) Таусултанъ: јæхс — плеть.

17. Нæ кұлл сасіртæ — кұхæі конд нæ стл — на нашей стѣнѣ сито — рукой не сдѣланное: хæлварæцл тлн — паутина.

18. Не снæгл сурх гал баст — въ нашемъ закутъ красный быкъ привязанъ: æвзаг дұхл — языкъ во рту.

19. Дада бадл, діда күсл — Дѣдъ сидитъ, бабка работаетъ: кројі өудтæ — жернова.

20. Ју кудурл фарагт хунчл — на одномъ чурбанѣ девять дыръ: лæцл бұар — человеческое тѣло.

21. Сау құцл бул бур роод — подъ черной коровой желтый теленокъ: ацл бул арт — подъ котломъ пламя.

22. Ўæларвæі дәларвæ цуппар топахæцл — сверху неба вицъ четыре стрѣлка: құцл дідітæ — сосцы коровы.

23. Нæ донл æнæстæг кæсаг — въ нашей рѣкѣ безкостная рыба: гумбл — сыръ въ сывороткѣ.

24. Нæ дұармæ кæбвс хуссл: нæ хæцл, нæ рæјі, аотæмæі хæдармæ нѣкæі ўадл — у нашей двери щенокъ лежитъ: не дерется (кусаетъ), не лаетъ, а всетани въ домъ никого не пускаетъ: гудлр — замокъ.

25. Нæ өæсдұар лæугæ чунд — за нашей деерью стоящая невѣстка: цұллн — вѣникъ.

26. Нæ кұлл бæхл өарск — на нашей стѣнѣ конское ребро: æхсæргард — шашка.

27. Нæ хæдарл қурқургæнæг æеронд ўс — въ нашемъ домѣ ворчливая старуха: амæтгæ — заторъ (сусло смѣшанное со спиртомъ).

28. Ацæўл æмæ нвққæркæнл: æз мæхæдæг сæнч ас! — уходитъ и кричитъ: я самъ съ козленка ростомъ! ўасæг — цѣтухъ.

29. Нæ царл лустæг ўістæ — на нашемъ потолкѣ тонкія хворостяны: æрогутæ — брови.

30. Ўрс дәкұлл бур тлцл (тлвкі) — въ бѣлой мошенокѣ желтый камешекъ: аік — яйцо.

31. Аехсæв даг, бои—аотід—ночью полно (занято), днешъ—пусто: ўат, хуссæн — постель.

32. Нæ царв сауқæд, сауқæдв бирагтæ — на нашей крышъ черный лѣсъ, а въ лѣсу волки: сусуттæ — вши.

33. Нæ тугурі суіæеринæ лæдгутæ (дигор.) — на нашемъ чердакѣ золотыя палки: хорі тунтæ — солнечные лучи ¹⁾.

34. Куі фæсхонх нилідта æма је смаг ардæмæ рақæрдтæі — собака за горой нагадила, а вонъ сюда дошла: давонæ — черемша.

35. Амі тун, омі тун, Тірані æоцæггæі раæуірда—здѣсь *алонъ*, тамъ *алонъ*, чрезъ Тиранскій перевалъ перескочила: æерватуг—ласточка.

36. Мæннæі мæсуггæі қўæцæ цæууі—изъ маленькой башни дымъ идетъ: лолæ—трубка.

37. Нæ колісæр кæугæ кіндæ — за нашимъ очагомъ плачущая невѣстка: тæдунæг—капель (тающія сосульки).

38. Гал скæтмæ тардтон, æ думæг ба мæ кoxі раізадæі — я гналъ быка въ закуть, а хвостъ его остался у меня въ рукѣ: кæрдту—груша.

39. Нæ фарсбæл муді гæбæт — на нашей стѣнѣ бурдюкъ меду: дедæ—женская грудь.

40. Дарг мæсуг дорæі даст—длинная башня изъ камня построенная: нартхуар—початокъ кукурузы.

41. Дарг лæгбæл пубур кæредæ — на длинномъ человѣкѣ короткая шубка: доні хед—на рѣкѣ мостъ.

42. Кæдтæ мæдтæ кумæ цæуіс? кæдал, мудул, нæ мæ ўадіс,—„зачѣмъ идешь вкривъ и вкось?“ Свитая, закрученная, ты меня не пускаешь: қўæцæ æма рæхис — дымъ и цѣпь.

43. Цæууі, цæууі антæс ба ін нæ јес — идетъ, идетъ, а толку нѣтъ: авдæнæ—колыбель.

44. Мæннæі куі јеу раўæн лæууі; хўæцгæ дæр нæ кæнуі, рæігæ дæр нæ кæнуі — маленькая собачка на одномъ мѣстѣ стоитъ: не кусаетъ, не лаетъ: кумæ—замокъ ²⁾.

¹⁾ Начиная съ № 33 слѣдуютъ загадки, записанныя мною по дигорски въ Ново-христіанскомъ селеніи отъ Михаила Саламова и Мурзабега Кесаевъ. *Загадка* называется по дигорски *бацеу*, по иронски *уциупі*.

²⁾ Въ видѣ образца мы напечатали загадки нѣсколько видоизмѣненной транскрипціей, которая принята нами для составляемаго нами осетинско-русскаго словаря: именно й замѣнено буквой æ, а ѣ буквой с.

Дигорскія пословицы ¹⁾.

1. Цалх дандагкái зёлуі—колесо постепенно вертится.
2. Мánгi кáх цубур ái—нога обманщика коротка т. е. обманщикъ далеко не уйдетъ.
3. Хўарз ма кáнá áма фуд ма ўёра—не дѣлай добра, не получишь и зла.
4. Фидi ўосá фидi рун—отцева жена—отцева болѣзнь т. е. мачиха все равно что наслѣдственная отъ отца болѣзнь.
5. Ѓáўáн галái гáўáн лiмáя хўáздáр ái—лучше имѣть въ каждомъ аулѣ по другу, чѣмъ по быку.
6. Растi дон дáр нá ласуi—праваго даже вода не уноситъ т. е. правый и въ водѣ не тонетъ.
7. Јеуnáг iог кáвдáслi—если корова одна, то она и въ ясли гадитъ т. е. ее хозяинъ балуетъ.
8. Хор бонi áнá нiмáт ма цо—въ солнечный (ясный) день безъ бурки не ходи.
9. Јеу бон рáгурдтáн, iннá бон рамардтáн—въ одинъ день я родился, въ другой умеръ.
10. Дá досá кáмi нá ўá, омi дá кáбáр ма толá—гдѣ нѣтъ твоего разсола, туда своего куска не мокай.
11. Кáдтáр Áрдондáр қáбунтá ласта—когда то и Ардонъ лепешки несъ (т. е. встарину бывали разные чудеса и жить было легче).
12. Кé коi кáнаi, кáсáрма цáўўi—кого помянешь, тотъ къ порогу подходитъ (легкокъ на поминѣ).

¹⁾ Предлагаемыя *дигорскія* пословицы, собранныя жителемъ Ново-христианскаго селенiя учителемъ Михаиломъ Саламовымъ и записанныя мною отъ него въ 1883 г., представляютъ дополненiе къ *иронскимъ* пословицамъ, издааннымъ въ Осетинскихъ текстахъ академика Шифнера.

13. Бітдѣумѣ дѣ дѣндѣгтѣ ку ѡвдѣсаі, ѡд сѣ цїгд ѡнгѣ-луі — когда ребенку показываешь зубы, онъ принимаетъ ихъ за сырѣ, т. е. не балуй ребенка.

14. Саусѣрбѣл ѡѡѣндгѣ нѣ јес—нѣтъ вѣры (нельзя вѣрить) неблагородному (собств. черной головѣ).

15. Ѣосѣ ѡма хѡјѡвбѣл ѡѡѣндгѣ нѣ јес—не довѣряй женѣ и коню.

16. Ідардбѣл ѡрѣлѣ ма дѣ хѣдарѡмѣ ѡгас ѡрцо—далеко обогни (сдѣлай крюкѣ) и домой цѣлѣ (здоровымѣ) приди.

17. Гал кѣ адтѣі, оі роді хунѣдѣр нѣ бал ѡѡдѣі—чей былѣ быкѣ, тому не досталось даже куска толстой кишки.

18. Алкѣ дѣр ѡхѣ гомі ѡарс хѡѡјуі—всякій стучитѣ въ стѣнку своего закрома (въ смыслѣ русской пословицы: своя рубашка къ тѣлу ближе).

19. Хѡѡсѡмѣ дѣр ѡ бѣдолѣ хорітунѣ вѣсуі—даже лягушкѣ ея дѣтенышѣ кажется солнечнымѣ лучемѣ.

20. Бѡхі хѡрѡгі ѡарсѣ ку нїпбѣдтѣі, ѡд ін ј'егдѡутѣ раісдѡвѡі—когда привяжешь лошадь рядомѣ съ осломѣ, то она перейметѣ его норовѣ.

21. Басѣ кѣ басода, јѣ донѣі дѣр тѣрсуі—кого супѣ обожжетѣ, тотѣ боится и воды.

22. Цѡлѡммѣ тѡвдѣ ѡѡ ѡѡсѡінаг, ѡѡлѡммѣ вѡмѣ—куй желѣзо пока оно горячо.

23. Фіді лїмѡн фіді хѡзна—отцовскїй другѣ—отцова казна (т. е. старїй другѣ надеженѣ).

24. Лѡхѣ размѡнтѣ ѡма бѡстѣ вїсмагкѡндѡнѡі—размѣшай вѡлѣ и окрестность провоняетѣ.

25. Бїндїтѣ вѡмі ѡѡ, омї муд дѣр одѡнѡі—гдѣ пчелы, тамѣ будетѣ и медѣ.

26. Сабур—хуцаѡі лїмѡн—кроткїй—Богу другѣ.

27. Хуі вѡрѡмѣ ку баѡдѡі, ѡд ін ѡ сѡрмѣ схѣздѡнѡі — когда пустишь свинью къ кучѣ провѣяннаго зерна, то она на самый верхѣ влѣзетѣ.

28. Гѡвѡгѡі лѡборѡг ѡѡфїтдагдѣр ѡі—кто хватаетѣ (сразу) опередилѣ того, кто прицѣливается.

29. Кода гал ѡхѣ бїндїтѣ сорун нѣ ѡѡраста ѡма ѡгас ѡрѡѡі бїндїтѣ сурдтѣ—бозхвостый быкѣ не могѣ сгонять съ себя мухѣ, а гвалѣ (т. е. хотѣлѣ гнать) мухѣ всего стада (говоритѣ про хвастуна).

30. Дасні лăган гăдă хăстаг ай—для умѣлаго (ловкаго) человека лѣсъ близокъ (т. е. онъ сумѣетъ легче другихъ достать лѣса).

31. Бѣраг ай сик-сик на нѣуданай—волкъ своей трусцы (манеры бѣжать) не оставитъ.

32. Кѣ бон ѱа је ай фидіидан дър дог ѱадуі—кто состоятеленъ, тотъ даже и дѣду своему устраиваетъ скачку.

33. Магурай на сгал ѱа је ай хуцай дър фѣронхуі—кто изъ бѣдности (соб. изъ бѣднаго) становится богатымъ, тотъ своего бога забываетъ.

34. Јеунăг лăг дорбал дър фăцдăрданай—одинокій человекъ и на камнѣ проживетъ.

35. Хăдарганăг мард фăсдѣар—трупъ домостроителя за дверью (говорится про несправедливости въ семьѣ).

36. Мѣт дър орс ай, фал кăхтă сујум кануі—и снѣгъ бѣлъ да ноги морозитъ.

37. Минкі фăрат стур баласă ракалуі—маленькій топоръ сваливаетъ большое дерево.

38. Андагон мистă хăдарон мисті расурдта—чужая мышь домашнюю мышь выгнала.

39. Хѣарзан бун ма сканă, лăгузан ба бун ма нѣуда—хорошему (сыну) состояніе не составляй, плохому же не оставляй (въ наследствѣ).

40. Ёлдаі бѣраган дър на тѣјуі—излишекъ даже волку нейдетъ въ прокъ.

41. Фăстаг хай хăлăйфог—часть отставшаго расхватываютъ (другіе при дѣлѣжѣ).

42. Јеу лăг судай мардай иннă ба ин ай роні кăрдинтă агурдта—одинъ человекъ съ голоду умеръ, а другой у него за паузой чуреки искалъ.

43. Арси хăтдă кăрдту ма цăгдă—съ медвѣдемъ вмѣстѣ не отрясай грушъ.

44. Тохăг галан ай сиѱа сăдтуі—у драчливаго быка рогъ ломается.

45. Зăронд гал аѱай цăѱаг ай—старый быкъ умѣлый ходокъ по бороздѣ.

46. Дăгăл бадтай дăгăл вуст хѱадър ай—лучше напрасно работать, чѣмъ праздно сидѣть.

47. Дуѱа хоні на сѣмбалдананца, андара дуѱа лăг ба жăтăридтар сѣмбалдананца—двѣ горы не встрѣтятся, а два человека когданибудь да встрѣтятся.

48. Лагузай царун аяцон ай—дурню легко жить.
49. Адам ке уарзонца, ой Худау дар бауарзанай—кого люди любят, того и Богъ полюбитъ.
50. Хуарзан иронжканун на јес—добраго не забываютъ.
51. Тагд дон сабур доні нѣжафуі—быстрыя рѣка тихой рѣки не догонитъ.
52. Ахѣуон ка на уарза, је јескѣуоні дар на бауарзанай—кто своихъ не любитъ, тотъ и чужихъ не будетъ любить.
53. Дууѣма ка багава, је јеунѣг бал дар на фѣххуаст одѣнай—кто мѣтитъ на двухъ, тотъ и одного не поймасть (схватитъ).
54. Дѣндагкинѣн хуарун амонун на гауі—зубастаго нечего учить ѣсть.
55. Куі а хуссан ку уада, уад ай бѣраг хассуі—когда собака оставляетъ свою постель, то волкъ ее уноситъ.
56. Мистѣ ахѣцѣн тікіс ракахуі—мышь сама себя кошку отрываетъ.
57. Лаг цал ѣвзаті зона, уал лагіј—сколько человекъ языковъ знаетъ, столько же людямъ онъ равенъ.
58. Јеу ахѣцѣн цѣстѣ ѣнгѣл н'адтаі ама *арфу*, *арфу* кодта—одинъ не надѣялся получить глазъ и просилъ: *брови, брови!* (говорится о бесполезной просьбѣ).
59. Куигор куі ай, ка н'ай радта, је ба дууѣ кујі—кто проситъ собаку, тотъ—песъ, а кто не далъ пса, тотъ вдвойнѣ песъ.
60. Магурѣн ѣнгонбоні а цѣстѣ срѣсуі—у бѣдняка въ праздникъ животъ болитъ т. е. судьба его преслѣдуетъ: когда ему можно было бы даромъ наѣсться, у него какъ нарочно болитъ животъ.
61. Ѧнѣкѣттѣі іуазѣг хормѣ баізадѣі—всеобщій гость остался на солнцѣ (т. е. безъ пріюта).
62. Тагд дон Тѣркі нѣжафуі—быстрая рѣка Терекъ не достигаетъ.
63. Дон ке фѣлласуі, је сінді котар бал дар фѣххуѣцуі—кто тонетъ (собств. кого вода несетъ), тотъ хватается и за колючій кустъ.
64. Донласт хулујѣі на бал тѣрсуі—кто тонетъ (соб. несомый водою) болѣе не боится мокроты.
65. Хѣраг, м'ѣрзѣла, кѣрдѣг ѣрцауі—не скатись, осель, трава всходитъ т. е. признакомъ появленія на горахъ травы служить то, что осель, на поискахъ за нею, скатывается съ горы.

66. Жеумă дѣпăăј хѣцăн сѣрă хўăздăр âі—лучше ѣсть особнякомъ *серу* (кушанье изъ пшеничной муки и воды), чѣмъ вмѣстѣ (съ другими) *дзѣкку* (кушанье изъ варенаго сыра).

67. Ġăďă талаăі тасуі—дерево гнется пока молодо (соб. *побѣюмъ* (талаăі) т. е. пока оно *тала*).

68. Цăстă âі хурфă аїдăнă—глазъ есть зеркало души.

69. Сăгі мѣқ бѣрăġăн ходун âі—жалобный крикъ козы волку смѣхъ.

70. Зонġă нѣзăі мăлăт нă јес — отъ известной болѣзни смерть не бываетъ.

71. Дă ўат куд ўа, дă кăхтă ўотă радарġ кăнă—какова твоя постель, такъ и протягивай ноги.

72. Фăлмăн ġăďі калм бахўардта — мягкое дерево червь источилъ.

73. Аġіріď нѣцăмăі ківăġ хўăздăр âі—дочь лучше чѣмъ все ничего.

74. Донăн â дуўă фарсі дăхѣ ку нă хонаі, ўăд дă јеу дăр нă фăуўодăнăі — если не будешь называть своими оба берега рѣки, то твоимъ и одинъ (берегъ) не станетъ (т. е. желая малаго, проси бóльшаго).

75. Цăўăинон ці адаġă нă басгара ўоі фідăїдаġ âнġăлуі—какой оврагъ охотникъ не изслѣдовалъ, тотъ считаетъ онъ полнымъ добычи (соб. мяса).

76. Хѣстăрăн â фінď віссăрфă, ўăдтаі аунďбал бафăрсă—ухаживай за старшимъ (собств. старшему носъ утирай), а потомъ у него уму поучись (соб. спрашивай его по части ума).

77. Сѣдăрхăссăġ — тогдух, қіблхăссăġ — совдух—у воспитывающаго сироту—кровь во рту, у воспитывающаго поросятъ—ротъ въ маслѣ, т. е. выгодноѣ воспитывать поросятъ, чѣмъ сиротъ.

78. Ġăухўар бѣрăġăі ġăўі фарнă хўăздăр—(тухġінďр) âі—счастье аула лучше (сильнѣе), чѣмъ поѣдающаго аулъ волка т. е. не держи сторону міроѣда, а сторону аула, такъ какъ лучше счастье (благо) аула, чѣмъ благо міроѣда.

79. Ăнахур âвďѣўăі ахур âвďѣу хўăздăр âі—лучше ученая колдунья, чѣмъ неученая.

80. Тогкінăі тогагорăі ġăугі дăр нă је сăмбăлġăі — при встрѣчѣ (собств. встрѣтятся) нѣтъ разницы (въ правѣ) между должникомъ за кровь и кровомстителемъ.

81. Ўзагәрцәун ахцәўап нәмән ўа, ўоі мадә ма өидә куі бахўәрәнтә, әрцәугәі ба әі хўарз на нә өәўіна, ўоі мадә ма өидә ба дуўә вујі бахўәрәнтә—кому пріятно прибытіе гостя, того мать и отецъ пусть пса съѣдятъ, кто же при приходѣ (гостя) хорошо не встрѣтитъ, того мать и отецъ пусть двухъ псовъ съѣдятъ.

82. Іўазәг куд цәдтәі, өусун ўотә цәдтә нәі—какъ гость готовъ, такъ не всегда готовъ хозяинъ.

83. Хујі сәр өінгәмә хастәі әма тәбәгмә зіндәі — свиную голову къ столу несли (собств. несъ), а она въ тарелку скатилась (говорится о нахалахъ).

84. Гал дон раніўазуі, ўәсс ба јех растәруі — быкъ воды выпьетъ, а теленокъ и ледъ оближетъ.

85. Јескә колісәрі зәлуі бәсті дәхә өәсдўартә разәлә — вмѣсто того, чтобъ вертѣться у чужаго очага, кружись у себя за дверью.

86. Јескә кохәі сіндә ма тонә—чужой рукой колючекъ не рви.

87. Ә бәхәм ә бон кәмән нә цудәі, јејә ә сәргі кох надта — кто не могъ справиться съ своимъ конемъ, колотилъ переднюю луку сѣдла.

88. Нәз дә ку өәндәўа, ўад дә сіді кўацәл өәццәвә—если тебѣ нравится болѣзнь, такъ воткни себѣ палочку въ задъ.

89. Хәрәг гудәліәі тарстәі ма ә біләбәл әрзадәі — боялся оселъ нарыва, а онъ у него на губѣхъ выросъ.

90. Карк дон ку раніўазә, ўәдтәр ма Хуцаумә скәсуі — курица когда пьетъ воду и та смотритъ къ Богу (говорится про неблагодарныхъ и неблагочестивыхъ).

91. Мард дан тїрд нә кәнуі? — будто покойникъ не б...тъ? (говорится про людей ничтожныхъ, но старающихся нанести вредъ).

92. Тог тогәі нәхснадәўі — кровь кровью не смывается (противъ кровомщениа).

93. Сау халон ўәрдцә нә ахәссуі — черный воронъ перепела не поймаетъ.

94. Бонә сәдә дурді на скәна јејә мәлгә кәнуі — кто въ день (днемъ) сто словъ скажетъ (соб. сдѣлаетъ), тотъ помретъ.

95. Бонә нәўәг дурд ку нә өөгәса, ўад ләг куру кәнуі—если не услышитъ человекъ новаго слова въ день, то оглохнетъ.

96. Гал хуаскi ку рамалiдä! — пусть быкъ отъ сѣна умретъ! (говорится въ шутку, когда настойчиво приглашаютъ пить).

97. Куi накä нä кануi цалäммä дон ä сiдi бацäуä — собака не поплыветъ, пока вода ей въ задъ не войдетъ.

98. Сабур уäсс дууä мадi бададта — тихiй теленокъ двухъ матокъ сосалъ.

Иронiи пословицы (1).

1. Зонд-фäндаг амондхäссаг—путь разума (есть) носитель счастья.

2. Äррäј jä фäндагкаг раздär ахордi—у глухого его дорожный запасъ раньше сѣденъ.

3. Гаилаг роодäi барäгдär — хорошiй быкъ и теленкомъ замѣтенъ.

4. Сундү бунäi сунд цäу — изъ подъ колючки колючка растетъ.

5. Äхсäv сундү рүхсмä ма фäццү, донү қäрмä фäццү—ночью на свѣтъ колючекъ не иди, а на шумъ воды ступай (2).

6. Сäдтi Бäдтiл худтi, Бäдтi та Сäдтiл худтi—Садти смѣлся надъ Бадти, Бадти же надъ Садти (3).

7. Дä фäс цас, дä скäттä уäс — сколько у тебя скота, столько и закутовъ.

8. Уäн jä зондäi jä дүккутä даргдär үстү — у женщины волоса длиннѣе ея ума (4).

9. Фүд бон äмä фүд лäг бiрä нä хäссүц — дурной день и дурной человекъ долго не протянутъ.

10. Фүд бон — дабүрцiн, хүрбон — бäгäввäd — ненастный день—онъ обутъ, солнечный день—онъ босой (5).

11. Сау лäг кäрдүн ку бахäра, уäд сқал вäјi — неблагородный, когда поѣсть хлѣба, дѣлается гордъ.

12. Хäрäгäн цäх нä фiдäуу, саулäгäн хятүн нä фiдäуу — ослу не прилично ѣсть соль, а неблагогородному (саулагу) странствовать (т. е. проводить время праздно, развѣшая по гостямъ).

13. Äвзär jä уäдäн тärсү — плохой человекъ за душу (жизнь) свою боится.

14. Мäгуру зäрдä фүнтäи қал—сердце бѣдняка сновидѣньямъ радуется (6).

15. Äвзäр куд jä дүармä хäцäг — плохой песъ у своей двери кусается.

16. Дону әртахäи сундäгкai дүр хунк кәнү—отъ капель воды понемногу въ камнѣ дыра пробивается.

17. Дä сүнтäг цас, үас дä кäхтä адарг кән—какова твоя постель, на столько и протягивай ноги.

18. Усу баист—үдү аист—отнятіе жены—отнятіе жизни (7).

19. Хитäг хатäг цäl арү, äгär хатäг пäф арү—рѣдко разъѣжающій находитъ угощеніе, слишкомъ (часто) разъѣжающій (по гостямъ) находитъ удары.

20. Ју лäг, зäгү, арс фөдта äмä „арс, арс!“ кодта; иннä та, зäгү, арс фөдта äмä фäд агурдта—одинъ человекъ, говорятъ, видѣлъ медвѣдя и кричалъ: „медвѣдь, медвѣды!“ Другой же, говорятъ, увидѣлъ медвѣдя и искалъ его слѣдъ.

21. Јүән, зäгү, jä цäстү кала уді, иннämän та әрдү, äмä әрдү кämän уді, үі, зäгү, иннämän аотä, зäгү: „үі дä цäстү цү ү?“ У одного, говорятъ, въ глазу сучекъ былъ, а у другого волосъ, и тотъ, у кого сучекъ былъ, говоритъ такъ другому: „что это такое у тебя въ глазу?“

22. Кäи үäрдонү бадаі, үі зарäг кән—на чьей арбѣ сидишь, того пѣсню пой.

23. Куріс, зäгү, сүгдi jä бäдтän та іä худтi, стäи эвиг ку бахäдцäи, зäгү, бäдтäямä, үäд бäдтän скудта — снопь, говорятъ, горѣлъ, а его повязка надъ нимъ смѣялась, потомъ когда огонь приблизился, говорятъ, къ повязкѣ, тогда она заплакала.

24. Фүдүбон бäхмä ма бабäl, цäстү бон та чүндү ма баўарз—въ несчастный день не позарись на (чужого) коня, а въ день пляски не увлекись невѣстой (8).

Примѣчанія.

1. Эти пословицы доставлены мнѣ осетиномъ студентомъ Алмахситомъ Кануковымъ.

2. Сүндү рүхс—костеръ изъ колючки. Ночью свѣтъ обманчивъ, такъ что имъ нельзя руководиться.

3. Говорится про плохого человека смѣющагося надъ недостатками другого. Садти и Бадти равно плохи.

4. Вариантъ этой пословицы: *у́сѣн ѣ́ зонд цѹбѹр ѹ, ѣ́ дѹккѹ та дарі́*—у женщины умъ коротокъ, а коса длинна.

5. Въ ненастный, дождливый день осетины ходятъ босикомъ, чтобъ сберечь обувь, поэтому эта пословица примѣняется къ людямъ неряшливымъ, не поступающимъ по людски.

6. Т. е. бѣднякъ услаждается только во снѣ.

7. Т. е. за похищеніемъ жены слѣдуетъ обязательно кровная месть со стороны мужа, кончающаяся чьей нибудь смертью.

8. Пословица имѣетъ тотъ смыслъ, что въ несчастный день, когда угрожаетъ личная опасность, не слѣдуетъ увлекаться похищеніемъ чужой лошади, а позаботиться о собственной безопасности; такъ же не слѣдуетъ выбирать себѣ невѣсту на пляскѣ, не узнавъ дѣвушки покороचे, такъ какъ можно легко ошибиться.

www.libtool.com.cn

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

- Абазги III 43, 44, 56—58, 68, 70, 110.
Абазукъ III 25—27.
Абешура III 29.
Абхазія III 19, 31, 34, 35, 45.
Абхазцы III 46, 58, 92, 110.
Абхазовъ, генералъ I 143, II 252.
Абисалъ I 140.
Авсати I 139, 143, 144, II 244, 245.
Агаѳирсы III 52, 128, 130.
Агваны III 104, 109, 110—112.
Агунда I 147.
Адайхохъ (гора) III, 5.
Азербейджанъ III 37, 48, 53, 101.
Азна I 71, 73, 127.
Азнинское поле I 71.
Азонъ III 24.
Азоркъ III 25, 26.
Айтековы, князья III 114.
Алагаевы I 39, 41, 47, 161.
Алагирцы I 138, 139, 160, II 30, III 6, 108.
Алагиръ (селеніе) I 11, (ущелье) I 138, 276.
Алазоны III 118.
Аланда III 115.
Аланетія III 115.
Аланскія врата III 33, 42, (см. Даріальскія врата).
Аланы III 15, 25, 26, 28, 29, 33, 39—65, 75—77, 95, 102—116.
Аларды I 12, 103 II 250, 51, 53, 275, 276, 281.
Албанія III 47, 93, 108.
Албанцы III 104, 109, (см. Агваны).
Александръ Македонскій III 19, 32, 48.
Алыпъ (конь) I 154, 155.
Альда, Альди I 140, 159, III 34, 41.
Альпъ-Арсланъ III 34.
Амазонки III 87—93, 111, 132.
Амзаспъ III 28.
Аммианъ Марцеллинъ III 42, 43, 50—53, 59, 86.
Аммионъ II 246, 247.
Амиранъ I 8, 11, 59, 61, 63, 65, 67, 69, 71, 145, 146.
Амистолъ (мѣсяцъ) II 263.
Анаклея (городъ) III 114.
Анахарсисъ скинозъ III 124 и слѣд,

- Анбалъ яснѣ III 68.
 Андрей св. апостолъ III 25.
 Андрей Боголюбскій кн. III 68.
 Аннголь I 97.
 Апслия (область) III 56.
 Арабы III 33, 45, 56, 59.
 Арагва р. III 5, 30.
 Ардава гор. III 76, 96.
 Ардозъ (область) III 104, и слѣд. 109.
 Ардонъ (селеніе) II 254, (рѣка) II 30, 276, III 6, 78, 108.
 Арзинайха I 115.
 Аріанта (скіеъ) III 123.
 Аріанейоа (скіеъ) III 125, 131.
 Аркызовъ зубъ I 39, 122.
 Армазель III, 25, 26.
 Армна р. III 104, 105, 107, 108.
 Армения III 25—28, 34, 42, 48, 51, 53, 93, 136.
 Армяне III 16, 20, 22, 27—29.
 Армянская хроника III 16, 25, 29, 33.
 Арпоксайсъ (скіеъ) III 126.
 Арріанъ III 110.
 Арташесъ III 25—27, 91, 106, 107.
 Арташиръ III 28.
 Арчилъ III 33.
 Асана с. Урызмэга I 73.
 Асм I 162, III 7, 11.
 Асмята (мѣстн.) II 284.
 Аспарухъ III 103.
 Асѣгуръ III 28, 29.
 Ась III 38, 41, 77, 106.
 Асыныкъ с. Цалика I 139.
 Атаевы II 262.
 Атажуины III 10.
 Аоридунъ III 19, 23, 24.
 Аосадагъ (великанъ) I 93.
 Аосамбитъ (великанъ) I 93.
 Аосизъ (мѣстн.) I 153, 154.
 Ахемениды III 72, 129.
 Ахматъ (гора) I 95.
 Ахсактемуръ II 300.
 Асау (аулъ) II 243.
 Ахсартаккаевы I 65, 73, 75, 77.
 Ашкерги III 9.
 Аштигоръ III 104, 106, 109, 112.
 Аштотуръ III 8.
 Аш-Эліа III 8.
 Багратиды III 34, 35.
 Багратъ (III) III 34, (IV) III 34.
 Бадила I 140, 159.
 Бадиляты I 118, 140, 159.
 Бадри I 16, 17, 59, 63, 65, 145.
 Базукъ III 25—27.
 Байсогуровы I 140.
 Баксанъ р. III 7, 59, 106, 113, (ущелье) III 9.
 Балинъ (городъ) III 67.
 Балкарское ущелье III 8.
 Балкарцы I 162, III 6, 7, 10, 97, 104.
 Балсагово колесо I 25, 120.
 Барастыръ II 245, 275, III 170—174.
 Барбаро Юсафатъ III 41, 77.
 Бартамъ III 29.
 Бата I 139, 144.
 Батбай III 103.
 Батразъ I 6, 8, 9, 10, 14 и слѣд. 18, 22, 25, 27, 29, 45, 148, 150, II 248.
 Бедзенеъ I 10, 27—29.
 Бедіасъ (мѣстн.) III 114, 115.
 Безанъ I 11, 79.
 Бездежъ (городъ) III 70.
 Бенпитъ I 144.

- Берке-ханъ III 77.
 Бесланъ (аулъ) I 12.
 Бештау (гора) I 9.
 Бибертъ I 143.
 Бибарсъ III 77.
 Бибила I 11.
 Бидзга I 140.
 Бизенги III 7, 10.
 Билагъ (мѣстн.) II 284.
 Биаслановы I 101, 143, 160.
 Бозировъ Бимболатъ I 12.
 Болгарія Великая III 60, 61, 103.
 Черная III 63—65.
 Болгары III 60—65, 97, 102—112.
 Большая медвѣдица II 300.
 Бораевы I 17, 27, 39, 47, 49, 53,
 73, 75, 79.
 Борена III 34.
 Борисеевъ р. III 85, 93, 126, 128,
 см. Дняпръ.
 Боръ-хуаръ-али I 149.
 Боспоръ III 25, 42, 51, 53, 60—
 65, 94, 102.
 Бросса III 18 и слѣд. 25—29, 41
 —43, 69 и слѣд.
 Буга III 33.
 Бугъ р. III 82, 123.
 Будины III 52, 130.
 Бурдухана III 35.
 Бурку II 269, 270.
 Бурѣзригы I 10, 31, 121.

 Вандамы III 47, 48.
 Варданъ р. III 78, 102.
 Васильевъ мѣсяцъ II 263, 268.
 Вахтангъ Гургасланъ III 17, 29,
 30—33, 43, 45; историкъ III
 16—20, 25, 31, 32.
 Вахушта царев. III 18, 28, 34, 35,
 98, 115.

 Великаны I 61, 93, 121, 125, 137,
 145.
 Византия III 46—58, 60.
 Виршель III 37.
 Владикавказская равнина III 5, 107.
 Владикавказъ III 69, 70.
 Водяные I 73, 127, II 249, 300.
 Волга III 61, 87, 101, 103, 107,
 122.
 Волкъ I 83, 85, 87, 91.
 Времена года I 129.
 Вриксава III 78.

 Гадзутъ I 144.
 Газарія III 77.
 Газендонъ (мѣстн.) II 283—285.
 Галинь (городъ) III 67.
 Галиата (селенье) I 128, 140, 141,
 II 23, 31, 43, 251, 259, 262.
 Гандза (городъ) III 35..
 Ганъ Б. III 43, 89.
 Гатиевъ I 12, II 238, 241, 245,
 248, 266, 269, 273—278, 280—
 82, 293.
 Гатуевъ II 238, 242, 251, 259,
 261, 275, 282, 283.
 Гацёвы II 289.
 Гелоны III 52, 128, 130.
 Георгій св. I 156, II 238, 242—
 43, 255—56, 263, 282, III 8.
 Гераклъ III 123, 127, 128, 129.
 Геродотъ III 11, 52, 84—96, 101,
 117—125, 130—135.
 Герросъ III 122, 123.
 Геты III 85.
 Гизель-донъ II 30, III 6, 78.
 Гилея (мѣстн.) III 125, 128.
 Гими II 283, 284.
 Гишпократъ III 52, 88, 119—121.
 Гиорги (III) III 34, 35, (V) 37, 38.

- Гобедза I 144.
 Гобеевъ Бадн I 12, 159.
 Гогичевъ III 178.
 Гогъ I 139.
 Горн (городъ) I 8, 115, 147, 161, II 31, III 37, 38.
 Готы III 48, 51, 60, 77.
 Греки III 17, 25, 27, 28, 85.
 Грузины III 18, 22—32 и слѣд.
 Грузія I 141, 143, 144, III 26—38 и слѣд.
 Гумиры (великаны) I 125, 145, 146.
 Гунны III 20, 21, 42, 50, 51, 59, 60, 74, 97.
 Гюбшманъ III 137, 139, 142, 144, 146, 149—153, 161, 167—169.
 Давидъ (III) груз. царь III' 34, Давидъ-Сосланъ III 35.
 Дагестанъ III 20, 45, 46, 53, 69, 109.
 Дадіанъ III 91.
 Дакк III 48.
 Далагкау (аулъ) III 36, 69.
 Дарезаны I 11, 61, 65, 67, 69, 145, 161.
 Даріаланъ III 27.
 Даріальскія врата III 70, 108, (ущелье) III 2, 20, 30—33, 36—38, 46, 55.
 Дауэги (духи) I 109, 133, 149, II 240.
 Двалетія III 6, 29, 38, 108.
 Деяковъ (Тетяковъ) гор. III 69, 70.
 Деметрѣ III 34, 35, 41.
 Дербендъ гор. III 2, 18, 20, 30, 33, 36, 38, 70.
 Дербендъ-Намѣ III 42, 56.
 Джавъ (аулъ) III 178.
 Джелаль-эддинъ III 37.
 Джикк (зикк) III 31, 44, 45.
 Джимара-хохъ (гора) III 5.
 Дзавагикау III 69.
 Дзендзетъ I 109.
 Дзеранзетъ I 109.
 Дзивгисъ (аулъ) I 160, III 36.
 Дзилиховы (База) I 160, (Григоріи) I 159, (Иналуко) I 161.
 Дзуары II 237, 240, 255.
 Дзынга I 138, 140.
 Дивенъ (Делухъ) гор. III 69.
 Дигоръ-кабанъ I 152—154.
 Дигорія I 4, 8, 95, 130, 138, 140—142. III, 6, 7, 34, 43.
 Дигорцы I 87, 138, 143, II 243, 269, 270, III 6, 10, 55, 73, 91, 98, 104—109; дигорское нарѣчіе II 30, 31 и слѣд.
 Димитрій II-й. груз. III 69.
 Діалекты осетинскіе II 30—45.
 Діодоръ Сицилійскій III 84—86, 93, 119, 128.
 Діонисій географъ III 48.
 Діонъ Кассій III 49, 86.
 Дманисъ III 33.
 Диѣпръ III 44, 45, 63, 82, 123, 125, 127.
 Домовой II 253, 269, 290.
 Донбыттыръ II 249.
 Донифарсъ (аулъ) I 119.
 Донъ III 62, 63, 66—68, 71, 74, 75, 82, 87, 88, 94, 97, 101, 117, 122, см. Танамсъ.
 Драконъ рѣка III 110, 111, 115.
 Доргулель III 34, 35.
 Думты (аулъ) II 259—261.
 Дунай III 85, 87, 101, 103, 135.
 Дурлура (конъ) I 41, 49.
 Дурдзуки III 18, 19, 98, 109.
 Душетъ (городъ) III 5.

- Едзиевы II 259.
 Евдоксъ III 84.
 Ексампай III 123.
 Елтаганъ I 10, 31, 33, 35.
 Есеевъ Гегъ I 11.
 Заговѣны II 263.
 Задалескъ (Заделискъ) аулъ I 103, II 243.
 Заки III 34.
 Залеманъ II 163—165, 172, 200, III 137, 135, 147, 162, 164—166.
 Залійскій (зарійскій) змѣи I 63, 126, 138.
 Заренъ III 27.
 Затменія луны II 299.
 Звѣзда полярная II 300, утренняя III 175.
 Згитъ (аулъ) II 275.
 Змѣи I 99, 128.
 Зоѣара III 41.
 Зуянтъ I 140.
 Зэды I 109, 120.
 Иданокрсъ III 124, 132, 134.
 Идыль (Эдилъ, Атль) I 9, III 104, 107, см. Волга.
 Иловайскій Д. И. III 61, 63, 64.
 Илья св. I 120, II 296, III 8, 9.
 Имена аланскія III 96; варварскія въ понтійскихъ греческихъ надписяхъ III 79—82; сарматскія III 86.
 Имеретины III 6.
 Имеретія I 152, III 19.
 Ингуши III 5—7.
 Иранцы III 71 и слѣд.
 Ироны I 143, II 30, 44, 45, 269, III 73.
 Исседоны III 11.
 Итазь III 57, 96.
 Ична II 266.
 Ia I 144.
 Iаредъ III 19, 24.
 Iелія II 241, 253, 296. III 8.
 Iелусанедская рѣка I 43, 123.
 Iима III 127.
 Iоаннъ св. I 120, II 285.
 Iорданъ III 47, 60.
 Кабарда I 160, 162, II 238, 258, III 6, 30, 32, 35, 90, 91, 98, 115.
 Кабардинцы I 143, 160, III 6, 10, 58, 66, 98, 99.
 Кавцій III 29.
 Казбекъ III 5.
 Каллипиды III 118.
 Камунта (аулъ) I 4, 138, 159, 162, II 23, 31, 43, 250.
 Камынонъ Насръ I 138.
 Кани (аулъ) II 253, 259.
 Кантемуrowы I 138, 141, 142.
 Каницысаръ хуандонъ I 75, 77.
 Кануковъ Алмахситъ III 190.
 Кануковъ Иналъ I 13.
 Карабахъ III 30, 34.
 Карагасъ (мѣстн.) I 93, 130.
 Карачаевцы III 10, 59, 91, 97, 111, 113.
 Каритинъ (гора) I 138.
 Картыль I 138.
 Карча III 113.
 Касарское ущелье III 36.
 Касогъ III 45, 46, 65—68, 97.
 Каспій III 12, 93, 101, 107, 112, 123.
 Каспійскія врата III 44, 45, 54.

- Кашакъ III 45, 46.
 Кедринъ III 41.
 Кезо I 144.
 Керчь III 52.
 Кесаевъ Мурзабегъ III 182.
 Килахсарттонъ I 8.
 Киммерійцы III 134.
 Кипчаки III 21, 31, 36.
 Киркеръ (область) III 77.
 Кисты (народъ) III 6.
 Клавдіанъ III 94.
 Клапротъ III 39, 69, 70, 114.
 Кобизовы II 260.
 Ковалевскій М. М. III 98—100, 104.
 Когалукты (жѣстн.) I 93. 130.
 Кодоръ (рѣка) III 110, 115, 116.
 Кокіевъ С. В. I 4, 5, 12, II 13, 21, 238.
 Колаксай скинъ III 124, 126, 127.
 Колхида III 54, 111.
 Колыбель, привязываніе къ ней II 290, 291.
 Константинъ Багрянородный III 44, 45, 62, 64.
 Конь (посвященіе его) I 109 и слѣд. 132—134.
 Коршъ Ѳ. Е. III 137, 139, 140—142, 145, 146, 153, 161, 162, 164, 166.
 Крещенье II 269.
 Крымъ III 46, 62, 77, 113, 122.
 Кубанская область III 23, 97, 111.
 Кубань (рѣка) I 8 III 9, 10, 44, 45, 58—60, 63, 66, 97, 102, 103, 109—116.
 Кубати I 140, 160.
 Куговы I 140, 160.
 Кубратъ III 102, 103.
 Кудаберды I 153, 154.
 Кудзоевы II 260.
 Кумыцкое поле I 93.
 Кундуховъ Муса I 13.
 Кура р. III 25—27, 30, 93, 106.
 Курдалагонъ I 18, 19, 25 27, 29, 73, 118, 147 II 247, 248.
 Куртатинцы I 160 II 30 III 6, 34, 35.
 Куругасовъ Байтемирко II 284.
 Курысь II 269, 271, 272.
 Кусу (аулъ) I 142.
 Кутансь III 35.
 Кутургуры III 60.
 Лаба большая (рѣка) III 9, 10.
 Лавровъ III 4, 39.
 Ладзь (аулъ) III 36.
 Лавія (область) III 53, 54, 56, 58.
 Ламберти III 90, 91, 114.
 Ламбинъ III 64.
 Латышевъ В. В. III 79, 122, 133.
 Левъ спагарій III 56—58.
 Лезгины III 33 см. Лэки.
 Лерхъ П. И. II 124, 125, 129, 133, III 163.
 Лечхумъ (область) III 115.
 Липоксайсь скинъ III 126.
 Лиса I 83, 85, 87. III 176.
 Ліахва рѣка III 5, 29, 30.
 Лукіанъ III 95, 96.
 Лэки III 18, 19, 25, 26, 28, 29, 98 см. также Лезгины.
 Маджаръ (Мадзаръ) I 140, 159 III 104.
 Майрамъ II 238, 252, 280, 281, 289, 290, 293.
 Мамисонское ущелье III 2, 36.
 Марино Санудо III 77.
 Марухъ III 55.

- Масамать I 109.
 Массажеты III 11, 21, 71, 101, 130.
 Масуди III 42, 46, 108.
 Махамать I 109 II 238.
 Махческъ (аулъ) I 140 II 31.
 Мацутти (мѣстн.) II 261.
 Мачабеловы князья III 100.
 Меланхлены III 52, 79.
 Менандръ III 54—56, 61.
 Меотійское озеро (Азовское море) III 40, 42, 48, 51, 53, 60 65, 71, 74, 75, 84—87, 89, 92, 94, 97, 102, 103, 122.
 Мерванъ III 33.
 Металлы III 11 и слѣд.
 Мидія III 42, 48—53, 72, 85, 86, 92, 100, 136.
 Мингрелія III 19, 90, 110, 114.
 Миндиіанцы (народъ) III 55.
 Миріанъ III 29, 43.
 Михайлъ кн. Тверской III 69, 170.
 Михрандухъ III 17, 30, 31.
 Мищенко Ѳ. Г. III 117—121, 135, 136.
 Миера III 128, 129.
 Моздокъ III 5, 6.
 Моисей Хоренскій III 16, 25—27, 40, 91, 102—107, 112, 115.
 Монастро III 77.
 Мстиславъ III 66.
 Муккара I 35, 37.
 Мцхетъ III 27, 29.
 Мыкалыгабыртъ I 8, 27, 120, 121 II 238, 255, 276.
 Мысырби (Мусырби) I 16, 17, 59, 63, 65, 67, 69.
 Мюлленгофъ III 76, 86, 117, 130.
 Мюллеръ Фридрихъ II 124, 129, 131—134, 161, 190, 199, 200.
 Нарк (аулъ) II 261.
 Наръ (аулъ) I 8.
 Нарты I 6, 23, 27, 31, 41, 43, 45, 47, 49, 53, 71, 73, 77, 137, 148, 149, 161 II 247, 248.
 Насиръ-Меликъ султанъ III 69.
 Нейманъ III 118, 120, 136.
 Никкѳоръ III 63.
 Николай св. I 119, 120, 121, II 255, 256, 263, 276, III 9.
 Никопсія (городъ) III 38, 102.
 Новый годъ II 266 и слѣд.
 Ногъ I 139.
 Ногайцы I 141 III 7.
 Новоосетинская станица II 22 III 6.
 Ново-христіанское селенье III 182, 183.
 Ногмовъ I 7, 10, III, 10.
 Нузалъ (аулъ) I 160.
 Овидій III 94, 95.
 Одиши (область) III 19, 114, 115.
 Октамасада синѳъ III 125, 131.
 Ольвія III 75, 79, 82, 88, 124, 133—135.
 Оси бакатаръ III 30, 37, 38.
 Оссы III 15, 19, 22—49 и слѣд.
 Осъ I 138.
 Пакондзи (птица) I 65, 67, 126.
 Пантикапея III 75, 82.
 Паралаты III 126, 127.
 Паряне III 49, 93.
 Пасконди (птица) I 146.
 Паткановъ К. П. III 15, 16, 20—24, 56, 102—106, 109.
 Пахимеръ III 59.
 Пахомпары I 149, 150.
 Персы III 17, 23, 27, 28; 33, 53, 54, 59, 71, 72, 85, 100, 129.
 Петра (крѣпость) III 53.

- Печенѣги III 31, 44—46.
 Плянокарпини III 41.
 Плеяды II 300, 301.
 Плиний III 48, 78, 93, 94.
 Погребеніе II 294 и слѣд.
 Половцы III 67, 68, 70, 98.
 Поминки III 285—288.
 Помпоній Мела III 93.
 Понть III 75—77 см. Черное море.
 Потоцкій графъ III 69, 90, 113.
 Праздники осетинскіе II 262 и слѣд.
 Проконій III 43, 47, 53, 54, 60.
 Псевхросъ рѣка III 102, 103.
 Птоломей III 77, 78, 85, 110, 111.
 Пуховы II 258.
 Поафъ д-ръ I 6, 7, 10, 159 III 35, 36.
 Пчелы I 95 и слѣд.
 Пшавы (народъ) III 6.

 Ранъ (область) III 30.
 Рейнегтоъ III 89, 114, 115.
 Рекомъ I 8, 27, 120, 121. II 238, 255, 256, 276.
 Ріонъ рѣка III 5, 6, 53, 55, 56.
 Розенъ II 2, 17, 31, 40, 41, III 146.
 Роксоланы III 42, 48, 85, 86, 95.
 Ростиславъ кн. III 66.
 Ростомъ I 11, 12, 79, 145, III 24.
 Руймонъ II 296.
 Руси I 145.
 Русудана III 37.

 Сабяры III 53.
 Савлій сикмъ III 132, 134.
 Садонъ (аулъ) I 161, II 275.
 Садула I 144.
 Сайнагова гора I 145.
 Сайнэгъ-альдаръ I 10.
 Сайтафаръ III 133.
 Сакс III 71, 101.
 Саколъ (рѣка) I 27, 35, 121.
 Саламовъ Михаилъ III 182, 183.
 Самаргановъ I 143.
 Саматканъ I 109.
 Самели II 299.
 Сануасовы I 79.
 Саркелъ III 62, 66, 98.
 Сарматія азіатская III 78, 92, 102, 104, 109, 111, 112.
 Сарматы III 13, 68, 71, 84—88, 92—95, 101.
 Сародій (Сароевъ) III 55, 61.
 Сасана I 47, 49.
 Сасаниды III 24.
 Сатана I, 8, 9, 10, 29, 41, 47, 49, 51, 73, 75, 77, 121.
 Сатиникъ III 26, 27, 91, 106.
 Саудараты III 79.
 Саудонъ р. II 30 III 6.
 Саурмагъ III 19.
 Саа I 11, 49, 51 II 248, 249, 290, 291, 293.
 Сахъ I 140, 141, 160.
 Сванетія I 138, 159 III 8, 11, 25, 55, 90, 91, 114, 115.
 Светоній III 49.
 Свиный желѣзнорылый I 128.
 Свѣтила II 297—301.
 Святославъ кн. III 66, 67, 98.
 Севенцъ р. III 69, 70.
 Секина I 87, 89, 91.
 Сельджукиды III 34.
 Сериръ (область) III 46.
 Сигинны (народъ) III 85, 135.
 Сидамонъ I 11.
 Сирдонъ (Сырдонъ) I 8, 17, 75, 77, 79, 103, 137, 147, 148.

- Сяила сикюъ III 129, 132.
 Скилакъ III 84.
 Сикюм III 13, 52, 85, 87, 88, 93, 101, 117—136.
 Скопаскъ сикюъ III 124.
 Сибать III 25—27, 107.
 Сонгутъ (ущелье) II 260.
 Сосланъ I 8, 9, 71, 75, 77, 115, 137, 147, II 261, 285.
 Сосруко (Созрыко) I 7, 8—10, 29—41, 47, 53—59, 161.
 Софійскій склепъ I 25, 27, 120.
 Спаргапейоа сикюъ III 131.
 Стефанъ Византійскій III 84, 85.
 Страбонъ III 85, 93, 94, 119.
 Стуръ-Дигоръ (аулъ) I 4, 12, 142—144, 159—161 II 22, 38, 43, 242, 260, 261, 283.
 Суанъ I 138.
 Сугдеа III 77.
 Сугровъ (городъ) III 67.
 Судакъ (городъ) III 77.
 Сунджа р. III 70.
 Сурхъ (мѣст.) I 43, 160, 161, III 8.
 Сынты (замокъ) I 8.
 Сырху-барзандъ (гора) III 5.
 Сымыттаръ I 53, 124.
 Тавры III 48, ихъ языкъ III 76.
 Тагаурцы II 30, см. Ироны.
 Таксанъ сикюъ III 124, 131.
 Таманскій полуостровъ III 43, 45, 60, 65.
 Тамара царица III 34—36, 46, 174, 175, 176.
 Тана (Донъ) I 9, городъ III, 40, 41.
 Танаида городъ III 75, 82, 94.
 Танаисъ рѣка III 48, 50, 51, 60, 78, 84, 85, 87, 94, 122, 130.
 Тараново поле I 59, 125.
 Таранджелосъ I 27, 120.
 Таргамосъ III 18.
 Таргитай III 125—127.
 Тарское поле I 51.
 Тарханъ III 30.
 Татары III 36—38, 68, 69, 77; горскіе III 7, 9, 10, 91.
 Татаръ-тупъ II 258, 272.
 Таусултановы I 101, 161, III 99.
 Тацить III 78, 93, 95, 119.
 Тбаууаццлла I 25.
 Тепли-хохъ (гора) III 5.
 Терекъ I 33, 143, 161, II 30, 254, III 4, 5, 6, 19, 23, 30, 58, 69, 70, 106, 108.
 Тиберда рѣка I 8.
 Тиверій Константинъ III 55, 61.
 Тимуръ III 38, 70.
 Тирасъ городъ III 75, 124, рѣка 123.
 Тиссагеты III 122.
 Тмолисъ III 30, 33, 34, 36, 37, 38.
 Тихо I 144.
 Тмутараканское княжество III 46, 64—66.
 Тобой I 139.
 Тогрульбегъ III 34.
 Тотрадъ I 10.
 Тотуръ III 8, 9.
 Тохтамышъ III 38.
 Тріалетъ III 38.
 Туальскій говоръ II 22, 24, 30, 31, 40—43 туальцы III 100.
 Туганъ I 140.
 Тупкаевъ С. А. I 4, 5, 11, 120, 129, 131, II 13, 21, 238, 264,

- 269, 270, 281, 282, 284, 295,
297. Туккаевская болѣзнь I 99
и слѣд.
Тульме III 90.
Турки восточные III 55, 56, 61.
Турксантъ III 55, 56, 61, 112.
Тутыръ I 73, 127 II 243, 244,
253, 273, 274, 278.
Тхостовъ И. Г. I 162.
Тцыогинъ (мѣстн.) I 87, 129.
Тынты I 18, 19, 20—23, 37, 41,
55, 118.
Тыхость (дзуаръ) II 257, 258,
293.

Уаза (гора) I 93, 130.
Уалия I 140.
Уановы I 140.
Уарпалдаръ I 161.
Уастырджн (Уаскерги) I 25, 29,
31, 47, 49, 53—59, 103, 119,
156—158 II 239—243, 253,
256, 281—284.
Уасхо I 119, II 259.
Уаццлла I 25, 53, 55, 119, 149,
II 240, 241, 258, 271, 280.
Узи-дзуаръ II 259.
Узы III 62.
Уналъ (аулъ) II 257.
Унигуръ III 56.
Уобосъ III 18—23, 75.
Уралъ р. III 87, 101, 122.
Уральскій хребетъ III 12.
Урсдонъ (рѣка) I 130, 161.
Урусбіевъ С. И. I 8.
Урусбіевцы III 7, 10, 97, 104.
Урухъ (рѣка) II 285, III 6, 7, 10,
106.
Урзымэгъ I 6, 10, 11, 16, 17,
37, 41, 43, 45, 49, 51—59,
71—79, 115, 121, 161. III
170—174.
Усларъ баронъ III 90.
Утургуры III 60, 61.

Фалвара I 103, 131, II 239—243,
253, 263, 278, 279.
Фанагорія III 60.
Фараскатскій аулъ I 91, 153.
Фарасманъ III 49, 50, 54.
Фардыжское поле I 123.
Фарнавазиды III 75.
Фарнавазъ III 19, 24.
Фарсманъ (V) III 33.
Фацбаданъ II 261, 282.
Ферохъ III 29.
Фиадгонъ II 30, III 6, 36, 78.
Флавій Юсифъ III 40, 48, 75.
Фортунаговъ Ф. Ѳ. III 137, 139,
140, 141, 145—148, 151—154,
156, 159—161.

Хазары III 18—23, 28—33, 45,
56, 60—66, 97, 111.
Хазмійское поле I 25, 31, 120.
Халатьянцъ Г. А. III 109.
Хаматканъ I 109.
Хамидевы I 143, 144, 161.
Хамицъ (Хэмыцъ) I 8, 9, 14—18,
21, 27, 37—41, 45, 47, 53,
55, 59, 101 и слѣд. 147—149.
Ханазъ (мѣстн.) II 261.
Ханъ (крымскій) I 142, 143.
Харахсей (великанъ) I 93.
Харбанда (ханъ) III 38.
Харуесъ (Харіесъ) мѣстн. I 103, II
242.
Хевсуръ (народъ) III 6.
Херсонъ III 62, 64.

- Хетагуровъ Таймуразъ I, 11, II 31, 40, 266, 272.
Хилакъ (крѣпость) I 160.
Хозское поле I 55.
Хой I 143.
Хоймановы II 283, 284.
Хосровъ III 17, 28.
Хоссаръ (аулъ) II 260.
Хуанха III 28.
Худданъ III 35.
Хуламъ (аулъ) III 7, 104.
Хумаринское укрѣпленіе I 8.
Хунанъ III 30.
Хутгеръ I 138.
Хутлу-шахъ III 37.
Цанары (народъ) III 108.
- Цанкаевы I 148.
Цанхиголъ (мѣстн.) I 103, 131.
Царай I 144.
Царгосаты I 118, 144.
Цебельда обл. III 55, 111.
Цей (аулъ) I 120 II 255, 256.
Цейдонъ р. II 255, III 78.
Цейссъ III 48, 95, 117.
Цилосанъ I 11, 12.
Цимити (аулъ) III 36.
Цоппанги Айдаруко I 161.
Цораевъ I 6, 123 II 13, 31, 42, 246.
- Чевшлюевъ (Чешлюевъ) гор. III 67.
Чегемское ущелье III 8.
Чегемцы III 10, 97, 104.
Чегемъ (рѣка) III 7, 59.
Челбагонъ I 138.
Челесханъ I 10, 121.
Черекъ (рѣка) III 7, 8, 59, 104.
Черкесы (адигэ) III 35, 38.
- Черное море I 31 III 45, 46, 59, 60, 79, 90, 110, 112 см. Понтъ.
Черноморскія греческія надписи III 75, 79.
Черноярская станция II 22, 38 III 6.
Чеченцы III 7, 108.
Чечня III 45.
Чилахсартонъ I 43, 45.
Чингисъ-ханъ III 36, 37, 98.
Чиристи II 238, 274, 275.
Чонкадзе II 4, 13, 15, 31.
Чортъ I 87, 89, 91, 139.
Чуанъ (замокъ) I 8.
- Шамкоръ (область) III 33.
Шанаевъ Гацырь I 6.
Шанаевъ Джантемиръ, I 6, 10, 16, II 248, 249, 252, 258, 272, 272.
Шанаевы II 253, 258.
Шаруканъ (городъ) III 67.
Шахъ I 146.
Шахъ-намэ III 16, 19, 23, 24.
Шёгрень акад. I 4, 13, II 1—33, 30, 31, 38—42.
Шемахъ I 146.
Шерифъ-едъ-динъ III 38, 79.
Шифнеръ акад. I 6, 12, 13, 15, 23, III 120, 164, 170.
Штакельбергъ баронъ III 141.
- Эгрисъ (Эгеръ) область III 111.
Эльбрусъ III 7, 9, 10, 90, 91, 106, 112.
Эльда I 159 см. Ала.
Эрекинъ I 141.
Эристовы князья II 10.

Эрменрихъ III 43.	Ягузидзе II 1, 2, 31, 40, 41—
Эфюръ III 85.	43.
Юстиніанъ III 53, 54, 60.	Ярополкъ Владиміровичъ III 67.
Юстиніанъ Ринотметъ III 56, 61.	Ясы III 7, 15, 40, 41; 65—71,
Юстинъ (II) III 54, 55.	98.
Языги (народъ) III 85, 86, 95.	Θеодосія III 76.
Яссаматы (народъ) III 85.	Θеофанъ III 55, 58, 60, 61, 63.
	Θермодонтъ (рѣка) III 88, 89.
-

УКАЗАТЕЛЬ ОСЕТИНСКИХЪ СЛОВЪ).

а- II 50.
абурчн III 155.
авърчн II 87.
авд II 50, 75.
авд дъар II 259.
агайн III 146.
агд III 143.
агарчн III 147.
ад III 167.
аз д. анз III 143.
аі II 152.
аіхузон II 153.
ајас II 153.
алг III 142.
алгау III 161.
али II 89.
ам д. ами II 51 III 141.
амайн II 49.
анзисар I 129, II 266.
аразчн II 82.
арăq I 123.
арв II 50.
арг II 50.
ард II 50.
арм II 50.

арс II 50, 82, III 153.
арт II 49.
артхурон II 266.
арчн III 143.
арфă II 86.
арц III 142.
арчї I 126.
асмă II 49.
аст II 50, III 153.
астăрун III 152.
аўиндчн II 78.
ахам II 153.
аходăн III 150.
ахсчн III 142.
ахўадун III 150.
ацч II 153.

ă privativ. II 48.
ăвдёу III 157.
ăвдїсчн II 56, III 167.
ăвзаг II 83.
ăвзалч III 154.
ăвзарчн III 154.
ăвзър II 87, III 168.

*) Въ этотъ указатель вошли только тѣ осетинскія слова, которыя сопровождаются въ текстѣ этимологіями или какими нибудь замѣчаніями.

äväärvя III 154.
 ävääst III 12.
 äгас цү I 129.
 äгзалун II 49.
 äгзäлун II 49, 59.
 äд II 48, 75.
 äз II 48, 145.
 äјафун II 49.
 äлвасун II 49.
 äлвäsун II 49.
 äлвїсүн III 159.
 äлвүнүн III 158.
 äлгä III 143.
 äлмäрүн III 159.
 äлхäнүн II 60, III 145.
 äм- II 75, 214.
 äмä III 167.
 äмбäхсүн III 155
 äмбїн II 85.
 äмбїс III 155.
 äмбохун III 150.
 äмбурд II 53.
 äмдүарцїн I 124.
 äнämät II 105.
 äнгар II 67.
 äнгом III 167.
 äнгулдä II 67.
 äнгур II 57, 67.
 äнгурст II 57.
 äнгүз II 53.
 äнqälүн III 168.
 äндär II 48, 78.
 äндон III 12.
 äндурä II 99.
 äнсонун III 81, 153.
 äнүсон III 168.
 äнцад III 167.
 äнцä II 75.
 äнсуvär II 87.
 äппарүн II 96.

äппät II 158.
 äр- II 216.
 äрäг өäззäг I 129.
 äрвад II 49, III 81, 138.
 äрвїтүн II 76.
 äрдар III 80.
 äрдäг II 77.
 äрдүн II 99.
 äртä II 60.
 äрөвт II 58, 86.
 äрхү III 12.
 äстämбүн I 125.
 äттämä II 48.
 äф- II 218, III 167.
 äфсад II 60, III 81.
 äфсалä I 131, II 84.
 äфсärм II 50.
 äфсä III 138, 141.
 äфсän II 86, III 11, 15.
 äфсärүн III 153.
 äфсүмär II 87.
 äхсарт III 80, 142, 143.
 äхсäv II 73.
 äхсäз II 73, III 153.
 äхсїн II 73.
 äхсїнäг III 153, 168.
 äхсүнүн III 143.
 äхсүр II 55, 60, III 13.
 äхсүрө III 143.
 äхсүст II 76.
 ба- II 50, 215.
 бабүз II 114.
 бадүн II 51.
 баз II 51, 93, III 141.
 базуг II 85.
 базүр II 111.
 баїдäйн II 49.
 бал III 14.
 балц I 117.

бар II 49, III 157.
 барăг II 50.
 барун II 50, III 154.
 барц III 152.
 басілтă II 266, 267.
 басілтв мăі I 129.
 баўяр III 155.
 баġнăг II 47, 85.
 бадтун II 47, 48.
 бăзцін II 47, 82.
 бăл II 89.
 бăлас II 52, III 157.
 бăлăġ I 129.
 бăлон II 108.
 бампăг I 132, II 84.
 бандан II 108.
 бăрз, д. бăрзă II 85, III 138.
 бăрзонд II 82.
 бăрцă I 131.
 бастă II 85, III 155.
 бăхбăттăн I 125.
 бăхтăрăн I 122.
 бїн II 85, III 157.
 бітвна III 14.
 бірă II 56.
 бірăġ II 56.
 боġа III 13.
 бон II 51.
 бор III 80.
 боцотă II 85.
 бундор II 269, 290.
 бунт, мунт III 155.
 бӯд III 144.
 бӯз III 144.
 бӯлк III 14.
 бӯлкон II 69.
 бӯрăмăлġ II 89.
 бӯстă кăнун III 144.
 бӯл д. білă III 155.
 бун II 57.

бунат II 107.
 бунатв хїцау II 253, 270, 293.
 бунд II 7, 57, 80, III 81.
 гадца II 67, 114.
 гаїлаг II 98.
 гал II 51, 67, III 146.
 галїу III 159.
 гăġат II 107.
 гăдв II 67, III 13, 146.
 гăлăу II 113.
 гёўăргоба II 263.
 голлаг II 67, III 146.
 губорă II 240.
 губунв дўар II 254.
 гуларі габоні дўар II 260.
 гўтон I 128, II 67, III 15.
 ġăбёс I 130.
 ġăўагкїн I, 133.
 қабатăр II 99.
 қадама II 115.
 қаз III 13.
 қазун III 147.
 қал-кăнун II 72.
 қарм II 50, 72.
 қаст II 72, 93, III 147.
 қаун д. ġаун I 123, II 49.
 қăбăр хор III 13.
 қăбіс III 147.
 қăд II 72.
 қăдгом III 146.
 қăз III 147.
 қăздун III 147.
 қăлқăлаг III 147.
 қăїн II 72.
 қăлăс II 53, 72.
 қăр II 72.
 қăрзун III 146.

qäpṭḏvṭa II 114, III 13.
qäy III 13, 147.
qäyṽ zäd II 253.
qäyṽ II 49.
qṭlv ḏṽar II 254.
qṭc II 56, 72.
qotṽr II 112.
quḏṭar III 146.
quḏṭar paṣṭ I 129.
quzṽn III 147.
quṽ II 72.
qur II 54.
qṽṭ II 58, III 13.
qṽc II 58.
qvṭ II 72.
qvṽnṽn III 147.

ḏavṽn II 50, 51, 87.
ḏaräc III 142.
ḏarṭ II 50, 77.
ḏard III 151.
ḏarṽn II 50, 77.
ḏay III 151.
ḏayäṭ II 261.
ḏayṽn III 151.
ḏäṭn II 77.
ḏälä II 77.
ḏäṭimōn III 157.
ḏän II 78, III 165.
ḏänḏar II 47, 78.
ḏärṭ I 127.
ḏärṭḏä III 139.
ḏärzäṭ III 151.
ḏäc II 48, 159.
ḏäcṽn II 47, 77.
ḏätṭṽn II 77.
ḏoiṽar I 125, II 98.
ḏoiṽṽ II 115, III 162.
ḏombai III 13.
ḏomṽn III 151.

ḏon II 51.
-ḏon II 77.
ḏonbṽṭṭṽr I 127.
ḏuḏaq III 13.
ḏuṽä II 159.
ḏṽṭ I 128.
ḏṽṭṽn II 77, III 13.
ḏuṽṽ I 130.
ḏunṭä II 77.
ḏṽar II 49, 77.
ḏṽ II 78, 147.
ḏṽḏḏar II 96.
ḏṽmäg II 57.
ḏṽmṽn II 7, 53.
ḏṽrṽc II 60.
ḏṽson III 168.

ḏabṽr II 112.
ḏayma II 79.
ḏäṭar I 132, III 152.
ḏänät II 79.
ḏärṭ II 79.
ḏätṭä II 79.
-ḏäṭ I 126.
ḏiṽṭ II 79.
ḏṽṭ II 80, III 152.
ḏṽrṽn II 59, III 145.
ḏṽc II 80, III 152.
ḏṽar II 79.
ḏṽṭṽ II 79.

ṭiṭri III 14.

z- c- II 217.
zazantro III 14.
zarṽn III 145.
zäd I 120.
zälḏä II 47.
zämbṽn II 82.
zänäg II 82, III 154.

- зāngä II 47, 82, III 138.
 зārvatvг III 157.
 зāрдä II 77.
 -зāрин II 82.
 зāронд II 82, III 80.
 зāх II 74.
 зāр II 72.
 зāүрүн II 59.
 здахүн II 49.
 здāхүн II 49.
 здү III 12.
 зiан II 107.
 змāлүн II 83, III 154, 168.
 змāнтүн III 157.
 зоко II 99, III 146.
 зонүн II 51.
 зүд-кāнүн III 154.
 зүлүн II 82, III 159.
 зүмāг I 129, II 54, 82.
 зүндон II 83.
 зүнон II 83, III 154.

 ивaz III 144.
 ивazун II 49, III 144.
 ивāи III 144.
 ивāзун II 49, III 144.
 игār II 67, 90, III 160.
 игāрдун III 143.
 игāлкāнүн III 144.
 игосун III 144.
 идāўāг II 283, 284.
 изāжун III 144.
 изāд II 240, III 79.
 изгāрд кāнүн II 67.
 илāн II 272, 273.
 инāрун III 144.
 ингāн II 56.
 иннā II 55, 94.
 ip II 55.
 icтун II 81, 179.

 itivдун III 143.
 ittāг II 55.
 iўazāг III 144.
 iўарун III 144.
 ixалун II 49, III 143.
 ixāлун II 49, III 143.

 iv· iу· II 218.
 igар III 13.
 ipvāзун III 154.
 ipic-кāнүн II 56, 88.
 iотvндүн II 76.
 ix II 74, III 149.

 jāу II 47, 90.
 jāос II 47, 90, III 160.
 je, jejā II 148.
 jemivā II 115, 284.
 jeу, жу II 61, 90, 159.
 jeфтонг III 151.
 jonг III 168.
 жул II 158.

 ka II 154.
 kad II 49.
 kalм II 50, 66.
 kalүн II 49, III 145.
 kamari II 67.
 kard II 50, 78.
 karз III 145.
 karк II 50.
 kād II 105.
 kālā-ўāлgāi I 133.
 kālmārзāн III 145.
 kālүн II 49.
 kāntā I 133.
 kāнүн I 66.
 kār I 130.
 kārдо II 115.
 kārон II 52.

кәсәңи бәдүр I 8.
кәстәр II 47.
кәсүн II 46.
кәун II 61, III 145.
кәфәтә мәйә II 263.
кәхцгәнән II 291.
кәдон II 156.
кәңү II 155.
козбау II 113.
ком I 131.
комахсән II 263, 272.
комҗадән II 273.
комүн II 66.
ку II 57.
кувд I 119.
куд II 57.
куд II 67.
куидүн I 129.
курдіад I 126.
курм II 66.
куроi II 92.
күвүн II 59.
күрүн II 59.
күсарт I 122.
күсәг I 118.
күсүн II 59, III 145.

кабуска II 69.
кадтәр II 70.
кала III 12, 146.
калаңи II, 69.
камандат II 69.
камтә II 70.
канау II 69.
канәг II 70, III 146.
ках II 70, III 146.
кәбәц I 127.
кәләт II 69.
кәләу III 13.
камбәц II 69.

кәпүн II 70.
кәла I 133.
кәлдунвәлдағдәi I 133.
корд II 70.
күлдүн I 117.
күлер II 69.
кум I 131.
кумүх II 70.
кувдих II 69.
куп II 70.
купрі I 126.
курупа II 69, III 14.
күл I 119.
күлү бадәг үс I 119.
күрi II 69.
күс II 70.

ласүн II 51.
лә- II 217.
ләвар III 156.
ләгәт II 53, 99.
ләгсүрд I 150.
ләгүн I 126.
ләқұән II 96.
ләдәрун III 159.
ләмәг II 99.
ләппү II, 96.
ләнә кәпүн II 83.
лән II 55.
ләмән II 87, III 80.
ләстәг III 158.
ләдүн II 56.
ләлә II 115.

ма II 50.
мағз II 47 (опечат.) 72, 83, III 141.
мад, д. мадә II 49, III 138.
марг II 50.
марг II 50.
мәрдтдәг I 123.

мархо II 115.
 марун II 49.
 матара I 126.
 мах II 49, 145, 146.
 мәi II 87.
 мәләт II 52, III 142.
 мәлдүг II 79.
 мәлүн II 46, 48.
 мәнг III 157.
 мәрдтү бадән II 297.
 мәрзүн II 36, 82.
 мәст II 88.
 мәтүх III 158.
 мәтәл II 77.
 мәцәл II 99.
 мi I, 125.
 мiг II 55, III 138.
 мидәг II 55.
 мизүн II 56.
 мiјаг I 125.
 мiх II 56.
 moi II 88.
 мүд II 53.
 мүзд II 55, 83.
 мүккаг II 96.
 найн II 49.
 наказан II 69.
 налат II 107.
 нарәг III 168.
 нартхор III 13.
 нау II 83.
 наффә II 83.
 нә II 93.
 нәзү II 115.
 нәл II 47, III 158.
 нәмүн II 46, 48, III 155.
 нәўәг III 80.
 нәўәг боп I 129.
 нәхстәр II 47.

нәсi III 14.
 нiз II 56, 83.
 нiцү II 155.
 ном II 51.
 номгин III 80.
 нудәс, нәудәс II 159.
 нурү III 14.
 нұар III 168.
 нуог дұар II 253, 258, 259.
 нұостә III 168.
 нү- нi- II 55, 217, III 162.
 нүв II 83.
 нүвондаг I 131.
 нүгәнүн II 67.
 нүмайн II 49.
 нүмәр II 92.
 нүмәд II 106.
 нүр II 58, 83.
 нүсаинаг I 132.
 нүсан I 108.
 нүх д. нiх II 54, 73.

падцах II 84.
 паида II 84.
 пахумцар II 84.
 пец II 78.
 пiл II 84.
 пiлон II 84.
 пiсi II 84.
 праса III 14.

палет II 84.

ра- II 50, 87, 216.
 рәвәинә I 133.
 раг ўалдәг I 129.
 рагү дұар II 254.
 рад II 88.
 разәi II 87.
 райн II 88.

ран II 51.
раст II 49.
рә- II 217.
радау II 88.
рәйн II 88.
рәсйін, д. рәсујун III 153.
рәхүс I 127.
рісүн II 88.
ріхі II 74.
рон II 51.
руімон III 157.
рухән II 263.
рӯбас II 59, 85.
рӯдүнґ II 79.
рус II 59.
рӯхс II 58, 92.
рӯхсаг I 119.
руг II 67.
рунч бар дўаг II 249, 250.

сағадақ II 116.
сәйн II 82.
салд II 50.
сәнтадә II 115.
сапән II 84.
сарґ II 72.
сарүг II 116.
сау II 49, III 80.
сау барәңи дўар II 254.
сау дўар II 254.
саулағ I 118.
саөүн II 49, 82.
сахар II 74.
сәґ II 72, III 13, 153.
сәдә II 48, III 138.
сәдтүн II 47, 82, III 153.
сәдүн II 80, 81.
сәлхәр II 112.
сәмбү I 130.
сәр II 47, 81.

сәрү зәд II 254, 255, 293.
сәөтәг II 86.
сәөүн II 49.
сіаг, сіјаг III 145.
сідә, сүд III 157.
сістә, сүст III 157.
сіўә III 161.
сімүн д. сәмүн III 143.
скәнгә I 120.
скәрүн I 118, II 70.
сқола II 69.
сқуїн II 70, III 152.
сқунүн III 152.
смаг II 81.
сосәні мәјә II 263.
ссәд II 95, 106, III 80.
ссоі II 92.
ставд III 168.
стаун II 61, 76.
стәг II 76.
стуг II 81.
стүр II 58.
стүр II 58.
стәлү II 81, см. III 162.
сувәллон II 87.
сугәәріня II 47, III 138.
суїнә, сін III 161.
сумах II 49, 147, 148, III 153.
сүг III 144.
сүдін II 79.
сүдүн II 58.
сүвүлд I 133.
сүгдәг I 120, II 57.
сүд II 57, 82, III 153.
сүнт III 168.
сүрх II 57, III 83.

та III 145, 151.
табу I 131.
тавүн II 87, III 150.

тайн III 151.
 талм III 150.
 тамако II 115.
 тар II 51, 76 III 141.
 таро III 150.
 тасаг II 51, III 153.
 тасун II 76.
 таўарāq' II 116.
 тādун II 76.
 тākкā II 76.
 тāлм III 150.
 тāндтā III 150.
 тāнтā III 150.
 тāргai I 123.
 тārquc III 161.
 тāрсун II 46, 76.
 тārун (глаг.) II 48, 76.
 тārун (имя сущ.) II 57.
 тāо II 76.
 тāоcун III 150.
 тāхун II 48. III 149.
 тева, теуа III 13.
 тiг' I 129, III 150.
 тонун III 150.
 тохона II 114.
 ту III 168.
 тyг' icун I 119.
 тyлун III 158.
 тyмбyл II 112.
 тyн I 118.
 тyндун II 54.
 тyхагyр I 125.
 тyхгāнāг I 125.
 угāрдāн, д. игyāрдāн I 125.
 узун д. узун II 55.
 улyнк' II 55 (опеч.)
 унаооā II 115.
 унун д. yнун II 56,
 ург III 144.

урд III 144.
 урдyг III 144.
 урдyгyстāг I 128.
 урyн II 89 (опеч.).
 урс, yрс II 59, III 144.
 усмāн III 144.
 yдарм III 144.
 yi II 58.
 yixyзон II 153.
 yјac II 153.
 yлāоyн III 158.
 yмāл III 144.
 yромyн II 51.
 yрс II 58.
 yрсy кyрi II 273.
 yc II 92.
 yцy II 153.
 yад II 89.
 yадāхcиn I 127.
 yaidyг I 127.
 yалдāг I 129, II 51.
 yарт III 168.
 yарyиaг I 127.
 yарyн II 49.
 yасāг II 49.
 yатy хiцау II 294.
 yаоyн II 50, III 156.
 yād II 105.
 yāz II 83.
 yāлiмoн III 157.
 yānyг III 160.
 yārāх II 74.
 yāрдoн III 168.
 yāрдцā II 47.
 yāрм II 89, 111.
 yārnyг II 88.
 yārхцā III 139.

үәсс III 153.
 үәхсә III 169.
 үйдон III 168.
 үйгүн II 56.
 үйлүн III 158.
 үод II 105.
 үомун II 88.
 үомд, омд II 88.
 үотә II 76.

 өадүн III 155, 169.
 өалдәр III 156.
 өараст II 159 III 156.
 өардәг I 126.
 өаря I 121, II 86, III 81.
 өарон II 50, 86.
 өарс II 50, 81.
 өахс III 142.
 өә- II 215, III 161, 162.
 өәд II 47, 86.
 өәдiс I 130.
 өәздон II 86.
 өәззәг I 129, III 169.
 өәл- II 219.
 өәлә III 169.
 өәлiвүн II 56, III 156.
 өәллоi II 98.
 өәлм III 156.
 өәнд III 169.
 өәндаг II 47.
 өәндацi зәд II 254.
 өәндараст I 124, III, 82, 161.
 өәрәт II 52.
 өәрв I 132, II 86.
 өәрсүн II 46.
 өәсмон II 51.
 өәстә I 133.
 өәтән II 47, 76.
 өәхсүн I 124.
 өiјаг II 57, III 169.

өиртон III 169.
 өидiүәг I 123 II 56.
 өiстәг II 56, III 143.
 өонд II 52.
 өос, өонс I 130.
 өусун I 130.
 өув, өiу II 55, 61.
 өүд, д. өидә II 7, 55, III 80, 138.
 өүд, д. өид II 55, 86.
 өүд д. өуд III 155.
 өүлдәр II 89.
 өүн I 118, II 53, III 149.
 өүнг I 124, II 86.
 өүндтәс III 161.
 өүнд II 78.
 өүнн II 56.
 өүр- II 54.
 өүр д. өур III 80.
 өүрт II 57, III 80.
 өүрү дүар II 252.
 өүс д. өүс II 53, 81, III 80.
 өүссүн II 55.
 өүтцаг II 161, 162, III 164.
 өүцүн II 54.

 хадт III 150.
 халә II 114.
 хатүр II 112.
 хаун II 75.
 хәдәг II 52.
 хәзгүл д. хәзгол III 139.
 хәирәг II 73.
 хәйүн II 108.
 хәләг III 150.
 хәр I 125.
 хәрәг II 47, 73, III 13.
 хәрiс I 129.
 хәрүн II, 52, 74.
 хәссүн II 94, III 149.
 хәф III 148.

- хăцун II 52, 74.
 хін II 55, 74, III 143.
 хіст II 264.
 хід II 56, 74, III 138
 хізун II 56, 74.
 хіцау III 151.
 хо, д. хўарă II 52, 73, 92, III 142.
 хонун II 51, 73.
 хорă II 52, 73, III 141.
 хор д. хўар III 13, 150.
 хорч бон I 120, II 279, 280.
 ху II 74, III 13.
 хуăсаг I 133.
 хуїн II 58, 74.
 хуинун III 149.
 хулă II 75, III 148.
 хулăн дауматă I 126.
 хурдін II 79.
 хуск II 58, 74.
 хуссун II 52, III 142.
 хуфун II 75, III 149.
 хуцаун дўар II 251, 253, 277.
 хўд II 58, 73.
 хўдун II 58, 73.
 хўр д. хор II 52, 73, III 142.
 хўрх II 54, 74, III 148.
 хўссар I 131.
 хўасă III 13.

 цад II 78.
 цаг II 156.
 цалх II 50, 78, III 159.
 царв II 50, 78.
 царм II 50, 78.
 цас II 153.
 цатр II 78.

 цăгат I 131, II 107.
 цăi (частица) I 117.
 цăппорсё II 264, 282.
 цăрун II 46, 78.
 цăском III 161.
 цăст II 47, 106, III 141.
 цăўят III 142.
 цăу-дўар II 259, 260.
 цăун II 61, 78.
 цăхрін I 124.
 ціргјесăн II 277.
 цўдун III 151.
 цўрун III 151.
 цв II 154.
 цвбдв II 115, III 14.
 цвбвр II 112.
 цвгд III 152.
 цвмгă I 125.
 цвмун II 54, 78.
 цвппар II 50, 54, 78.
 цвраг II 78.
 цврв III 151.
 цврг II 55, 79.
 цврт II 55.
 цврвq II 116.
 цвт II 55.

 цїу д. цёу II 80.
 цўнда II 114.
 цўф II 79.

 чёма II 114.
 чілаўі III 14.
 чї II 154.

 чїрї д. жёрё I 119.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Следует:
13	17 сверху	тәўа	тәўа
—	20 —	ігәр, јегәр	ігәр, јегәр
14	8 —	каґалі	каґалі
—	10 —	комбосто	комбосто
—	13 —	бітґна	бітґна
—	14 —	булк	бүлк
—	22 —	кумбүл, д. кумбул	кумбүл, д. кумбул
35	3 —	Дургулель	Доргулель
42	9 —	Dalıalmanı	Darıalmanı
62	19 снизу	хозарамъ	хазарамъ
80	5 сверху	оусә	оус
152	6 снизу	астәрун	астәрун
155	9 сверху	баўар	баўар
157	8 —	авдёу	авдёу
184	6 —	хәјўанбәл	хәјўанбәл

*PB-43384-SB

5-03

СС

В-Т

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

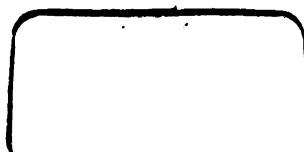

www.libtool.com.cn

Q
60
M868
1887

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

www.libtool.com.cn